

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

На правах рукописи

Бекеева Айгуль Муратовна

**КУМЫКСКАЯ ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: СВОЕОБРАЗИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

**Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
Муртазалиев Ахмед Магомедович,
доктор филологических наук

Махачкала – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. КУМЫКСКАЯ ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1950–1980-х ГОДОВ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ, ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	13
1. 1. Кумыкская детская поэзия 1950–1980-х гг.: проблемы, тематика, система образов и жанровое развитие.....	13
1. 2. Влияние фольклорных традиций на развитие кумыкской колыбельной песни в литературе.....	43
1. 3. Поэтическая система стихотворной литературной сказки А. Аджиева.....	60
ГЛАВА II. КУМЫКСКАЯ ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1990–2020-х ГОДОВ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПУТИ И НОВАТОРСКИЕ ИСКАНИЯ.....	73
2.1. Тенденции развития детской кумыкской поэзии 1990–2020-х годов.....	73
2.2. Нравственные искания А. Джачаева: поэтическая интерпретация духовных ценностей.....	99
2.3. Специфика детской поэзии Н. Байболатова.....	109
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	129
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	137

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Художественное слово имеет огромное воздействие на сознание человека на протяжении всей его жизни. Особенное влияние оно оказывает на слушателя, растущего и развивающегося с самого детства, поскольку роль детской литературы неоспоримо велика в воспитании детей с первого года жизни. Произведения художественной, научно-художественной, научной, научно-популярной литературы расширяют знания ребенка, помогают в формировании его жизненных позиций, нравственных принципов и эстетических интересов.

Еще в 1948 г. А. П. Бабушкина в книге «История русской детской литературы» писала, что «детская литература – это литература, специально предназначенная для детей до 16 лет и осуществляющая языком художественных образов задачи воспитания и образования детей» [9]. Первые известные примеры текстов, предназначенных для детей, можно найти в древних рукописях и книгах на Руси. В XVII веке в России наряду с образовательным материалом появились и художественные произведения для детей. У истоков русской детской литературы стояли выдающиеся литературные деятели, чьи произведения оказали значительное влияние на формирование этого литературного направления. Среди них следует выделить И. Крылова, А. Толстого, С. Маршака, К. Чуковского, А. Барто и мн. др.

Как пишет исследователь татарской детской литературы Л. И. Мингазова, «понятие “ребенок” очень важно для определения границ между взрослой и детской литературами, поскольку обладающая специфическими особенностями детская литература хранит в себе и общие закономерности, и черты особенности» [2011: 4].

В наши дни изучение национальной детской литературы особенно актуально, так как именно она является одной из фундаментальных основ

в воспитании подрастающего поколения, в формировании этнического интереса к родной земле и языку предков.

История кумыкской детской литературы, этапы ее развития вызывают глубокий научный интерес. Становление кумыкской детской литературы восходит к устной народной поэзии, она сформировалась «на основе фольклора, богатого эпическими, героическими и лирическими песнями, сказками и т. д.» [Литературы народов России. XX век: словарь 2005: 163]. Детская литература, в которой представлены основные жанры поэзии и прозы, занимает во «взрослой» кумыкской литературе особое место. В рамках данной диссертационной работы рассматривается кумыкская детская поэзия, развитие которой приходится на вторую половину XX – начало XXI века.

В становлении детской кумыкской поэзии весома роль А.-П. Салаватова (1901–1942), Т. Бейбулатова (1879–1942), А. Баширова (1894–1947), А. Магомедова (1869–1937), Н. Ханмурзаева (1897–1950), А.-В. Сулейманова (1909–1995) и др. В 1950-е годы начинается этап активного развития кумыкской детской литературы, в том числе поэзии, требующий основательного изучения.

Прошедшая сложнейший путь от зарождения до полного расцвета, кумыкская детская поэзия данного периода представляет собой богатый материал, развивавшийся в рамках национальной идентичной системы. Отсутствие комплексного, системно-аналитического исследования этого процесса указанного периода обусловило необходимость обращения к выбранной диссертационной теме. Представленная работа – первая попытка воссоздать целостную картину развития кумыкской детской поэзии на стыке двух веков, раскрыть художественную картину в ее жанровом, идейно-эстетическом плане, что и обуславливает актуальность выбранной темы.

Исследование кумыкской детской поэзии имеет большое значение для психологов, педагогов, литературоведов и других специалистов, работающих с детьми. Познание особенностей и тенденций ее развития позволяет выявлять произведения, способствующие гармоничному развитию ребенка. Детская поэзия

способствует формированию ключевых констант этнической культуры и национального сознания у подрастающего поколения, что также подтверждает актуальность настоящего исследования.

Объект исследования – кумыкская детская поэзия второй половины XX – начала XXI века.

Предмет исследования – тематическое, жанровое и стилистическое своеобразие оригинальных авторских художественных произведений кумыкской детской поэзии второй половины XX – начала XXI века.

Степень разработанности проблемы. Критико-биографические очерки творчества ряда кумыкских писателей представлены в работах К. К. Султанова «Поэты Дагестана» [1959] и «Певцы разных народов» [1971]. О дагестанских литераторах, прежде всего о горских поэтах, рассказывается в книге «По тропам времени» Н. В. Капиевой [1982].

Х. Ш. Хаметова в педагогической брошюре «Стих-воспитатель» [1969] рассматривает воспитательные и эстетические функции стихов дагестанских поэтов. В разделе «Под голубым небом детства» в книге К. К. Султанова «Достоинство слова» [1976] анализируются наиболее значительные явления дагестанской детской поэзии 1960–1970-х годов.

В литературно-художественном очерке «Путешествие в страну Синегорию» [Гасан-Гусейнов 1991] автор обращается к истокам развития дагестанской детской литературы и относит их к устному народному творчеству.

Впервые к исследованию дагестанской детской литературы обратилась Ф. Х. Мухамедова – автор таких фундаментальных трудов, как «Дагестанская детская поэзия» [1991], «Дагестанская детская литература: историко-литературный очерк» [2001]. Исследователь рассматривает возникновение и развитие литературы для детей в Дагестане в 20–80-е годы XX столетия, отмечает ее гуманистическую направленность, прослеживает влияние творчества советских детских писателей на идейно-тематическое и художественное

обогащение литератур народов Дагестана, анализирует такие жанровые формы данного периода, как поэмы, стихотворные рассказы, литературные сказки и др.

В дагестанском литературоведении исследованию кумыкской детской литературы в целом и ее форм, в частности поэзии, уделяется недостаточное внимание. Отдельные проблемы становления и развития кумыкской детской поэзии исследованы в работе Н. К. Аджаматовой «Возникновение и развитие кумыкской детской поэзии (конец XIX – первая половина XX века)» [1994]. Автор отмечает, что детская поэзия кумыков, как и вся дагестанская детская литература, начинала свой путь на страницах учебной литературы, содержание которой в основном составляли фольклорные произведения. Наряду с достоинствами развития советской детской поэзии кумыков Н. К. Аджаматова отмечает и ее недостатки: декларативность, риторичность, увлеченность лозунгами, узость тематики, сухость изложения материала, а также неглубокое проникновение в специфику детской поэзии.

Ряд диссертационных работ посвящен изучению жизни и творчества кумыкских писателей А. Акаева, И. Казака, Ш. Альбериева, А.-П. Салаватова, А. Магомедова, А. Баширова, М. Атабаева, А.-В. Сулейманова, Казиява Али, Б. Астемирова, А. Аджаматова, М. Яхьяева, Дж. Керимовой, Б. Аджиева, литературно-критической деятельности К. Султанова и мн. др. Однако лишь в некоторых трудах нашли отражение исследования творчества писателей, посвященного детям. Тематическое богатство и жанровое разнообразие поэтического творчества кумыкского детского поэта В. Атаева рассматривается в кандидатской диссертации Д. З. Атаевой «Детская поэзия Вагита Атаева: вопросы традиции и новаторства» [2012], а также в монографии «Детский мир Вагита Атаева: к проблеме поэтики кумыкской детской литературы» [Акавов и др. 2014].

Исследуя идейно-художественные особенности лирики А. Меджидова, И. А.-М. Меджидова раскрывает принципы учета возрастных особенностей детей в стихах поэта, фольклорные традиции, отмечает тематическое разнообразие, а также анализирует его пейзажную и социально-философскую лирику [2004].

На сегодняшний день не существует системного исследования истории кумыкской детской поэзии второй половины XX – начала XXI века. Ее исследование, как одной из составляющих подсистемы кумыкской литературы, делает необходимым обращение к творчеству не только известных, но и малоизвестных авторов, произведения которых не были изучены до настоящего времени.

Цель исследования состоит в системно-комплексном изучении кумыкской детской поэзии второй половины XX – начала XXI века.

В связи с поставленной целью определяются и решаются следующие **задачи**:

- проследить основные тенденции развития кумыкской детской поэзии 1950–2020-х годов на основе анализа поэтических произведений для детей, выявить их идейно-эстетическое, жанровое, художественное своеобразие;
- исследовать влияние культурно-исторической среды на развитие кумыкской детской поэзии второй половины XX – начала XXI века;
- проанализировать национальные особенности кумыкской детской поэзии, определить аспекты влияния русской детской литературы и фольклорных традиций;
- проследить процесс жанрового развития кумыкской детской поэзии на материале стихотворной литературной сказки, стихотворного рассказа, колыбельных песен и др., выявить их связи с фольклорными традициями;
- определить вклад кумыкских поэтов в процесс становления и развития не только кумыкской, но и дагестанской детской литературы, а также детской литературы СССР и России.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что кумыкская детская поэзия отражает основные тенденции развития литературы для «взрослых». В работе утверждается, что, опираясь на достижения фольклорного прошлого, кумыкские писатели создают новый пласт литературного творчества;

наступает этап глубокого осмысления и проникновения богатого фольклорного материала в творческие горизонты авторов, пишущих для детей на родном языке.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в данном исследовании впервые предпринята попытка системного изучения кумыкской детской поэзии второй половины XX – начала XXI века.

Комплексный подход к исследованию материала позволяет проследить тенденции развития кумыкской детской поэзии как особой подсистемы детской литературы, выявить специфику ее развития в соотнесении с дагестанской литературой в целом.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в создание целостной картины развития кумыкской детской поэзии, следовательно, кумыкской и в целом дагестанской литературы, поскольку в сферу научного исследования вовлекается творчество поэтов, чья детская поэзия не была ранее изучена, а также новые неизвестные в дагестанском литературоведении имена современных кумыкских поэтов, пишущих для детей.

Полученные в работе выводы представляются значимыми с точки зрения современных теорий национальной идентичности. Научные результаты диссертационной работы, а также методы исследования богатого фактического материала кумыкской детской поэзии могут быть использованы в комплексном изучении кумыкской детской литературы рассматриваемого периода, а также детских литератур народов Дагестана, Северного Кавказа и тюркоязычных этносов.

Практическая значимость. Основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при написании учебников по истории кумыкской детской литературы, в разработке учебно-методических пособий по дагестанской детской литературе в разделе кумыкской детской литературы.

Полученные в исследовании результаты могут быть применены при создании обобщающих работ по истории дагестанской литературы, разработке и

чтении курсов по детской литературе, истории кумыкской литературы на филологических факультетах вузов, а также послужить необходимым материалом при изучении детской поэзии кумыков в школах, лицеях, колледжах.

Методы исследования определяются поставленными целью и задачами. При проведении диссертационного исследования мы использовали биографический, историко-литературный, сопоставительный и сравнительно-исторический методы в сочетании с системным анализом, с приемом интерпретации художественных текстов. В процессе научно-критического осмысления детской поэзии мы обращались не только к фольклористике и «взрослой» литературе, но и к основам педагогической психологии.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют работы, посвященные изучению особенностей детской литературы, содержащие главные теоретические положения о ее специфике. Среди них исследования В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, К. Д. Ушинского, Н. А. Добролюбова, А. М. Горького, С. А. Баруздина, Б. А. Бегак, К. И. Чуковского, В. Л. Разумневича, Ф. С. Капицы, Т. М. Колядича, В. И. Лейбсона, Н. К. Крупской, С. М. Лойтер, М. Н. Лейдермана, М. А. Рыбниковой, И. Н. Арзамасцевой, С. А. Николаевой, О. С. Октябрьской, О. Н. Говорковой, Г. Лелевича, Г. С. Виноградова, Е. Е. Зубаревой, В. В. Головина, В. П. Александрова и др.

В своих научных изысканиях мы опирались на труды дагестанских исследователей истории дагестанской литературы и фольклора, в том числе кумыкской: К. К. Султанова, И. Х. Асекова, А. М. Аджиева, Ч. С. Юсуповой, Г. Б. Мусахановой, К. Д. Султанова, Х. М. Халилова, Ф. З. Абакаровой, А. Т. Акамова, А. М. Муртазалиева, Ф. Х. Мухамедовой, Ф. А. Алиевой, А.-К. Ю. Абдуллатипова, Л. А. Шабоевой, М. А. Гусейнова, З. Н. Акавова, М. А. Алиевой, Н. К. Аджаматовой, Н. З. Гаджиевой, А. А. Алихановой, Г. Н. Маллалиева и др.

В ходе написания работы мы также обращались к исследованиям детских литератур других народов России и бывшего СССР: Р. М. Ураксимой,

М. А. Шхабацевой, Б. Х. Лямовой, Л. И. Мингазовой, С. М. Каракотовой, Э. С. Гуревич и др.

Материалом исследования послужили поэтические тексты кумыкской детской литературы второй половины XX – начала XXI века. Источниковедческой базой диссертации являются:

1. Художественные произведения для детей и подростков, написанные в 1950–2020-е годы. К исследованию мы привлекли наиболее распространенные жанры, а именно: стихотворения, стихотворные рассказы, стихотворные литературные сказки, колыбельные песни (фольклорные и литературные), басни, загадки, адресованные детям.

2. Произведения кумыкской поэзии, не адресованные непосредственно детям, но вошедшие в круг детского чтения (поэзия А. Джачаева, С. Мамаевой, Н. Арслановой, Р. Абакаровой, М.-Н. Халилова и др.).

3. Биографическая литература о кумыкских поэтах XX – начала XXI века.

4. Монографии, критические заметки, очерки, научные статьи о дагестанских детских писателях и отдельных произведениях детской, подростковой и юношеской литературы.

5. Антологии, учебные пособия по детской литературе, хрестоматии по кумыкской литературе с 1 по 11 классы.

Хронологическими рамками исследования являются 1950–2020-е годы – период расцвета кумыкской детской поэзии и ее активного развития.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Становление кумыкской детской литературы, в том числе поэзии, проходило параллельно со взрослой литературой в рамках единого литературного процесса. Кумыкская детская поэзия вбирает в себя основы фольклорного материала и открывает новые творческие горизонты для поэтов, пишущих для детей.

2. Кумыкские писатели в произведениях для детей использовали яркие элементы детского фольклора: игровые и шуточные песни, считалки,

колыбельные, потешки, пестушки, сказки, модифицируя их согласно канонам литературного творчества. Фольклорные сказочные мотивы наблюдаются в жанре стихотворной литературной сказки, а колыбельные песни, трансформируясь в творчестве поэтов, являются исконно фольклорным жанром, «перекочевавшим» в литературу. Пословицы и поговорки нередко используются в литературных произведениях, способствуя развитию образного и аналитического мышления у детей.

3. Во второй половине XX века формируются основные жанры кумыкской детской поэзии, наблюдается расцвет в идейно-тематическом и жанровом отношениях: появляются новые произведения в жанрах стихотворной литературной сказки, поэмы, загадки; развиваются малые жанры игровой поэзии: колыбельные песни, пестушки, считалки, заклички.

4. Начало XXI века для кумыкской детской поэзии ознаменовано большим демократизмом в выборе тем и проблем современного общества, образы героев многогранны, не обойдены стороной культурно-исторические и трагические события. Кумыкские поэты 1990–2020-х годов пытаются более тесно связать свои произведения с жизнью и интересами современных детей, чтобы их стихи стали доступны и понятны молодому поколению.

5. Поэзия А. Джачаева рассматриваемого периода отражает советское прошлое и новые художественные обретения современности. Им поднимаются нравственные проблемы взаимоотношений отцов и детей, восприятия жизни и смерти, высокие темы духовного развития, достоинства, чести и мн. др. Особое место в его поэзии занимает образ матери. Стихи, посвященные ей, автобиографичны, что делает их особенно трогательными, живыми и эмоциональными.

6. Творчество для детей Н. Байболатова обогащает современную кумыкскую детскую литературу. Его стихи помогают ребенку лучше понимать окружающий мир, узнавать национальную культуру.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены и обсуждены на заседании отдела литературы Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, изложены в виде научных сообщений и докладов на региональных, всероссийских, международных конференциях и научных сессиях: Всероссийской научной конференции «Гамзатовские чтения – 2018» (Махачкала, 2018), V Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 2018), Международной научно-практической конференции, посвященной вопросам сохранения и развития родных языков (Махачкала, 2019), Международной конференции «Process Management and Scientific Developments» (Birmingham, United Kingdom, 2020), Международном научном конгрессе «Современная наука, человек и цивилизация» (Грозный, 2020), Республиканской научной сессии «Гуманитарное знание: состояние и перспективы развития в XXI веке. К 95-летию академика Г. Г. Гамзатова» (Махачкала, 2021).

По теме исследования опубликовано пятнадцать научных статей, семь из которых вошли в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Цель и задачи исследования определяют **структуру** и **объём** диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Основная концепция и содержание работы изложены на ста семидесяти семи страницах (из них сорок одна страница – список использованной теоретической и справочной литературы, источникового материала).

ГЛАВА I. КУМЫКСКАЯ ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1950–1980-х ГОДОВ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ, ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

1. 1. Кумыкская детская поэзия 1950–1980-х гг.: проблемы, тематика, система образов и жанровое развитие

Устное народное творчество является неиссякаемым источником глубоких идей и ярких художественных образов. История мировой литературы на протяжении тысячелетий отражала влияние фольклора на творчество писателей. На формирование кумыкской детской поэзии наряду с другими факторами (к примеру, воздействие лучших образцов русской поэзии для детей) значительное влияние оказало богатое устное народное творчество кумыков. Исторически сложившаяся взаимосвязь кумыкской детской литературы и фольклора – одна из значимых закономерностей развития самой поэзии – определяет ее важную роль в дагестанской литературе.

Кумыкские писатели в своих произведениях для детей, как правило, использовали яркие элементы детского фольклора: игровые и шуточные песни, считалки, колыбельные, потешки, пестушки, сказки, модифицируя их согласно канонам литературного творчества. В лучших образцах кумыкского фольклора отражалась народная мудрость, и детская литература, имеющая прежде всего назидательный характер, обогащала свои страницы обращением к фольклорной поэтике и сюжетике. Фольклорные сказочные мотивы наблюдаются в жанре стихотворной литературной сказки, а колыбельные песни, которые трансформируются в творчестве поэтов, являются исконно фольклорным жанром, «перекочевавшим» в литературу. Пословицы и поговорки нередко используются в литературных произведениях, способствуя развитию образного и аналитического мышления у детей.

В творчестве некоторых авторов фольклорные мотивы явно прослеживаются как в тематических, так и в жанровых предпочтениях. У других поэтов отголоски

устного народного творчества не столь очевидны: мы не можем утверждать, что причиной завуалированного фольклоризма в литературе может быть современный период, к которому относится творчество того или иного автора, а объясняем это явление желанием писателя отразить собственно авторскую индивидуальность, нежели народную. Большое влияние на развитие дагестанской литературы «оказал и “взрослый” фонд устного народного творчества – героико-исторические песни, легенды, предания, баллады, пословицы, поговорки. Произведения этих жанров также входили и входят в круг детского чтения, слушания, восприятия» [Мухамедова 2001: 18]. Гипотезу преемственности детской литературы из детского фольклора озвучил Г. С. Виноградов еще в 1920 году, назвав свои произведения для детей «изводом из детского фольклора» [1998: 156].

Наступление нового поствоенного времени внесло свои коррективы в авторскую идеологию многих произведений, адресованных как взрослой, так и детской аудитории. Однако основные задачи – научить любить Родину и защищать ее, пробуждать в детях трудолюбие и бережное отношение к природе – оставались прежними. Многие известные поэты – такие, как А. Аджиев, А.-В. Сулейманов, К. Султанов, Б. Астемиров, А. Аджаматов, чье творчество посвящено взрослым и детям, продолжают вносить свой вклад в развитие детской поэзии кумыков, отражая в произведениях актуальные проблемы современности.

В 1950 году состоялся пленум Союза советских писателей, на котором были определены задачи, стоящие перед писателями, создающими фонд детской и юношеской литературы. На пленуме констатировалось, что послевоенная литература для детей в СССР имеет большие достижения, что «состояние детской литературы характеризует правдивое и яркое изображение нашей действительности, типических черт новой, советской жизни» [Сурков 1953: 11].

В этот период открываются новые возможности и для дагестанских поэтов и писателей. Сборники детских стихов печатаются не только в хрестоматиях и журналах, но и выпускаются отдельными книгами в Дагестанском книжном и учебно-педагогическом издательствах. Плеяда талантливых кумыкских писателей,

следуя опыту основоположников многонациональной советской детской литературы, продолжает вносить весомый вклад в развитие детской литературы и поэзии, в частности. А. М. Горький писал: «Литератор должен понять, что он не только пишет пером, но – рисует словами, и рисует не как мастер живописи, изображающий человека неподвижным, а пытается изобразить людей в непрерывном движении, в действии, в бесконечных столкновениях между собой, в борьбе классов, групп, единиц. Но в мире нет движения, которое не встречало бы сопротивления. Отсюда – ясно, что ... писатель должен обладать хорошим знанием истории прошлого и знанием социальных явлений современности...» [1935: 325–326].

Кумыкская детская поэзия в послевоенные годы характеризуется прежде всего воплощением в ней темы любви к Родине, активизацией писательских сил, направленных на отображение героизма советского народа в годы Великой Отечественной войны.

В 1948 году А. Аджиев издает поэтический сборник стихов для детей «Боевые ребята» («Къужурлу къурдашлар»), в который вошли стихи, поэмы и сказки для детей. Военная тематика отражена в его стихотворении «Пятеро против одного» («Бешевге бирев»), героем которого становится советский солдат, проявивший отвагу и самоотверженность в неравном бою с фашистскими агрессорами.

Для А. Аджиева не характерен агитационно-призывной тон, он изображает военную действительность для вынесения урока самим читателем-наблюдателем. Стихотворение «Пятеро против одного» написано не только с целью романтизации образа национального героя, но и показа безграничной любви матери к сыну, выраженной в ее мудрых советах, благодаря которым храбрец в час неравной битвы с врагом сумел избежать смерти:

«Тюбегинг хата этсе,
Онгуз тюше ишлеринг,
Вобре балам унутма

«Если ружье твое ошибется,
И дела будут очень плохи,
Ни в коем случае, дитя мое, не забывай

Тишлеринг бар, тишлеринг...»¹   У тебя есть зубы, зубы...»
 [Аджиев 1948: 15]

Храбрец Атав осознает значение материнских слов, лишь столкнувшись лицом к лицу со смертью. Расправляясь с ненавистными врагами один за другим, к концу жестокой схватки он, уже обезоруженный, вспоминает напутствие матери, и это подсказывает ему как поступить, чтобы не погибнуть:

Атав ана Ватандан	Атав для Родины-матери
Аямай эди жанын,	Не жалел своей жизни,
Тутуп хабуп фашистни	Схватив, укусил фашиста и
Юлкьуп алды хырданын.	Разорвал ему горло.
[Аджиев 1948: 17]	

Сцена расправы над фашистом кажется довольно жестокой для детского чтения и психологического восприятия. Объяснением этому служит тот факт, что данное лирическое стихотворение, имевшее на русском языке название «По слову матери», было написано в годы войны под влиянием популярных стихов «Наказ сыну» (1943) М. Исаковского, «Материнское напутствие» (1941) С. Вургунa и др. Позднее А. Аджиев адаптировал его для детского чтения, сократив содержание и упростив язык. Несмотря на то, что эта версия была предназначена для маленького читателя, естественное изображение военных событий, высокая экспрессия и ярко выраженная ненависть к немецким захватчикам позволили художнику слова убедительно изобразить один из жестоких эпизодов Великой Отечественной войны.

Мрачные оттенки создаются дополнительным описанием обстоятельств: дождливая погода («Явунлу эди чакъ да»), забытый в окопах нож («Окопда кьалгъан эди / Белиндеги бичакъ да»), сломавшийся автомат и израненное в результате сражения тело («Автоматы да сынды / Яраланды оьзю де»).

А. Аджиев внес изменение в адаптированное для детей произведение: герой не погибает, а остается жить. Богатый творческий опыт и знание детской

---

¹ Здесь и далее перевод автора диссертации.

психологии подсказали писателю как не разочаровать раннего и полного надежд маленького читателя. Завершающие строки о награждении выжившего героя орденом свидетельствуют о том, что А. Аджиев говорит детям: любой подвиг во имя Отчизны не останется незамеченным и обязательно получит заслуженную награду.

Сборник «Боевые ребята» следует рассматривать как начало литературных открытий не только для самого поэта, но и для истории кумыкской детской литературы в целом. Его интерес к поэмам и стихотворным сказкам начинается с известных многим читателям и исследователям детской поэзии произведений: «Болтливая утка»¹ («Авузгъа бош акъ бабиш»), «Сестры Нарта» («Нартны кыызардашлары»), «На рассвете» («Эртен чакъда»).

Наряду с А. Аджиевым пополняет сокровищницу кумыкской детской литературы его современник – К. Султанов, который является одним из ярких писателей Дагестана, автор, творивший для детей с особой любовью. Он издает ряд стихотворных сборников для детей младшего и среднего возраста: «Жизнь детей» («Яшланы яшаву, 1948), «Звезды» («Юлдузлар», 1949), «Дети и птицы» («Яшлар ва къушлар», 1956), «Пшеничное зерно» («Будай бюртюк», 1964), «Голуби» («Гёгюрчюнлер», 1961), «Лучи солнца» («Гюнню шавласы», 1962), «Корни» («Тамурлар», 1963) и др. Тематические тенденции, характерные для его произведений, определяются как гуманистические, воспитывающие в детях трудолюбие, честность, безграничную любовь к Родине. В стихотворении «Берегите книги» («Китапланы аягъыз»), где поэт рассказывает маленьким читателям о нелегком пути создания источника знаний, звучит призыв учиться и почитать книгу.

Китапланы язалар
Язывчулар, алимлер ...
Оьзлени охуйгъангъа
Бермек учун билимлер.

Книги пишут
Писатели, ученые ...
Чтобы их читателю
Подарить знания.

---

¹ В дословном переводе с кумыкского на русский язык «Болтливая белая утка».

Къол язывлар янгыдан
 Языла машинкада.
 Китап болмакълыкъ учун
 Таманлыкъ этмей ода.

[Султанов 1956: 12]

То, что написано от руки, по новой,
 Пишется на машинках.
 Чтобы книга была создана,
 Недостаточно и этого.

В сборнике стихов для детей младшего школьного возраста «Дети и птицы» («Яшлар ва къушлар») К. Султанов воспевает образ Ленина и призывает следовать его наставлениям учиться в стихах «Дорогой Ленина» («Ленинни ёлу булан»), «Мы – дети Ленина» («Биз Ленинни яшларыбыз»), «Наша Родина» («Бизин Ватан»). Патриотические мотивы звучат и в произведениях «Воспоминие о Ленине» («Ленинни эсгерив»), «Памятник Ленину» («Ленинни памятниги»), «Хвала Сталину» («Сталинге макътав»), «В Кремль поступают радостные вести» («Кремлге геле сююнч хабарлар»), «Да здравствует Советская Отчизна» («Совет Ватан яшасын»), «Москве» («Москвагъа»), «Кто счастливый?» («Ким насипли?»), «Слово солдата» («Солдатны сёзю») [Султанов 1949] и мн. др.

Образ Ленина можно встретить и в развивающемся жанре литературных загадок в сборнике Б. Астемирова:

Ялламай, бере ярыкъ.
 Гъар гече бизге тарыкъ.
 Теллер булан байлавлу,
 Ильич берген аявлу

[Астемиров 1957: 15]

(Электрик гюч)

Даёт свет без огня.
 Необходимый нам каждую ночь.
 Связано с проводами,
 Дорогой наш подарок от Ильича.

(Электричество)

После окончания Великой Отечественной войны в стране возросла роль Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина, которая делала основной упор на формировании новых людей. К. Султанов описывает пионерскую жизнь, наполненную радостями героических будней, приобщая таким образом детей разного возраста к труду, уважению старших, не взирая на страхи, откликаться на беду ближнего и почитать ценности семьи и школы в стихотворениях «Берегите книги» («Китапланы аягъыз»), «На уроке географии» («География дарсда»), «Хорошие ребята» («Яхшы яшлар»), «Пионеры на поле» («Пионерлер авлакъда»)

[Султанов 1956] и др. Дисциплинированность советского народа и сплоченность детей и отцов показывает стих из пяти строф «Отец и сын» («Атасы ва уланы»):

Яхшы ишлей атасы,	Хорошо работает отец,
Яхшы охусун уланы.	Пусть хорошо учится сын.
Завод да, школа да,	И завод, и школа,
Къой, макътасын оланы!	Пусть похвалят их!

[Султанов 1956: 16]

Авторские строки «И для взрослого и молодого у нас дисциплина важна» («Уллугъа да яшгъа да бизде низам аявлу») отражают мировоззрение советского народа и его желание трудиться добросовестно и честно, говорят о рабочем энтузиазме и развитии чувстве ответственности.

Благородных и отзывчивых пионеров мы видим и в стихах Ю. Алимханова «Пионер», «Верные друзья» («Герти ёлдашлар»), «Получили благодарность» («Баракалла алдылар») [1958]. Показывая повседневную жизнь ребят, Ю. Алимханов дополняет образность своих стихотворений непоседами. Так, «взбалмошный», как характеризует его сам автор, Темев высмеивает маленького плачущего ребенка, отбирает шапку у беззащитного и бьет по голове. Постоять за слабого приходит сверстник хулигана благовоспитанный Али. Его мы встречаем и в стихотворении «“Талант” Мытыка» («Мытыкъны “гъюнери”») [Алимханов 1958], где непослушание старшего брата Али обернулось для героя травмой.

Таким образом, пионерский образ жизни, которому следовали дети, стал своего рода трендовой линией для детских писателей советского Дагестана. Многие произведения были направлены на то, чтобы воспитать в детях силу духа и воли, прилежание, нравственную чистоту, чувство собственного достоинства, активную гражданскую позицию и безграничную любовь к Родине.

В послевоенные годы у поэтов, пишущих для детей, возрастает интерес к сказочным жанрам: на основании фольклорных сюжетов поэты и писатели создавали собственный мир волшебства, не забывая при этом о своей главной миссии: воспитывать в детях самоотверженность, храбрость, трудолюбие и отзывчивость. Кумыкская детская поэзия 1960–1970-х годов, сохраняя традиции

предыдущих лет, продолжает создавать произведения с элементами волшебства в жанре литературной сказки. Наряду с А. Аджиевым, к жанру стихотворной сказки обращаются К. Султанов, А. Аджаматов, А.-В. Сулейманов, Казияв Али и др.

В процессе освоения жанров детской литературы особое внимание уделяется стихотворной литературной сказке, получившей развитие в творчестве А. Аджиева и А.-В. Сулейманова. В 1950-е годы данным жанром увлекаются и другие поэты. Так, К. Султанов издает сборник «Сказки» («Ёмакълар», 1955) [Султанов, 1955].

Отличительная особенность его литературных сказок – вынесение в их заголовки народных пословиц и поговорок: «Если ты лиса, то я ее хвост» («Сен тюлкую бусанг, мен къуйругъуман»), «Тот, кто яму роет другому, сам в нее попадет» («Гишиге къабур къазгъан оъзю тюшер»), «Хоть и сам сыт, глаза не насытились» («Оъзю тойса да, гёзю тоймай») и др., что свидетельствует о взаимодействии фольклора и новой формирующейся словесной культуры для детей.

Первые литературные сказки в кумыкской детской литературе бытовали еще в 1930-е годы в прозаической форме и были написаны народным сказителем Дагестана Аяу Акавовым. В них нашли отражение «явления новой социалистической действительности, которые органически вписались в традиционную форму благодаря щедрому таланту, глубокому знанию богатств сказочного фольклора своего народа, тонкому художественному чутью и взыскательному вкусу сказочника» [Мухамедова 2004].

Одной из важных особенностей создания детского литературного произведения было сохранение атмосферы сказочности и волшебства. Л. Ю. Брауде считает, что «литературная сказка – авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо придуманное самим писателем, но в любом случае подчиненное его воле; произведение, преимущественно фантастическое, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев и в некоторых

случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетобразующего фактора, помогает охарактеризовать персонажей» [Брауде 1979: 6–7]. По мнению В. Разумневича, именно «магия поэтической речи зачаровывает малыша. Действия отрицательных литературных героев вызывают в душе гневный протест. Над страданиями положительных персонажей он плачет, мучается. Зато хлопает в ладоши и ликует, когда торжествует справедливость, когда любимый герой побеждает» [1975: 4]. Очень важно, чтобы образы были доступны восприятию малыша, их действия удерживали внимание маленьких читателей, а сюжет завораживал.

История кумыкской детской поэзии помнит первые сказки А.-В. Сулейманова, написанные в послевоенные годы, в которых автор поднимал нравственные проблемы, направленные на трудовое воспитание детей: «Искатель счастья» («Насибин излевчу», 1946), «Труд, ум, счастье» («Загьмат, гьакьыл, насип», 1947), «Рассказ о труде» («Загьматны гьакьында хабар», 1947) [Сулейманов 1948]. «Рассказ старого волка» («Къарт бёрюню хабары») – самая ранняя литературная сказка А.-В. Сулейманова. Написанная еще в 1933 году, она свидетельствовала о зарождении данного жанра в кумыкской детской поэзии и о ее глубокой общности с народным творчеством. Мы это видим по архетипическому образу волка и сюжетной линии, когда лишенный хитрости хищник не только остается голодным, но и умирает, став жертвой собственной добычи. Печально завершается волчья охота в стихотворных сказках «Лев, волк и лиса» («Арслан, бёрю ва тюлкю») и «Коварный друг» («Намарт дос») Б. Астемирова, написанных по народным мотивам.

Народный поэт Дагестана Казияв Али пишет для детей стихотворный рассказ «Как я поймал медведя» («Мен аювну тутгъан кюй») [1956]. Детям, привыкшим читать короткие четверостишия про доброго и косолапого мишку, Казияв Али рассказывает целую поэтическую историю о том, как герой приручил лесного зверя. С первых же строк поэт захватывает внимание читателя, рассказывая о самых интересных поведках героя поэмы. Но самое увлекательное ждет детей в

последующих строках – им предстоит прочитать историю о том, как рассказчику удалось сделать безгранично сильного и мощного хищника своим другом.

В одну из ночей здесь появляется кабан, который начинает «ужинать» на всенародно охраняемой зоне. Одержимый гневом на вредителя, который и ранее подступал к зерновой культуре, рассказчик сосредоточен на том, чтобы пристрелить кабана, однако его опережает косолапый медведь:

Онгарылдым къабангъа	Приготовился в кабана
Гёзлеп тубек атмагъа.	Прицелившись, выстрелить.
Шо вакътиде алдымда	В этот момент предо мной
Аюв гёрюндю магъа.	Показался медведь.

[Казияв Али 1956: 7]

Стихотворный рассказ «Как я поймал медведя» посвящен дружбе и гармонии человека с природой, с животным миром. Казияв Али разбавляет повествование сценами схваток кабана и медведя, по результатам которых последний оказывается изувечен. Раненого зверя рассказчик забирает домой на своей арбе, а после исцеления медведь остается у него жить.

Исследуя художественные особенности и жанровое своеобразие поэзии Казиява Али, А. М. Магомедова выделяет автобиографичность как одну из характерных особенностей его произведений и находит в его творчестве «и высокохудожественную поэму социально-исторического плана, и занимательные истории о жизни животных, и рассказ о школьной жизни. В них автор сумел очень просто и в доступной форме рассказать о сложном и важном, сумел найти художественную форму, которая бы заинтересовала и увлекла ребенка. <...> Поэмы Казиява Али о природе, повадках зверей, охотничьих историях, очевидцем которых был автор, учат детей наблюдать природу, любить свой родной край» [Магомедова 2005: 19–20].

В 1960-е годы публикует свои первые произведения для детей А. Меджидов, творчество которого станет значительным явлением в кумыкской детской поэзии в последующие годы. В первый поэтический сборник «Белошейка» («Бойнагъым») [Меджидов 1963] помимо стихотворений, посвященных

отношению к игрушкам, детским наблюдениям над природой, рассуждениям о будущей профессии, вошли и загадки для малышей.

В 1964 году А.-В. Сулейманов опубликовал 2-е издание книги «Искатель счастья» («Насибин излевчю»), в которую вошли как опубликованные ранее, так и новые стихотворные сказки – «Соловей» («Бюлбюл») и «Снежный мальчик» («Къар улан»). В последней сказке автор, как и прежде, воспекает труд, использует сказочный образ снежного великана, который испытывает главного героя выбором: богатством, нажитым спекулятивной торговлей младшего сына, или лишением всего имущества и началом новой жизни, в которой единственный способ заработать на хлеб – честный труд.

Сизин малгъа къошулгъан
Етимлени гёзьяшы,
Гъарам мал, гылла, ялгъан,
Бары да затны башы.

В вашем богатстве –
Слезы сирот,
Похищенное имущество, хитрость, обман,
Все это – в основе [вашего богатства].

[Сулейманов 1964: 54]

При следующей встрече с мифическим персонажем глава семьи вновь слышит ключевой вопрос: «На что ты нацелен?» («Сен негер дюрсен давчу?»), на что главный герой Ахмат отвечает, как простой человек из народа, которому не по нраву богатство, нажитое на чужом горе:

– Загъматгъаман, загъматгъа! –
Деп жавап бере Агъмат.
Сен ес бол къалгъан затгъа,
Тек бизге къалсын загъмат!

– На труд, на труд! –
Отвечает Ахмат.
Ты стань хозяином всего остального,
Но нам пусть останется труд!

[Сулейманов 1964: 55]

О чести, которая дороже жизни, А.-В. Сулейманов пишет в лирическом произведении «Соловей» («Бюлбюл»). Важно отметить прямое отражение жизненных убеждений автора в творчестве для детей. Нередко поэты в сказочных произведениях, адресованных маленькому читателю, писали о проблемах «взрослого» общества. «Подобно литературным произведениям других жанров, да и всем авторским произведениям, литературная сказка неразрывно связана с мировоззрением ее создателя, с его идейно-политическими и литературно-

эстетическими взглядами» [Брауде 1979: 6].

Несмотря на выдуманный сюжет, об идеях свободолюбия и любви к Родине А.-В. Сулейманов говорит искренне и правдиво. Герой сказки – соловей, который по наказу хана оказался в «золотой» клетке, дабы тешить его слух дивным пением. Однако не все так просто: вместо соловьиных трелей хан слышит томное молчание. «Еда его – изюм, хурма, / Насест – цветочное дерево, / Не дает мне покоя / Его такое поведение», – недоумевает он. («Ашаву кишмиш, хурма, / Гюл тереклер кьонушу, / Кьоймай мени тынч турма / Ону шулай турушу») [Сулейманов 1964: 48]. Пленник-соловей протестует в неволе, его душа тоскует по Родине, гнезду, куда он и устремился после того, как смирившийся правитель отпустил его на свободу. А.-В. Сулейманов, условно изображая действительность, наделяет главного героя подчеркнутым лиризмом:

Уча бир де бошамай,
Оьзенлерден, кёллерден,
Сув ичмей, аш ашамай,
Оьте хумлу чёллерден.

Летит, ни разу не обессилев,
Над реками, озерами,
Не глотнув воды, не принимая пищи,
Пролетает мимо песчаных пустынь.

Ялын сама да алмай
Оьз гючюне базына,
Юреги рагьатланмай
Етмейли уясына.

И даже не отдыхает,
Надеется на собственные силы,
Душа не успокоится,
Пока не доберется до [своего] гнезда.

[Сулейманов 1964: 48]

Народная мудрость гласит: «Хорошая лягушка на своем пруду умрет» (*Яхшы бакъа оьзюню кёлюнде оьлюр*), также «На чужбине самая приносящая счастье грусть – о своей Родине» (*Ят элде инг сыралы сагьынчынг – оьз Ватанынг*) [Пословицы и поговорки кумыкского народа 2018: 53]. Исполненное любовью к родным краям соловьиное сердце пронзает колючка и, истекая кровью, птица произносит последние слова, в которых выражена основная мысль:

«Ят элде есир болуп,
Кьонгъунча гюл терекге,
Байрам-той шулай оьлюп
Тюшегеним бёлекге.

«Чем быть невольником на чужбине,
Сидеть на [ветках] цветущего дерева,
Праздник [для меня] то, что, умирая,
[На родной] куст падаю я.

Сени учун, инан магъа,
 Ватан, юз облер эдим,
 Юз жаным болса сагъа
 Юзюн де берер эдим».

[Сулейманов 1964: 49]

Ради тебя, поверь мне,
 Родина, я умер бы сто раз,
 Если бы имел сто жизней,
 Все сто отдал бы [за тебя]».

В 1961 году вышла в свет книга А. Аджиева «Звездные пути» («Юлдузлу ёллар») для детей старшего возраста, а позднее – «Рогатая гора» («Мююзлю тав») [1966] и «Дочери солнца» («Гюнню къызлары») [1968] для детей младшего школьного возраста, в которые вошли различные стихи, поэмы, сказки и басни.

В 1964 году А. Аджиев получил звание народного поэта Дагестана. В стихотворениях «Песнь младших» («Гиччилени йыры»), «Место, где я вырос в заботе» («Эркелеп оьсген ерим»), «Что у меня есть?» («Мени нем бар»), «Лети, ракета, лети!» («Уч, ракет, уч!») [Аджиев 1961] народный поэт воспеваает Родину.

Патриотическая тема остается ведущей в творчестве А. Аджаматова и его современников. В сборник «Чабан на луне» («Айны уьстюндеги кьойчу») [Аджаматов 1964] он включает цикл стихотворений «Место моего рождения – мое село, моя страна» («Тувгъан ерим – юртум, элим»), в котором воспеваает родной край.

В произведениях 1960–1970-х годов, адресованных юному читателю, по-прежнему культивируется роль Ленина в жизни советского народа. Детям среднего школьного возраста образ вождя представляется в стихах А. Аджаматова: «Два подарка для Ленина» («Ленинге эки савгъат»), «Карта Кавказа в кабинете Ленина» («Ленинни кабинетинде Кавказны картасы»), «Будь ленинцем до конца, братишка» (Ахьыргъа ерли Ленинчи бол, инишим») [Аджаматов 1964: 5–14]; А. Аджиева: «Товарищ Ленин» («Ёлдаш Ленин») [1966: 3–4], «Когда говорит Ленин» («Ленин сёйлейгенде») [1974: 6], «Я был ребенком, который ходил учиться» («Мен яш эдим, охумагъа юрюйген») [1971: 12]; М. Атабаева: «Наступает май» («Май геле») [1974: 6] и др. «Образ вождя запечатлен в романах и повестях, поэмах и стихах, рассказах и публицистике, в кино и на сцене. Некоторые из этих произведений по праву вошли в золотой художественный фонд народа» [Разумневич 1975: 20].

Мотивы коммунистической направленности содержатся в сборнике Б. Астемирова «Счастливое детство» («Къуванчлы яшлыкъ»):

Насипли яшларыбыз
Бек талайлы заманны,
Яшы анасын йимик
Сюебиз биз Ватанны.

Мы счастливые дети
Очень благодатного времени,
Как ребенок свою мать
Любим мы Родину.

Сюебиз атабыздай
Коммунист агъавланы;
Ватанны азат этген,
Уъзюп бар бугъавланы.

Любим как отца
Дядей-коммунистов;
Освободивших Родину,
Разорвав все цепи.

[Астемиров 1965: 3]

В детской поэзии Б. Астемирова тема труда имела довольно широкое распространение. Поэт выражает негативное отношение к лентяям и лодырям, он осуждает их за бездействие дома и праздное безделье в школе. На этом фоне заслуживает одобрения попытка показать не образцового, вовлеченного в колхозную и школьную жизнь мальчика, а строптивного, своенравного и мятежного Мамака – нового героя Б. Астемирова. Этого персонажа, который, на наш взгляд, является прототипом трубочиста К. Чуковского, мы встречаем на страницах сборника стихов «Счастливое детство» («Къуванчлы яшлыкъ»), адресованного детям младшего школьного возраста.

Чечсе гийген палтарын
Илмей тарыкъ ерине.
Эртен бетин жувмагъа
Нече де бек эрине.

Если снимет с себя одежду,
Не вешает на место.
По утрам умываться
Очень сильно ленится.

[Астемиров 1965: 19]

В стихотворении «Гундосый Мамак – плохой мальчик» («Манкъа Мамат – яман зат») автор порицает своего взбалмошного героя: «Не старается учиться, / Но горазд играть» («Охумагъа чалышмай, / Тек оюнгъа бек уста»); «Не думает об учебе, / Все мысли об игре» («Охувда ёкъ юреги, / Оюнда бары гъайы»); «Дерется с детьми, / Не слушает старших» (Яшлар булан ябуша, / Тынгламай уллулагъа); «Не пожалеет младших, / Старших не уважит» («Гиччини аявламас, / Уллугъа этмес

эдеп»).

Советская идеология, направленная на воспитание высоконравственного гражданина, преданного семье и Отчизне, нашла отражение также и в поэзии современников Б. Астемирова. Так, в стихотворении «Озорной ребенок» («Чарчымлы яш») И. Асеков рассказывает, что детям свойственно лениться, уклоняться от домашней работы и буквально засыпать за чтением:

Бирев дарс кьарай
Бавда эртерек,
Амма охувда
Болмагъан юрек.

Кто-то ждет урока
С утра в огороде,
Но учебы он
Не всем сердцем [желает].

Узакъгъа бармай
Китапдан ялкьды,
Онгуна-солуна
Гёзлерин бакьды <...>

Немного погодя,
От книги подустал,
Направо-налево
Его глаза глядят <...>

<...> Бирден сувсап
Чыкьды багъана,
Не заман шо яш
Булакьда айлана <...>

<...> Внезапно жажда попить [воды]
Стала поводом,
Сколько времени тот мальчуган
Возится у родника <...>

<...> Бираздан отда
Созулуп ятды,
Салкьында татли
Юхугъа батды.

<...> Чуть позже на травке
Он разлегся,
В прохладе в сладкий
Сон погрузился.

[Асеков 1965: 30–31]

Стихотворения «Кахар, куда идешь?» («Къагъар, къайда барасан?»), «Я сильный, сильный» («Мен гючлюмен, гючлюмен»), «И один, и два, и три» («Бир де, эки де, уьч де») [Асеков 1965: 6, 12, 21] показывают детское стремление трудиться, отражают богатую и многообразную трудовую жизнь советского времени, с малых лет воспитывавшую в детях солидарную ответственность. Е. Е. Зубарева очень точно характеризует культ труда в советское время: «Полноценен труд только тогда, когда он приобретает общественное значение. Тогда человек ощущает готовность к трудовому подвигу. А от него – к боевому. Во многих детских и юношеских книгах с художественной достоверностью

исследуется этот процесс нравственного приобщения подрастающего поколения к героическому через трудовое» [Зубарева 1980: 43].

Быть детским поэтом – значит говорить с детьми не на языке взрослых, а пытаться найти с ними общий язык, прибегая при этом к уменьшительно-ласкательным обращениям, тепло разговаривать с ними, что поможет продуктивно выстроить диалог. В. Л. Разумневич пишет, что «приучая малыша к труду, больше всего мы должны заботиться о том, чтобы труд не надоел, не наскучил ребенку» [1975: 5]. Книга не должна вызывать усталость, которая в дальнейшем может навязчиво ассоциироваться с трудом, напротив, она должна помочь сделать труд малыша радостным событием.

Создатели детского поэтического мира порицают жадность, глупость, ложь и эгоизм. Влияние великого баснописца И. Крылова просматривается в басне Б. Астемирова «Две мухи» («Эки жибин») [1965], где высмеиваются тунеядство, зависть, корысть и утверждаются уважение и любовь к труду. В басне А. Аджиева «Сова» («Ябалакъ») [1968] порицаются люди, избегающие труд. В произведении «Собрание у медведя» («Аювну жыйыны») [Аджиев 1966: 30] высмеиваются лесть и прислужничество. Создавая сатирическую картину с изображением животных, А. Аджиев выражает свое презрение к двуличным и глупым людям.

Кумыкские поэты пишут о простых детских радостях, слагают стихи о природе, дружбе и верности, а также проявляют в своих произведениях любовь к детям. Развитие кумыкской поэзии для детей неразрывно связано с фольклорными жанровыми формами и художественными принципами изображения действительности. Основываясь на структурных элементах пестушек в стихах «Мой ребенок – золотой мячик» («Мени яшым алтын топ»), «Мой ребенок наполнен мёдом» («Балам, балам бал кюмес»), «Мамин красивый» («Анасыны аласы») [Асеков 1965] и др., И. Асеков посвящает теплые и ласковые строки самым маленьким.

Если в поэзии 1950–1960-х годов ключевой посыл заключался в том, чтобы научить детей любить Родину, трудиться для ее блага, то на страницах кумыкских

поэтических сборников, изданных в 1970-е годы, раскрывается внутренний мир ребенка. Несомненно, авторы произведений также уделяют большое внимание патриотическим мотивам, но они при этом звучат по-новому. Поэты пишут и стихи о животных, птицах, появляются произведения, посвященные семейным ценностям.

Поэзия наступившего десятилетия выдвигает на первый план тему взаимоотношений детей с окружающим миром, акцентирует внимание на их личностном восприятии происходящего, собственных желаниях и интересах. В этот период в кумыкской детской поэзии появляются новые имена: М. Атабаев, А. Акаев, А. Джачаев, В. Атаев, А. Залимханов и др.

В стихах «Мои друзья» («Мени кьурдашларым») М. Атабаева, «Помощь друзьям» («Дослагъа кёмек») И. Асекова, «Когда много друзей...» («Кьурдашларынг кёп буса...») А. Акаева, «Дружба» («Дослукъ»), «Мой друг» («Ювугъум»), «Идем, друг мой, заходи» («Гел ювугъум, гирип гел») А. Залимханова (последнее из которых автор посвящает народному поэту Дагестана М. Атабаеву) и др. раскрывается проблема дружеских взаимоотношений.

В стихотворении М. Атабаева «Хоть бы друга купила» («Кьурдаш алгъай эди») маленький герой одинок, у него много игрушек, но он мечтает иметь настоящего друга – хотя бы кошку, на которую он смотрит из окна, когда мама уходит в магазин:

Тюкенге гетип къала,
Бегетип эшикни де,
Бошгъапланы ялар деп,
Къувалап мишикни де.

Вдруг [мама] уходит в магазин,
Заперев за собой дверь,
Боясь, что тарелки оближет,
Прогнав кошку.

Оюнчакъларым булан
Къаламан янгыз уйде,
Терезе башгъа минип,
Къыргъа бозаргъан кюйде.

С игрушками
Остаюсь один в пустом доме,
Взобравшись на подоконник,
Мечтаю [оказаться] на улице.

[Атабаев 1974: 40]

Автор говорит о том, что игрушки не заменят ребенку веселого детства в

кругу друзей, и он завершает стихотворение мыслями, полными надежд главного героя:

...Оюнчагъым эпсиз кёп,
Бир къурдаш болгъай эди.
Мамам магъа тюкенден
Къурдаш да алгъай эди.

[Атабаев 1974: 41]

...Игрушек у меня очень много,
[Лучше] был бы [у меня] один друг.
Мама мне в магазине
Хоть бы друга купила.

Как видим, стихи кумыкских поэтов, адресованные маленьким читателям, чаще всего носят назидательный характер и призывают взрослых быть внимательными к чувствам и переживаниям детей. Приведенный пример поучителен для родителей, поглощенных взрослыми заботами, и М. Атабаев предлагает им поразмыслить над этим.

Язык детской поэзии остается живым благодаря, в частности, звукоподражаниям, которые кумыкские поэты нередко используют в стихах для малышей. «Дети любят подражать крику (пению) птиц, животных, насекомых, звучанию музыкальных инструментов (рожок, балалайка), дают своеобразную звуковую трактовку многим, казалось бы, далеким от музыки предметам и явлениям» [Вишневская, Егорова 2009: 28]. В представлении ребенка все, что его окружает, имеет свое звучание, подражая которому, он пытается говорить на одном с миром языке. Общение с домашними животными и птицами, которые живо отвечают герою, колоритно изображено в стихотворении А. Акаева «Нарисую вас» («Суратыгъызны этермен»):

- Бабиш-бабиш! (*Обращение к уткам*)
- Бакъ! Бакъ!
- Баай-баай! (*Обращение к овцам*)
- Баъ! Баъ!
- Манакъ-манакъ! (*Обращение к телятам*)
- Маъ! Маъ!
- Жибив-жибив! (*Обращение к курицам*)
- Къокъ! Къокъ!
- Къалав-къалав! (*Обращение к гусям*)
- Къакъ! Къакъ!
- Гюрюк-гюрюк! (*Обращение к индюкам*)

– Гюрр! Гюрр!
 – Кюлай-кюлай! (*Обращение к щенку*)
 – Гъав! Гъав!

[Акаев 1977: 7]

В своем творчестве А. Джачаев обращается к детям среднего и старшего школьного возраста. В его сборнике стихов «Напев колоса»¹ («Ана-бала», 1977) на первом плане проблемы связи ребенка с матерью, быстротечности времени, старости и молодости. Поэзию А. Джачаева отличает новый формат общения с детьми: он говорит с ними на глубокие жизненные темы, необыкновенно тонко замечая красоту природы и огорчаясь, когда речь заходит о грустном.

В основе поэтического творения А. Джачаева «Сердце матери» («Ана юрек») история о несчастной судьбе ослепшей женщины, которую бросил сын. Она видит его лишь во сне, ведь бедной старушке помогают не только соседи, знакомые, но и посторонние люди:

Ятлар эте огъар кѐмек:
 Гъай чуткьулуьк, гъай ич гѐлек.

Чужие помогают ей:
 То платок принесут, то ночную
 рубашку.

Къол ялгъайлар, ят гѐрмейлер,
 Гъай йыртыгъын ѐрмейлер.

Помогают, не считают чужой,
 Все порванное зашивают.

Языкъ болма къоймай ашдан,
 Ятлар ювукъ чыгъа яшдан!

Не позволяют ей нуждаться,
 Чужие оказались ближе родного сына!

[Джачаев 1977: 63]

Это произведение, написанное в форме двустиший («экилликлер»), казалось бы, несложное в композиционном плане, оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя. И здесь немаловажную роль играют яркие, полноразличные рифмы (*кѐмек – гѐлек, гѐрмейлер – ѐрмейлер, ашдан – яшдан и др.*). Обращая внимание читателя на те или иные детали (*«то платок принесут, то ночную*

¹ В дословном переводе с кумыкского языка на русский – «Мать-дитя».

рубашку»), автор показывает, насколько внимательны и заботливы к героине люди, не имеющие с ней родственных связей.

Использованные поэтом такие детали, как «Проронив слезу из **слепого** глаза, / **Встав на колени** на молитвенный коврик» («**Сокьур** гёзден гёзьяш тёгюп», / **Намазлыкыгъа тизден чёгюп»**), как бы готовят читателя к кульминации событий: мать решается произнести проклятие в адрес сына. Во время молитвы оно означает, что надежды матери разбиты вдребезги, гнев овладел ее душой и разумом, и Всевышний обязательно услышит ее слова за причиненные сыном обиды. Но: «...Что поделать, своему ребенку / Она все равно желает только хорошее!» («...Тек нетесен, баласына / Ана алгыш этме башлай!»).

В кумыкском народе известна пословица: «Злость матери подобна весеннему снегу: хоть его и много, тает он очень быстро» («*Ананы ачуву – язгы кьар: кёп буса да, тез ирий*»), и рассмотренное выше стихотворение А. Джачаева яркое тому подтверждение.

В стихотворении «Двор, в котором нет матери» («Ана ёкъ абзар») А. Джачаев с большой грустью пишет об опустевшем после смерти матери доме:

Ананы сагынган сыйыры **сама**,
Тарсайган елинден ерге сют **тама**.

По маме скучает, наверное, и ее корова,
Из вымени на землю капает молоко.

Бары зат ананы гёрмеге **кьастда**,
Бузулуп, абзардан чыгъаман **аста...**

Всё жаждет увидеть мать
Расстроенный, выхожу потихоньку со двора...

Бары зат ананы чакъыра, **яна**.
Бирин де, бирин де эшитмей **ана!**
[Джачаев 1977: 69–70]

Всё зовет маму, всё страдает.
Но никого, никого, не слышит мама!

Эти слова свидетельствуют о мастерстве поэта, его умении не просто рифмовать, но и вкладывать в строки всю свою боль, чтобы пробудить в детях желание ценить мать, пока она жива, наслаждаться теплотой ее рук и уютом в доме. В стихотворениях «Мать всегда готова простить» («Ана гъазир гьар заманда гечмеге»), «Мать-дитя» («Ана-бала»), «Дорога покажет» («Ёл гёрсетер»), «Руки»

(«Къоллар»), «Это плохо» («Шо яман»), «Если гаснет, чернеет» («Сёне буса къаралай») он говорит о трепетном отношении к одной из главных литературных героинь своего творчества.

В произведениях «Как уехали парни» («Уланлар гетген кюй»), «Вновь открывшаяся рана» («Янгыргъан яра»), «Сколько?» («Нечедир?») А. Джачаев пишет о боли женщин-матерей, простившихся с мужьями и сыновьями, ушедшими на войну. Истинное сострадание и скорбь вызывает строка из стихотворения о матери, которая потеряла на войне пятерых сыновей: «Моя мама умерла пять раз – пять раз оплакивала [своих детей]» («Анам мени беш оьлген – беш яс этген!») [Джачаев 1977: 68].

В стихах А. Джачаева слышатся голоса как взрослых, так и детей, их смех и слезы. Его герои – разные по характеру, их мысли и переживания определяются в первую очередь жизненными обстоятельствами. Читатель проникается сочувствием к главному герою стихотворения «Песнь сироты» («Етимни йыры»), которого хочется обнять, приласкать. В этом и заключается сила джачаевского слова. Чтобы выразить одиночество, которое испытывает сирота, лишенный материнской любви, автор использует метафоричные сравнения: «Я сирота, / Как небо, на котором возшла луна» («Етиммен, / Кёк йимик айы артылгъан»), «Я сирота, / Подобная роднику, откуда проведена вода» («Етиммен, / Булакъдай суву тартылгъан»); повторы и риторические вопросы: «Как мать, / Кто найдется для дитя?» («Анадай / Табулма ким болар яшгъа?»), «Кто выйдет, / Кто выйдет смотреть на дорогу?» («Ким чыгъар, / Ким чыгъар ёлгъа къарама?»), «Кто нанесет, / Кто нанесет бальзам на мою рану?» («Ким салар, / Ким салар балгъам ярама?»), «Кто прижмет / К груди, если приду в гости?» («Ким басар / Бавруна къонакълай гелсем?»), «Милый, / Мое дитя, – говоря, – кто заплачет, если умру!..» («Аявлу / Балам деп ким йылар оьлсем!..») [Джачаев 1977: 76].

Н. К. Крупская считала, что, «если мы хотим создать настоящую книжку для чтения, то мы должны побольше вглядываться в окружающую жизнь; там мы можем почерпнуть такое количество материала, которое даст возможность создать

нужную ребенку книжку» [Цит. по: Маслинская 2017: 175]. Она же подчеркивала, что писать детскую книгу нужно «просто и понятно», чтобы маленькому читателю все было ясно.

В 1970-е годы в историю кумыкской детской поэзии вошел В. Атаев, который в последующие годы внес значительный вклад в ее развитие. Его сборники стихов для детей «Бёлелей» («Баю-баю», 1979), «Утенок» («Бакъ-бакъ», 1983), «Подсолнух» («Гюлайлан», 1987) написаны для детей младшего возраста. Они читаются легко, многие произведения юмористичны, поэт тонко чувствует психологию маленького человека и вдумчиво вносит свои новаторские идеи в детскую литературу кумыков.

Поэзия В. Атаева доказывает, что детей можно воспитывать простым языком, в то же время стремясь к высокому художественному совершенству поэзии для детей. В своем творчестве поэт знакомит читателя сразу с несколькими героями, смешными и забавными, очевидно, дошкольного возраста. Это и почемучки, которые хотят все знать (Почему летом нет снега? Почему не падает самолет? Почему зимой не льет дождь? Почему не падает велосипед? Кто курица, кто петух?), и задорные непоседы, которые попадают во всевозможные затейливые истории.

Поэт показывает мир детей в том проблематическом спектре, каким его видят сами дети. В стихотворении «Спор» («Эришив»), например, представлена картина, где озорники спорят, чья же мама красивее. О том, как маленькие «исследователи» получают знания, рассказывается в стихах «На уроке арифметики» («Гъисап дарсда»), «Спор о луне» («Айны гъакъында эришив») и др.

Как правило, в центре юмористических, сатирических книг детских писателей часто крупным планом сопоставляются два противоположных характера – положительный и отрицательный. Герои В. Атаева смешат, умиляют, но никогда не вызывают злости или гнева. Детские помыслы в его стихах наивны и чисты. В. Атаев придумывает разные истории, чтобы на примерах из жизни научить непосед не обманывать, творить добро, любить животных и ценить родных.

С веселой непосредственностью он рассказывает о мальчике, который получил двойку, потому что был уверен, что учительница не спросит у него невыполненное домашнее задание, если он сам поднимет руку. Герои-сорванцы В. Атаева по душе читателю, поэту удается передать чувства ребенка и свое доброе, а иногда одновременно и ироничное отношение к нему. Трогательно стихотворение «Прости» («Гечип кьой») о Мурате, который, пробудившись утром, просит прощения у матери, которую обидел во сне.

В поэзии В. Атаева изображаются комические события, позволяющие раскрыть черты, свойственные детской натуре. Так, герой стихотворения «Мурат рисует» («Мурат сурат эте») просит залить водой нарисованное им озеро, чтоб оно выглядело, как настоящее, а в стихотворении «Наверное, кукле страшно...» («Кьурчагьым кьоркьадыр...») девочка Айбала не засыпает, потому что ее кукле страшно. В другом стихотворении она удивляется тому, как во время смеха у бабушки появляется много морщин на лице. В стихотворении «Жираф» мальчик в зоопарке испугался жирафа, приняв его за коня, которому кто-то вытянул шею.

К героям В. Атаева читатель легко привыкает, ведь Мурат, Айбала, Муса и другие ребята встречаются в разных стихах, подобно героям одной стихотворной истории. Психология ребенка, жаждущего все знать, наглядно раскрывается в стихотворении «Похоже на сладкий арбуз» («Татли харбузгьа ошай»), когда мальчишка с любопытством заглядывает в заднюю часть телевизора, чтобы узнать, как и ему попасть внутрь, чтобы так же, как дети из телепередачи насладиться сладким вкусом арбуза.

В ряде веселых произведений В. Атаева использованы сюжеты, образы персонажи кумыкского фольклора. Поэт включает в свои ранние сборники стихотворные сказки по мотивам не только кумыкских, но и русских народных сказок: «Свекла» («Чювюннюр») [Атаев 1987: 18–20], «Вопрос старика» («Тамазаны сораву») [Там же : 35–37], «Кто не работает, то не ест» («Ишлемеген, тишлемес») [Атаев 1979: 57–67], а также загадки, колыбельные песни, удивляя читателя широтой горизонтов своего писательского мастерства.

В 1980-е годы кумыкская детская поэзия продолжает стремительно развиваться, наступает расцвет жанрового разнообразия, появляется новая плеяда поэтов, которая обращается к детской поэзии: Ш.-Х. Алишева, Дж. Керимова, Б. Аджиев, А. Абдуллабеков, А. Гамидов, Б. Гаджимурадов, И. Исаев, Н. Аскеров, А. Аскерханов и мн. др. Продолжают писать для детей А.-М. Меджидов, И. Асеков, А. Аджиев, А. Акаев. Поэты этого периода все еще освещают темы военно-патриотического характера, детского трудового воспитания, семейных и общечеловеческих ценностей.

Развитию детской кумыкской литературы во многом способствовало создание по инициативе Р. Гамзатова детского журнала «Соколенок» в 1980 году. Ныне «Соколенок» издается на восьми языках народов Дагестана: «Лачен» на аварском, «Лачин» на даргинском, «Къарчыгъа» на кумыкском, «Кард» на лезгинском, «Чавалачин» на лакском, «Ппази» на табасаранском, «Лашын» на ногайском, «Лачын» на цахурском. Детский журнал «Соколенок» стал в Дагестане одним из ключевых литературно-художественных изданий, где публиковались прозаические и поэтические произведения для детей не только известных кумыкских авторов, но и произведения фольклора – скороговорки, поговорки, загадки, народные песни. «Главный принцип, которым руководствуется редколлегия журнала, – публикуемый материал должен быть познавательным и интересным для юного читателя. “Соколенок” иллюстрируется профессиональными художниками, что является еще одним фактором формирования устойчивого читательского интереса к нему» [Маллалиев 2019: 152]. На усмотрение редколлегии издавались выпуски в виде хрестоматийных антологий. В последующие годы в журнале публиковались произведения молодых писателей, только начинавших свой творческий путь. На страницах детского издания поощрялось также творчество маленьких детей: их стихи, рисунки редколлегия мотивировала публикацией в «Соколенке».

В 1982 году в свет выходит сборник И. Исаева «Свеча» («Майчыракъ») – его составили стихи, тематика которых является оригинальной для кумыкской детской

литературы рассматриваемого периода. Будучи врачом по профессии, И. Исаев пишет стихи, посвященные медицине: «Мы врачи» («Биз докторларбыз»), «Четыре врача» («Дёрт доктор»), «Моему учителю профессору Р. П. Аскерханову» («Учителим профессор Р. П. Аскерхановгъа»), «Какая болезнь сильнее» («Къайсы аврув гючлю»), «Красивый врач Лайла» («Гёзел доктор Лайла»), «Врачом оказалась девушка» («Доктор къыз экен»), «Дарман» («Лекарство») «“Лекарство” ревизора» («Ревизорну “дарманы”») и др.

Наряду с большим количеством стихов, написанных автором на основе жизненных событий, И. Исаев затрагивает и проблемы нравственного воспитания детей.

Стихотворение «Смотри, мое дитя, не балуйся» («Вёре, балам, шашыма») следует отнести к жанру родительского наставления. Ребенка призывают быть снисходительным к людям, не высмеивать при неудачах и не сдаваться, терпя поражение, неуспех. Внимательный читатель обязательно последует мудрым напутствиям: «Тем, кто взлетел, не завидуй, / Если сам поднимешься – не возносись» («Учагъанны гюллеме, / Сен учсанг – ёнкюллеме»), «Закрыв глаза, не проходи мимо, / Позабыв того, кто упал; Вдруг и с тобой такое случится / Не забывай, что можешь упасть» («Гёз юмуп обтюп гетип, / Ыыгъылгъанны унутма; Балики, сен де шолай / Ыыгъыларны унутма») [Исаев 1982: 40–41].

В жанре назидания представлены многие стихи Н. Аскерова, составившие сборник «Старшие напоминают» («Эслилер эсге сала», 1988). К примеру, «Труд – счастье» («Загъмат – насип») [Аскеров 1988: 20], написанное четырехсложным размером, благодаря особому подбору слов обобщенно выражает основной посыл: необходимо учиться и выбирать профессию, чтобы честным трудом зарабатывать на хлеб. В другом стихотворении Н. Аскерова «Отведи место науке» («Илмугъа ер сал») [Там же : 22] каждая строфа заканчивается словом «труд»:

Яшлар да етишмес суйген муратгъа,	Не достигнут поставленной цели дети,
Ер салмагъа болмас илмугъа-атгъа,	Не смогут заняться наукой,
Кюкю болар артда ямангъа, ятгъа	Посмешищем станут в конце для

Ишден баш къачырса, тѣкмесе
загьмат!

[Аскеров 1988: 23]

плохих, посторонних,
Если будут избегать работы, не будут
трудиться!

Поэт учит школьников соблюдать чистоту и порядок, быть достойными
своей Отчизны:

Ахшамлар тез ят,
Эртен эрте тур.
Яшгъа кѣмек эт,
Уллугъа абур.

По вечерам [вовремя] ложись,
По утрам просыпайся рано.
Детям помогай,
Старших уважай.

Сапундан къоркъма
Жув яхшы кюйде.
Кѣмегинг тийсин
Ананга уйде.

Не бойся мыла
Мойся от души.
Будь полезен
Матери по дому.

[Там же : 26]

В рассматриваемом сборнике Н. Аскерова актуальна тема патриотизма – ей посвящены стихотворения «Ленин нам открыл глаза» («Гѣзюбюзню Ленин ачды»), «Для партии» («Партиягъа»), «Октябрь», «Любит ли он меня?» («Ол мени сюемикен?»), «Дагестан». С символами советского периода А. Аджиев знакомит детей в стихотворениях «Красное знамя» («Къызыл байракъ»), «Наша Родина» («Бизин Ватан»), «Звезды Кремля» («Кремлни юлдузлары») и др. Формированию патриотических чувств у юных кумыкских читателей посвящены стихи И. Асекова в сборниках «Радужные дни» («Гюнешли гюнлер», 1980), «Светлой дорогой» («Уллу умутлар», 1989), А. Акаева в сборнике «Косовица» («Оракъ заман», 1980).

Актуальность патриотической темы в творчестве кумыкских авторов 1950–1980-х годов обусловлена реалиями послевоенного времени. Особое внимание уделяется мотивам свободолюбия, твердости духа, народного единения. В зависимости от возрастных особенностей читательской или слушательской аудитории поэты определяли разную динамику и энергию стиха для того, чтобы назидательно воздействовать на ребенка.

Особая роль в творчестве кумыкских детских поэтов отводится анималистическим образам. Поэтическое слово о природе не только воспитывает подрастающее поколение, но и позволяет раскрыть и даже где-то сатирически высмеять человеческие пороки. «Наиболее популярный прием, которым успешно пользовались кумыкские детские поэты, – олицетворение, то есть перенесение человеческих качеств на животных («О том, как обманули лису» («Тюлкюню алдатгъан кюй»), «Песня курицы» («Тавукъну йыры») В. А. Атаева, «Собрание у медведя» («Аювну жыйыны») А. А. Аджиева).<...> Через призму литературного слова аллегорически изображаются положительные черты животных: щедрость, храбрость, трудолюбие и высмеиваются такие пороки, как жадность, трусость, лень и др. («Болтливая белая утка» («Авузгъа бош акъ бабиш») А. А. Аджиева, «Лиса и волк» («Тюлкю ва бёрю») В. А. Атаева, «Доброта медведя» («Аювну яхшылыгъы»), «Переживания старого осла» («Къарт эшекни къайгъысы»), А. А. Меджидова, «Капитан муравей» («Капитан хомурсгъа») М. С. Атабаева)» [Хаджакаева (Бекеева) 2018а: 459]. Анималистические образы присутствуют практически в творчестве каждого кумыкского поэта, который писал для детей, в особенности для детей дошкольного и младшего школьного возраста. О тёплых взаимоотношениях детей с домашними животными, знакомстве с обитателями дикой природы пишут А. Меджидов, В. Атаев, А. Джачаев, Дж. Керимова, И. Асеков, Б. Аджиев, К. Султанов и мн. др.

Процесс овладения речью маленькими детьми К. Чуковский считал одним из величайших свойств детской психологии. «У двухлетних и трехлетних детей такое сильное чутье языка, что создаваемые ими слова отнюдь не кажутся калекками или уродами речи, а, напротив, очень метки, изящны, естественны» [Чуковский 2021: 24].

Умение отразить детское словотворчество – еще одно профессиональное качество, которое делает поэта ближе к сердцу маленького читателя. Подобные феномены детского мышления уловила и отразила в своем творчестве кумыкская поэтесса Ш.-Х. Алишева. Герой ее стихотворения «Временная профессия»

(«Заманлыкъ касбу»), например, «классифицирует» названия профессий с помощью аффиксов неосознанно и интуитивно. Таким образом, маленький Камиль называет тех, кто пишет, «къаламчылар» («къалам – ручка, перо); тех, кто здоровается – «саламчылар» («салам» – приветствие, поклон); тех, кто рубит дрова, «балтачылар» («балта» – топор); а повара – «шорпачы» («шорпа» – суп). Мы видим, что на основе лексических значений корня ребенок путем соединения аффикса *-чы* создает неологизмы, следуя принципам аналогии и строгой логики правил грамматического строя языка. Языковое богатство и экспрессивность детской речи поэтесса использует практически во всех стихах, вошедших в ее первый сборник для детей младшего возраста «Колыбель» («Гъарсинчек», 1984).

В этот период публикуется большое количество сборников для детей: «Черный камень или белый» («Акъ ташмы, къара ташмы», 1981), «Мама солнце принесла» («Анам гюнню гелтирген», 1983), «Желтогривый мой» («Сариялым», 1987), «Мое богатство» («Байлыгъым», 1988) А. Меджидова; «Я сам» («Менэтер», 1983) А. Аджиева; «Мой белый жеребенок» («Акъ тайым, 1988») А. Джачаева; «Солнечные часы» («Гюнсагъат», 1985), «Победительница» («Ярыш алгъан кыыз», 1989) Дж. Керимовой; «Художница-зима» («Суратчы кыш», 1984) Б. Гаджимурадова; «Козленок и зеркало» («Гидив ва гюзгю», 1980) А. Абдуллабекова; «Луна пропала» («Ай къайда къалгъан экен», 1981) А. Гамидова; «Ибрашкина рыба» («Ибрашканы чабагъы», 1980) Б. Аджиева; «Урок» («Дарс», 1982) А. Акаева и мн. др.

В 1984 году был издан сборник стихов П. Абуковой и А. Гамидова «Дети нашего села» («Бизин юртну яшлары»), в который вошли детские стихи с ярко выраженными фольклорными мотивами: «Щенок-щенок, гав-гав» («Гючей-гючей, гъав-гъав...»), «Киса-киса, кис-кис» («Бишев-бишев, биш-биш...»), «Цып-цып, цыплятки...» («Жип-жип, жюжеклер...»), «Эй паучок, паучок» («Ва мияма, мияма...»), «Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку» («Къу-къу-ре-къу, къу-ре-къу...»), «Гусёк-гусёк, гусь-гусь» («Къалав-къалав, къаз-къаз») и др. Фольклористичность некоторых произведений можно наблюдать в сборнике «Кувшин с мёдом» («Балкюмес»), в который составитель Р. Исаева включает фольклорные тексты

различных жанров: колыбельные песни, ласковые обращения к детям (*ушанывлар*), считалки, игры, заклички, пестушки. Сравним:

КЪЫЗЫМ, КЪЫЗЫМ, КЪЫЗ ТАНА
КЪЫЗЫМА ГЕЛСИН ЮЗ ТАНА,
ЮЗЕВЮ ДЕ АКЪ ТАНА,
КЪЫЗЫМ КЪАЛСЫН МАКЪТАНА.

[Балкюмес 1986: 11]

Доча, доча, мой бычок
Пусть ей принесут сто быков,
Пусть все сто будут белыми,
Пусть дочь мою всегда хвалят.

КЪЫЗЫМ, КЪЫЗЫМ,
КЪЫЗТАНА
АРИВЛЮГЮНДЕН
ЯНА,
КЪУЛЛУКЪЛУ ДЕСЕНГ,
КЪУЛЛУКЪЛУ,
ГЪАР БИР ЗАТДА
ЁРУКЪЛУ.

[Гамидов, Абукова 1984: 29]

Доча, доча,
мой бычок
от красоты своей
светится,
работающая, так
работающая
во всех делах
умелая.

Обращение к ребенку, восхваление и благопожелание (*алгышлар*) характерны для колыбельных песен. А. Аджиев дает классификацию колыбельных песен и делит их для девочек и мальчиков. Вышеприведенные примеры, согласно его исследованиям, в большей мере имеют общность с пестушками. «Основные черты отличия их от колыбельных обусловлены функциональной противопоставленностью этих жанровых разновидностей: пестушки призваны разбудить ребёнка, быстрее привести его в бодрое состояние, позабавить его, стимулировать откликнуться на игру, реагировать на общение и т. п. А все это, в отличие от колыбельных, достигается мажорным тоном исполнения пестушек, их убыстренным ритмом, легким, веселым темпом, соответствующим содержанием и т. д.» [Аджиев 2005: 204]. Традиции устного народного творчества продолжают и в позднем творчестве авторов, пишущих для детей, особенно дошкольного и младшего школьного возраста.

В 1975 году к VI съезду писателей Дагестана был издан сборник для детей младшего школьного возраста «Дингир-дангарчу», в котором содержатся переводы детских произведений дагестанских поэтов, в том числе А. Аджиева и И. Асекова.

На кумыкский язык переводятся произведения С. Баруздина, В. Бианки, М. Большинцова, П. Воронько, А. Гайдара, Н. Гоголя, А. Горького, А. Кононова, М. Лермонтова, В. Носова, А. Пушкина, Л. Толстого, А. Ульяновой, К. Чуковского, М. Шолохова, произведения для детей арабских писателей и мн. др.

Таким образом, во второй половине XX века в кумыкской детской поэзии наблюдается процесс идейно-тематического и жанрового обогащения благодаря творчеству А. Аджиева, Б. Астемирова, А.-В. Сулейманова, Казиява Али, К. Султанова, А. Аджаматова, И. Асекова, Ю. Алимханова, А. Джачаева, В. Атаева, М. Атабаева, А. Гамидова, А. Абдуллабекова, А. Акаева, Б. Аджиева, Б. Гаджимурадова, П. Абуковой, Дж. Керимовой, Ш.-Х. Алишевой, Н. Аскерова, И. Исаева, А. Меджидова и др. Авторы посвящают стихи детям дошкольного, младшего, среднего и старшего школьного возраста. В этот период широкое распространение получает жанр стихов-наставлений. Произведения, созданные в данном жанре, призывают детей к учебе и труду, способствуют воспитанию в них чувства патриотизма. В сборниках для детей большое место занимают стихотворные сказки, поэмы, загадки, малые жанры игровой поэзии: колыбельные песни, пестушки, считалки, заклички.

В 1970–1980-е годы в кумыкской детской поэзии объектом изображения становится ребенок, его интересы, отношение к взрослым, к природе – как к животному, так и к растительному миру. Детская кумыкская поэзия переводится на русский язык. В 1985 году публикуется сборник стихов А. Джачаева «Добрый Нугбек» в переводе Н. Меновщиковой, в 1988 г. – А. Меджидова «Кизилловые сережки» в переводе В. Лунина.

Важную роль в эволюции кумыкской детской поэзии в исследуемый период, в обогащении ее поэтики, совершенствовании художественного метода писателей сыграла иноязычная поэзия, переведенная на кумыкский язык, в первую очередь произведения русских авторов.

1. 2. Влияние фольклорных традиций на развитие кумыкской колыбельной песни в литературе

Среди жанров детского фольклора колыбельная песня является самой распространенной, оказавшей влияние на формирование и развитие детской литературы. «Поэзия пестования», или «материнская поэзия», к которым относят колыбельные песни, – особый вид сближения матери с ребенком, проявления ее любви и заботы.

Исследователи фольклора славянских народов Ф. С. Капица и Т. М. Колядич утверждают, что «славянские названия колыбельных песен восходят к глаголам “колыбать”, “кохать”, “колебать”, “качать”, “зыбать”. В северных губерниях России колыбельные песни назывались “байками” от “байкать”, “убаюкивать”. По-французски колыбельная песня называется *berceuse* (колыбельная), по-немецки – *Wiegelied*, по-английски – *cradlesong* (песня у колыбели) или *lullaby* (буквальный перевод: убаюкивательная песня), по-персидски – лоло» [Капица 2002: 39]. В. П. Аникин очень высоко оценивал роль колыбельной песни: «Колыбельная песня – своего рода прелюдия к музыкальной симфонии детства. Пением песен приучают ухо младенца различать тональность слов, интонационный строй родной речи, а подрастающий ребенок, уже научившийся понимать смысл некоторых слов, овладевает и некоторыми элементами содержания песен» [Цит. по: Арзмасцева, Николаева 1998: 15].

Одним из первых исследовал русские колыбельные песни А. В. Ветухов, отметивший их убаюкивающие и воспитательные функции: «Мать своим врожденным чутьем поняла, что для ребенка нужны именно песни... умиротворяющие, светлые и монотонные. Так создавалась форма колыбельной песни. Те же материнские чувства подсказали, каково должно быть содержание колыбельной песни: здесь же отражается все, что есть в душе матери лучшего, возвышенного» [Ветухов 1892: 131]. Он также обратил внимание на национальное

своеобразие колыбельной песни, отражение в сюжете этнических особенностей и менталитета. Значительный вклад в изучение фольклорной колыбельной внес Г. С. Виноградов в 20-х годах XX века. Он называл колыбельные «созданием женщины-матери и пестуны» [Виноградов 1997: 87], выделяя их как особый жанр – материнская поэзия или поэзия пестования. В «Детском фольклоре» О. И. Капицы исследователь разделяет колыбельные песни на две группы: «Первая рисует мир матери, ее настроения и переживания, это лирика материнства, и, конечно, эти песни к детскому фольклору отнести нельзя, они представляют для нас интерес как поэзия, создававшаяся около ребенка. Вторая группа рисует мир ребенка, это песни, близкие детским интересам» [1928: 38].

Вышесказанное можно отнести и к дагестанской колыбельной поэзии, которая была широко распространена в устном народном творчестве кумыков и развивалась как самостоятельный жанр в литературе. Детские кумыкские писатели обращались к самым истокам, используя издревле близкие народу формы и жанры. А. М. Аджиев, исследуя кумыкскую фольклорную колыбельную песню, характеризует ее следующим образом: «Мать (бабушка, тётя и т. п.) ребенка старается всеми средствами успокоить его; следуя традиции, использует плавную, размеренную, монотонную мелодию; слова, песенки произносит негромко, ласково; несмотря на то, что ребенок еще не понимает конкретного смысла большинства слов колыбельной, она все же подбирает слова, отвечающие функциям, целям колыбельных» [2005: 200]. Ф. З. Абакарова пишет: «Определение возраста колыбельной песни является одной из сложных проблем и для дагестанской фольклористики. Сохранившиеся отдельные реликтовые элементы в образной системе произведений и в некоторых случаях архаизмы изобразительных средств позволяют предположить, что этот жанр в Дагестане – продукт многовекового образования, который, естественно, испытал влияние других народов, позаимствовав у них самое интересное, занимательное» [1989: 11].

В памяти кумыкского народа сохранилась целая сокровищница колыбельных песен, содержание и ритмика которых, как правило, варьируются в зависимости от

периода создания колыбельной песни, адресата (мальчик или девочка) и исполнителя. «В колыбельный период ребенок воспринимает только ритмичную мелодию и соответствующее ей движение. Заметив, что при ритмичном покачивании ребенок засыпает быстрее, человек создал колыбель. Утилитарно-бытовая функция песен всегда дополнялась воспитательной и эстетической. Исполнитель песен выражал свое отношение к окружающему его миру, сообщал некоторые полезные сведения, выражал и свои потаенные желания» [Капица 2002: 40]. «Несомненно, не каждая женщина обладает поэтическим даром, и образцами устного народного творчества становятся наиболее удачно композиционно сложенные сочинения, в которых есть чувство ритма, а художественный текст богат выразительными средствами изображения» [Хаджакаева (Бекеева) 2018б: 179].

Развитие жанра колыбельной песни в детской кумыкской поэзии 1950–1980-х годов сделало возможным литературное самовыражение поэтов и дальнейшее жанровое обогащение дагестанской детской литературы. Несмотря на поэтическую оригинальность литературных колыбельных песен, справедливо признать, что они в немалой степени унаследовали и народный опыт колыбельной песни. Мы попытаемся на материале кумыкских литературных и народных колыбельных песен рассмотреть и выявить общность традиционных мотивов и некоторые содержательные и образные различия.

Литературная колыбельная песня – один из распространенных жанров, восходящих к фольклорным истокам. В кумыкской детской поэзии второй половины XX века появляется довольно большое количество стихотворений, названных колыбельными песнями (*къакъакълар*, *бешик йырлар*, *лайлайлар*, *гъайлек йырлар*), имеющими сходство с народной «материнской поэзией». Общность литературной и фольклорной колыбельных песен обусловлена единством цели – убаюкать ребенка – и желанием сохранить исторически укоренившиеся в данном жанре общепринятые народные слова-маркеры: «баю-бай, мое дитя» («лайлай, балам»), «баю-бай моему ребѣнку, баю-бай» («къакъакъ

баламны, кьакъакъ»), «спи, мой малыш» («юхла, балам»), «баю-баю-бай» («бёлей, бёлей, бёлелей»).

Следует отметить, что вопросы влияния русских фольклорных колыбельных песен на литературные были исследованы С. М. Лойтер. Согласно ее убеждениям, «соположение детского фольклора и детской литературы как явлений, принадлежащих единой словесной культуре детства, обнаруживает особую значимость детского фольклора, который ценен не только собственными художественными достижениями, но и своим влиянием на детскую литературу и культуру в целом» [Лойтер 2005: 13].

Более подробно взаимовлияния фольклорной и колыбельной песен рассмотрены в трудах В. В. Головина. В работе «Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе» он объясняет непрерывное развитие колыбельных песен в русской литературе начиная с 1773 года тем, что «колыбельная сочетает четкость и жесткость жанровых признаков (маркеры, функции) с очень высокой степенью свободы поэтической структуры, что позволяет поэтам достигать на принципиально малом текстовом объеме (за некоторыми исключениями) особой образно-смысловой емкости и уникального эффекта совмещения традиционного и авторского, оригинального» [Головин 2000: 276]. Несмотря на то, что литературная колыбельная песня находится в рамках культурных традиций, она в первую очередь является феноменом поэзии, способом авторского самовыражения, раскрывающего новые смыслы, основываясь на старых «жанровых позициях». «Фольклорная колыбельная, как любой фольклорный текст, ориентирована на воспроизведение традиции в конкретной функциональной ситуации. Литературная колыбельная наследует от эстетики Нового времени установку на приоритет авторского, индивидуального, оригинального, а также статус независимости художественного феномена от реальности. В литературной колыбельной, как и в любом другом поэтическом тексте, эстетическая функция является доминирующей» [Головин 2000: 279]. Данные выводы В. В. Головина, сделанные

на основе анализа русских колыбельных песен, вполне можно отнести и к кумыкским колыбельным песням.

В центре нашего внимания литературные колыбельные песни, которые ранее не изучались. Рассмотрим их фольклорную основу и авторскую новизну. Во время убаюкивания мать ласкала и хвалила свое дитя, и тексты подобного содержания скорее близки к пестушкам, нежели к колыбельным песням. Так как в поэзии нередко встречаются тексты, близкие к жанру пестушек, рассмотрим некоторые из них на материале произведений кумыкских детских поэтов.

Одним из функциональных отличий кумыкской литературной колыбельной песни от фольклорной является наличие читателя – адресата текста. Фольклорную песню, как правило, исполняли ситуативно, как бы импровизируя, при непосредственном убаюкивании ребенка:

Юхла, балам, бёлелей, Къырда боран бор элей; Юхла, къозум, улагъым, Юхла, шербет булагъым, Юхла, балам, балайым, Балайыма анайынг, Танглап, къызлар алайым! [Кумыкское устное народное творчество. Сокровищница песен 2018: 116]	Спи, мое дитя, баю-бай, На улице вьюга свищет; Спи, мой ягненок, мой козленок, Спи, мой родник из шербета, Спи, мое дитя, мой малыш, Своему малышу, давай, мама, Выберу и девочек возьму [невесту поищу].
---	--

Автор же литературной колыбельной песни «маскирует» в сюжетной линии под традиционно принятыми в фольклоре материнскими переживаниями свои личностные чувства, воспоминания и мысли, что делает сюжет произведения более лирическим и эмоциональным, углубляет его содержание. Так, колыбельная песня Б. Астемирова содержит укоренившиеся формы построения колыбельной. В то же время здесь четко выражено эмоциональное состояние автора, его личностные волнения и опыт из детства (будущий поэт рос в семье бедняка):

Бай-бай, балам, юм гёзюнгню, Юхла орунунгда йымышакъ Энди ярыкъ сени юзюнг,	Баю-бай, мой малыш, закрой глазки, Спи в своей мягкой постели. Отныне светло твое личико,
---	---

Ачылды бизге де чакъ.

И погода для нас прояснилась.

Насип болду, сен чекмединг
 Оьтген заман балагъын,
 Насиплисен, эшитмединг
 Ярлы атангы агъын.

Тебе повезло, ты не испытал
 Былых времен несчастья,
 Ты везучий, не услышал
 Вздохи своего бедняка-отца.

[Астемиров 1965: 4]

Кумыкские народные колыбельные песни, посвященные мальчикам и девочкам, отличались по своему содержанию. А. М. Аджиев в монографии «Устное народное творчество кумыков» отмечает, что «в кумыкских колыбельных в ребенке-мальчике хотят видеть будущего смелого, мужественного защитника дома и родины, неутомимого и умелого работника и т. п. Для этого подбирают яркие, впечатляющие, порою, соответственно жизни и поступкам воина, суровые, но в целом понятные ребѣнку эпитеты, сравнения, символы и т. д.» [Аджиев 2005: 203]. Посредством фольклорных традиций воспитывался национальный герой, «в колыбельных песнях народов Дагестана в обобщенной форме выражено стремление к утверждению нравственно-эстетического идеала человека, идеала героя» [Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 томах. Т. 7. Детский фольклор 2019: 4].

Мени яшым яшасын,
 Яхшылагъа ошасын,
 Бир де намарт болмасын,
 Гъалал ашын ашасын!
 [Кумыкское устное
 народное творчество... 2018: 114]

Пусть живет мой сынок,
 На хороших походит,
 Никогда не станет подлецом,
 Ест то, что заработает честным [трудом].

Или:

Мени яшым атлансын,
 Атына халат къаплансын,
 Минг душманны оьлтюрсюн,
 Тонавун уйге гелтирсин,

Пусть мое дитя коня оседлает,
 Пусть на своего коня накинёт халат
 [попону],
 Пусть тысячу врагов убьёт,
 Пусть их тонав к себе домой принесет.

Тонавун берип, тон алсын,
Тонун берип, кыыз алсын,
Озью анасына кьалсын!

[Свод ... Т. 7. Детский фольклор 2019:
101]

Пусть, отдав тонав, возьмет шубу,
Пусть, отдав шубу, девушку возьмет,
А сам останется матери своей¹.

В примечании А. М. Аджиев поясняет значение слова *тонав* – «принадлежности врага, убитого в бою; трофеи» [Свод ... Т. 7. Детский фольклор 2019: 450]. Девочке желают выйти замуж, родить сына, «стать красивой, опрятной, рачительной хозяйкой, искусной и т. п.» [Аджиев 2005: 204].

Эрге барсын шу кызым,
Улан тапсын шу кызым,
Уланыны устье
Зарбап япсын шу кызым!

[Кумыкское устное
народное творчество ...
2018: 116]

Пусть эта моя дочка замуж выйдет,
Пусть эта моя дочка сына родит,
Пусть своего сына
Укроет парчовым халатом моя дочка!

«Следует отметить, что аллитерация – один из самых популярных приемов кумыкских колыбельных песен, придающих особую звуковую выразительность тексту. Повторение одних и тех же звуков делает песню доступнее для ребенка, помогает привлечь его внимание, эмоционально воздействуя на него. Рифма, аллитерация, ассонансы – все эти изобразительно-выразительные средства служат мелодичной основой колыбельных песен» [Хаджакаева (Бекеева) 2018б: 181]. В приведенных выше текстах мы видим примеры аллитерации (звуки *ш*, *кь*, *б*) и ассонанса (*у*, *а*, *ов*). Песни написаны в форме благопожеланий и имеют назидательный характер, соответственно здесь наблюдается употребление глаголов в повелительной форме.

Не всегда текст колыбельной песни может быть самодостаточным: «...текст на внешнем уровне может быть лишен цельности и причинно-следственной связности, его семантическая организованность восстанавливается только в контексте традиционного сознания» [Головин 2000: 280]. Исследователь считает,

¹ Перевод А. М. Аджиева.

что в колыбельных песнях много противоречий. К примеру, нам не понятно из контекста фольклорной колыбельной песни, почему мать называется плохой, а отец хорошим: «Давай, давай, а ну-ка, / Давай, мамы дитя! / У которого мать – плохая женщина, / И отец – хороший мужчина» («Гъара, гъара, гъарасы, / Гъара, анавну баласы! / Яман къатын анасы, / Яхшы гиши атасы!») [Кумыкское устное народное творчество ... 2018: 117].

Деление колыбельных песен А. Н. Мартыновой на императивные и повествовательные, исходя из их функциональных, содержательных и типологических признаков, подходит как для фольклорных, так и для литературных колыбельных песен. Согласно ее концепции, колыбельные песни – «наиболее древняя по происхождению группа императивных песен. По форме они представляют собой монолог, обращенный к ребенку, животным или мифологическим существам. В них содержатся пожелание сна, и просьба не мешать спать ребенку, не пугать его. Характерной особенностью императивных песен является употребление глаголов в повелительном наклонении. Повествовательные песни представляют собой самую большую группу колыбельных песен. Они не имеют ярко выраженной эмоциональной окраски и подчиняются функциональным требованиям... В них рассказывается об окружающем ребенка мире, о чувствах, заботах и тревогах матери» [Колядич 2002: 45]. Народным и литературным колыбельным песням как кумыков, так и других народов, характерны императивные колыбельные песни, в которых основными мотивами предстают добрые пожелания, наставления, часто сопровождаемые похвалой убаюкиваемого ребёнка.

Один из распространенных мотивов фольклорной колыбельной песни, когда уже все спят, пора уснуть и малышу, своеобразно представлен в колыбельной песне М. Атабаева. Здесь, как и в традиционной колыбельной песне, дана форма развернутого монолога, построенного как обращение. Картина, которую воспевают героиня, наполнена образностью, изображением одухотворенного неживого мира: «Луна твою колыбельку / Освещает своим сиянием. / Ты – моя луна, что, освещая

все, появилась, / Спи, мое дитя, баю-бай» («Ай сени гьайлегинге / Алтын шавла себелей. / Балкьып чыкьгъан айымсан, / Юхла, балам, бёлелей») [Атабаев 1974: 14].

Основной прием в колыбельных песнях М. Атабаева – олицетворение, автор наделяет свойством засыпать с наступлением ночи луну, ветер, звезды: «Ветер ищет место поспать, / Блуждая, подобно дикому животному, / Чтобы ты спокойно спал, / Весь мир в безмолвной тишине» («Ел юхлама ер излей, / Къыржан йимик адашып, / Сен рагъат юхласын деп, / Савлай дюнъя болгъан шып») [Там же : 15]. Убаюкивая, мать сравнивает ветер с диким животным, но и луну с судном из золота, что плывет по небу (*Ай да юзюп айлана / Кёкде, алтын гемедей*), а глазки своего ребенка называет звездными (*юлдуз гёзлеринг*). «Колыбельность» песне придают неоднократные повторы-обращения «усни, мое дитя, баю-бай» (*юхла, балам, бёлелей*), а также свойственная фольклорным колыбельным похвала в адрес ребенка. И хотя она не так экспрессивна, как в народных песнях, тем не менее довольно образна и воссоздает определенную картину: «Къырда аюв баласын, / Юхламай, деп, тёбелей, / Мени яшым тынглавлу, / Бёлей, бёлей, бёлелей» [Там же]. («На улице медведица свое дитя, / За то, что не засыпает, бьет, / Мой ребенок же послушный, / Баю-баю, баю-бай») [Там же].

Одушевленные образы таких природных явлений и объектов, как ветер, дождь, а также звезды и луна – довольно часто встречаются в литературных колыбельных песнях многих народов. В колыбельной песне П. Абуковой присутствует образ дождя, создающий атмосферу уютного пребывания в доме, пока за окном непогода:

Сагъа кьакъакъ йыр айтып,
Къырда янгур себелей,
Тез-тез юхлап кьалсын деп.
Бёлей, яшым, бёлелей.

Спев для тебя колыбельную,
На улице льет дождь,
Чтобы ты поскорее уснул.
Баю-бай, мой малыш, баю-бай.

[Гамидов, Абукова 1984: 26]

Луна «принимает участие» в процессе убаюкивания малыша, и сама заботится о его кротком сне: «Баю-бай, мой малыш, бусы повесила / На твою колыбельную / [И], не жалея своего света, освещает / Луна твою щеку» («Бай-бай, балам, мынчакъ илди / Бёшюгюнгю таягына, / Аямай себе ярыгъын / Ай да сени яягъынга») [Астемиров 1965: 5].

В кумыкском фольклоре встречаются сравнения ребенка с луной:

Мени яшым ай йимик,	Мое дитя – как луна,
Гюзгю сари май йимик,	Как осеннее топленое масло,
Ярашынган чай йимик,	Как приправленный чай,
Безенген тай йимик!	Как красивый жеребенок!
Мени яшым яшнасын,	Мое дитя пусть процветает,
Яш балыклар ашасын!	Пусть рыбешек ест!
Мени аявлу яшым	Мое дорогое дитя
Дюнъяда кёп яшасын!	Пусть долго живет на свете! ¹

[Свод ... Т. 7. Детский фольклор
2019: 66]

Формы сравнения и восхваления убаюкиваемого являлись одними из популярных в «материнской поэзии» устного народного творчества и оказывали благоприятное воздействие на ребенка и его становление как личности. А. М. Аджиев считает, что эти признаки в большей степени характерны для пестушек: «Основные черты отличия их от колыбельных песен обусловлены функциональной противопоставленностью этих жанровых разновидностей: пестушки призваны разбудить ребенка, быстрее привести его в бодрое состояние, позабавить его, вызвать желание откликнуться на игру, реагировать на общение и т. п. А все это, в отличие от колыбельных песен, достигается мажорным тоном исполнения пестушек, их убыстренным ритмом, легким, веселым темпом, соответствующим содержанием и т. д.» [Аджиев 2005: 204].

Мени кызым обалы,	Моя дочь напудрена,
Он бармагы кыналы,	Все ее десять пальцев окрашены хной,
Омураву алтын тюймели,	Шея ее в золотых пуговицах,
Ала гёзю сюрмели.	

¹ Перевод А. М. Аджиева.

[Свод ... Т. 7. Детский фольклор 2019: Ясные ее глаза подведены сурьмой¹. 142–143]

Мени яшым – яхшы яш,
 Душманлагъа къаршы яш!
 Гъара-бара деп йиберсем,
 Къышгъа кокан гелтирир,
 Къыйшыкъ гёзлю турнаны,
 Уруп, яшым оьлтюрюр,
 Аркъасына да гётерип,
 Анасына гелтирер! <...>
 Яшымны суймегенлеге
 Тийип къалсын аласы!
 [Кумыкское устное народное
 творчество ... 2018:122]

Мой ребенок – хороший ребенок,
 Мальчик, выступающий против врагов!
 Если отправлю с поручением,
 Зимой и сливу принесет,
 Косоглазого журавля,
 Ударив, сын мой убьет,
 И на спине
 Его маме принесет! <...>
 Кто сына моего не взлюбит,
 Пусть достанется [тому] пёстрый
 [журавль]!

В творчестве И. Асекова наблюдается включение произведений разных жанров фольклора в литературные поэтические тексты. Его стихи содержат элементы пестушек (*ушанывлар*), благопожеланий (*алгышлар*) и даже безобидных проклятий (*къаргышлар*): «Кто позавидует моему ребенку, / Пусть почернеет подобно каменному углю» («Яшым гюллегенлер / Таш кёмюрдей къаралсын»), «Кто позавидует моей дочке, / Пусть рот его наполнится половой» («Къызымны гюллегенлер / Авзу толсун къувукъгъа») [Асеков 1965: 17–18].

В некоторых стихах И. Асекова присутствуют мотивы, свойственные народным колыбельным песням, в которых выражаются надежды на светлое будущее ребенка, его высоконравственные принципы, храброе сердце и отличную учебу:

Бу ерлежек аргъумакъ
 Уйренмеген асавдур
 Бу оьсгюнче бёрюню
 Боюнсюеги савдур! <...>

Аргамак², которого он оседлает,
 Не прирученный, дикий.
 Пока он вырастет, у волка
 Шейные позвонки целы [останутся].

<...> Муну охужакъ ери
 Москов деген къаладыр.
 Мени балам анасын

Место, где он будет учиться,
 Город по названию Москва.
 Мой ребенок такой, который своей

¹ Перевод А. М. Аджиева.

² Аргамак – быстроногий скакун, породистая лошадь.

Къувандырыр баладыр. матери
 [Асеков 1965: 25–27] Доставит радость.

Эти строки автор посвящает ребенку, который делает первые шаги, и показывает, что еще в младенчестве на мальчика возлагают большие надежды, верят, что он вырастет достойным сыном. В стихотворении А. Джачаева «Нежность матери» («Ананы ушаныву») в ожидании первых шагов ребенку желают оседлать коня, т. е. стать настоящим джигитом, радовать успехами маму и не забывать ее, когда станет взрослым:

Эретур чу, балайым, Ананг оьктем болайым. Аягъынг къагъып-къагъып, Гел, балам, магъа багъып. Ананг сююнюп къалгъыр, Сюрюнмей абат алгъыр, Посагъадан абатлан, Сонг ат ерле, сонг атлан.	А ну-ка, встань, мой малыш, Позволь маме гордиться тобой. Потопай ножками, Иди, мой малыш, ко мне. Пусть твоя мама обрадуется, Перешагни порог, Потом коня оседлай, затем соберись в дорогу.
--	---

[Джачаев 1988: 38]

В этом жанре написано и стихотворение И. Асекова. В нем использованы архаизмы, которые можно встретить только в фольклоре (например, слово «дилинсин»). А. М. Аджиев подчеркивает, что слово «дилинсин» не переводится на русский язык.

В фольклоре:

«Мени яшым дилинсин, Исси сувда киринсин, Акъ аргъумаць атгъа минсин, Къыргъыйларын оьрге чюйсюн, Салалардан мени яшым къыз сюйсюн!	Мое дитя дилинсин, Да купаться ему в теплой воде, Да садиться ему на белого аргамака, Да пускать ему ястребов вверх, Да полюбить моему сыну девушку из [сословия] сала! ¹ » [Свод ... Т. 7. Детский фольклор 2019: 115–116]
--	---

У И. Асекова:

Мени балам дилинсин,	Мое дитя дилинсин,
----------------------	--------------------

¹ Сала – независимое сословие у кумыков (уздени).

Дилинсин де билинсин,
Айгыр атын ойнатып,
Терик сува киринсин.
[Асеков 1965: 8]

Дилинсин и пусть себя проявит,
Поиграв со своим жеребцом,
В водах Терека пусть искупается.

Его обращения, выразительные по звучанию, посвящены преимущественно детям дошкольного и младшего школьного возраста: «Дитя мое, сосуд, наполненный медом, / Мой ребенок не будет баловаться. / Тот, кто с моим ребенком подружится, / Никогда в жизни не пожалеет!» («Балам, балам бал кюмес, / Мени балам ёнкюмес. / Балам булан дос болгъан / Оьмюрюнде гъёкюнмес!») [Асеков 1965: 9]; «Дочка, дочка, доченька, / Пусть [выйдет замуж] за дальновидного! / Пусть ищет предусмотрительного, / Пусть ей откроются большие возможности»¹ («Къызым, къызым, къызакъгъа, / Къызым барсын узакъгъа! / Узакъланы излесин, / Уллу ёллар гезесин») [Асеков 1965: 17] и др.

Детское воображение безгранично, и порой кажется, что в головах детей зарождаются «сотни почему и для чего», ответы на которые не всегда удается найти даже взрослому. Дети легко переносят модель поведения людей на животных, признаки одушевленных предметов на неодушевленные. Поэт, понимающий психологию ребенка, использует этот прием, тем самым развивая его воображение. Так, А. Меджидов написал «Колыбельную вороны», которую поет ворона, убаюкивая своих птенцов:

Юхлагъыз, балаларым,
Юхлап къалыгъыз, яшлар.
Ел ачувланса, юлкъуп,
Уяны ерге ташлар.

Спите, мои птенчики,
Усните, ребятки, [даже]
Если ветер разозлится, вырвав
Гнездо и на землю его сбросит.

Юхлагъыз, балаларым,
Ерге тюшсе уябыз,
Тюлкюлеге кюлкюбюз,
Чагъанлагъа гъуябыз.
[Меджидов 1981: 32]

Спите, мои птенчики,
Если упадет наше гнездо на землю,
Лисы нас засмеют,
[А] шакалы удивятся.

¹ Букв.: «Пусть путешествует по большим дорогам».

В «Колыбельной вороны» («Къаргъаны гъайлек йыры») А. Меджидов расширяет круг героев, придумывая новых, персонифицируя ворону, тем самым придавая тексту литературность и образность. В народных колыбельных часто встречается персонаж, которым пугали ребенка, чтобы он поскорее уснул. Заимствует этот прием и Меджидов, только вместо «серого волчонка», который «укусит за бочок», мать ворона своих детенышей страшит разрушительным ветром.

В данной колыбельной песне доминирует элемент «пугания-предупреждения», о котором пишет В. В. Головин, предлагая классификацию мотивов колыбельных песен. Его функциональный анализ мотивов русских колыбельных песен подходит и для кумыкских колыбельных песен, как фольклорных, так и литературных. За падением гнезда следует череда негативных последствий и потенциальная опасность, исходящая от хищных шакалов и лис. А. Меджидов использует мотив пугания-предупреждения, прибегая к образу волка, фигурирующего как в народных, так и в колыбельных песнях в качестве похитителя ребенка («серенький волчок» в русских колыбельных), не засыпающего во время убаюкивания. В. В. Головин убежден, что «волк – один из многих образов колыбельного мотива “пугания-предупреждения”, и его жанровая функция очевидна – усыпление через испуг и первоначальное познание образа» [2000: 243].

Бёрюлер гелме сююп,
Къапуланы тёбелей.
Аявсуз яшым бармы,
Бёлей, балам, бёлелей.

Къырда боран къутургъан,
Бары затны къар бёлей.
Къар тюпде кёп зат юхлай,
Бёлей, балам, бёлелей.

[Меджидов 1987: 40]

Волки захотели прийти [и]
Бьются у ворот.
Разве у меня есть ребенок, который мне
не дорог,
Баю-бай, малыш, баю-бай.
На улице вьюга бушует,
Снегом все вокруг замело.
Под снегом много всего спит.
Баю-бай, мой малыш, баю-бай.

Советские исследователи, изучая национальную литературу, обращали внимание и на развитие разных жанров в дагестанской детской литературе, в том

числе колыбельных. Б. Сайчук писал, что поэтические сборники национальных авторов должны стать «открытием, новым знанием, из которого в дальнейшем пробьются ростки интернациональной дружбы, ощущение внутренней связи с девчонками и мальчишками – в чем-то похожими, а в чем-то и непохожими на тебя, – которые живут в разных краях большой нашей Родины» [Сайчук 1989: 23]. Обращая внимание на труд переводчиков, сыгравших немаловажную роль в установлении межнационального диалога детей, он прибегает к творчеству А. Меджидова. В мамины уста вкладывает автор трогательные и нежные, идущие от сердца слова – слова истинной Любви. Точный и удачный лексический эквивалент им найден поэтом-переводчиком В. Луниным: «Чтоб сова к вам не влетела, / Спи, мой маленький и смелый, / Спи, мой сладкий, словно мед, – / Утром солнце к нам придет. / Баю-бай, баю-бай, / Утром солнце к нам придет» [Сайчук 1989: 25].

При создании литературной колыбельной песни некоторые кумыкские поэты следовали фольклорной традиции обращения к ребенку, произнося вместо его имени название животного. Исследователь колыбельных песен карел и других прибалтийско-финских народов В. Я. Евсеев относит это явление к суеверным представлениям, восходящим к мифологическим воззрениям первобытного общества и считает, что образы животных «находятся в прямой зависимости людей от суеверия, согласно которому нельзя называть имя новорожденного» [1962: 64], чтобы не навредить ему. Ф. З. Абакарова и Ф. Х. Мухамедова предполагают, что в фольклорных колыбельных песнях сознательно не называлось имя ребенка: «отголоском этого пережитка – культового запрета – является то, что в ранних колыбельных песнях народов Дагестана почти никогда не произносится имя ребенка, оберегаемого от сглаза» [Свод ... Т. 7. Детский фольклор 2019: 13].

В собранных А. М. Аджиевым кумыкских народных колыбельных песнях есть тексты, содержащие имена, что свидетельствует об отсутствии запрета на их

использование: «Спи, мой сынок Саладин, / Завязки¹, не расслабляй! / Твой отец старается, / Чтобы ты жил беззаботно. («Юхла, яшым Саладин, / Къолбавларынг бошатма! / Сени атанг айлана / Сени рагыат яшатма») [Кумыкское устное народное творчество ... 2018: 115].

На наш взгляд, суеверия, которые исполнители издавна вкладывали в колыбельные, в литературных текстах возможно утрачены, но традиция выражения «колыбельной тональности» сохранилась, что способствовало приданию песне выразительности и образности. К примеру, в колыбельной А. Гамидова неоднократно повторяется выражение «мой маленький жеребенок» («мени гиччи къунаным»): «Темненький, как ласточка, / Порядочный по отношению к людям, / Пусть юношей станет мой сын, / Мой маленький жеребёнок» («Къарчыгдай къаравлу, / Адамлагъа яравлу, / Улан болсун уланым, / Мени гиччи къунаным») [Гамидов 1981: 8].

Проведенный анализ показал, что в кумыкских литературных колыбельных песнях 1950–1980-х гг. чаще всего используются обращения «дитя мое» (*балам, яшым*), «мамин паренек» (*ананы уланпаву*), «мой красивенький ребенок» (*мени арев балам*) и др.

В фольклорных колыбельных песнях мать порой излишне эмоционально обращалась к своему ребенку, не только ласково называя его как домашнее животное (*среди распространенных в кумыкском фольклоре: мой ягненок, мой жеребенок*), а также всем тем, что было ей дорого и привлекательно для восприятия, что вызывало любовь и восхищение:

<...> Сувсагъанда ичме
къойгъан шербет булагъым,
Янгулагъа гийме къойгъан
ямучум,
Ламкъалы гюн гийме
къойгъан этигим,
Терегим, япырагъым,
Ташы мрамар булагъым,

<...> Мой сладкий родник, что напоил
во время жажды,
Моя бурка, которую дозволено надеть в
дождливую погоду,
Мой сапог, дозволенный обуться в
слякоть,
Мое деревце, мой листочек,
Мой родник из мрамора,

¹ Речь идет о кусках ткани, которыми привязывали ребенка к люльке.

Юхлама ятгъан уланым,
 Охума къойгъан Къураным,
 Юхулары гелсин гёзюне,
 Гёлеклери гелсин тизине!
 [Кумыкское устное народное
 творчество ... 2018: 113]

Мой сынок, который лег спать,
 Мой Коран для чтения,
 Пусть [к нему] придет сон,
 Пусть рубашка придется ему впору!

Таким образом, взаимосвязи фольклорной и литературной колыбельной песни обширны и многогранны. Анализ кумыкских литературных колыбельных текстов показал, что авторы, сохраняя традиционную фольклорную основу колыбельных песен, обновили семантический ряд персонажей. Модель литературной колыбельной песни, ее жанровые признаки, а также ритмико-интонационный и лексико-грамматический уровни восходят к традиционным народным текстам колыбельных песен. Их отличие прежде всего в том, что в фольклорной колыбельной песне поется о будущем новорожденного, который должен вырасти настоящим горцем – храбрым, справедливым защитником не только семьи, но и народа. В литературной колыбельной песне проецируются мысли автора, что делает сюжет более лирическим и эмоциональным, углубляет содержание. В колыбельных песнях народного и авторского исполнения наиболее распространенными являются мотивы счастливого будущего малыша, благопожелания и назидания.

Существуют три основных признака жанровой специфики фольклорной и литературной колыбельных песен: «1. Ситуация исполнения (убаюкивание-качание). 2. Специфика исполнения (форма напева, интонирования, сила звука), обусловленная функцией усыпления. 3. Функционально-поэтические признаки: маркеры жанра, “колыбельные” формулы и мотивы» [Головин 2000: 282]. Они в большей степени характеризуют традиционную народную колыбельную песню. Для литературной колыбельной песни содержание данных признаков носит формальный характер, не всегда ситуация исполнения может быть «здесь и сейчас», так как колыбельная рассматривается прежде всего как литературное произведение.

1. 3. Поэтическая система стихотворной литературной сказки А. Аджиева

В советской литературе жанр литературной сказки имел особую популярность. Вековые традиции, которые находили художественное воплощение в фольклорных сказках, с развитием детской литературы постепенно проникали в творчество писателей, неся в себе народную мудрость и поучительные суждения, искусно сопровождающиеся картинами мифов и фантастических миров, не существующих в реальности. Ф. Х. Мухамедова справедливо заметила: «Главное достоинство сказки – в ее умении свободно и легко передвигаться во времени и пространстве, в ее способности к большим поэтическим и философским обобщениям, в слиянии художественного элемента с воспитательным, педагогическим» [2001: 186].

В кумыкской детской литературе развитие жанра стихотворной сказки началось в 1940-е годы и в дальнейшем реализовывалось в творчестве А.-В. Сулейманова, А. Аджаматова, К. Султанова, А. Аджиева, М. Атабаева, А. Гамидова, А. Меджидова и др. В этот период, как считает О. С. Октябрьская, «модернизируется» тип старой философской сказки, и литературная сказка вбирает в себя «народную мудрость, педагогические наработки, особенности детской возрастной психологии и авторские индивидуальные таланты» [2012: 313].

Большой научный интерес вызывает жанровая специфика литературных сказок А. Аджиева. «Болтливая утка» («Авузгъа бош акъ бабиш», 1935) – своеобразный кладезь фольклорного материала, как, впрочем, и другие стихотворные сказки народного поэта Дагестана. Одной из первых оригинальность данного произведения отметила Ф. Х. Мухамедова, сравнив ее систему образов с персонажами птичьего двора известной сказки Г. Х. Андерсена «Гадкий утенок». Действительно, красочные образы птичьего двора, персонаж из семейства утиных не могут не напомнить всемирно известные мотивы датской сказки. В отличие от

сказки Г. Х. Андерсена, ключевую роль в определении проблемы произведения А. Аджиева играет эпитет «болтливая». Сказка, написанная для малышей, с первых строк привлекает внимание повествовательной манерой, а описание утки, основанное на приеме звукоподражания и использовании парных слов, вызывает у читателя иронический смех и подчеркивает ее неуклюжесть:

Бабиши бакъ-бакъ болгъан,	Его утка была « кря-кря »,
Бишлакъдай ап-акъ болгъан,	Словно сыр белая-пребелая ,
Къуйругъу къат-къат болгъан,	Ее хвост был многослойным ,
Авузгъа бош зат болгъан.	Сама болтливою была.

[Аджиев 1948: 53]

Важную роль в этом произведении играет звукопись, которую Ф. Х. Мухамедова выделяет «как характерную особенность детских произведений А. Аджиева: «Музыкальное ее влияние делает стих легким, звучным, ритмически четким, притягательным для слуха малышей» [2001: 74]. Черты характера автор не прячет за «занавес» и, не откладывая на потом, предупреждает о слабостях своей героини: «Если утром уходила к реке / И вечером не возвращалась, / Все, что видела и слышала, / Не могла удержать в себе» («Эртен гетсе сувлагъа / Ахшам да къайтмай болгъан, / Эшитгенин, гоьргенин / Айтмаса, ятмай болгъан»). Словам седого Атая, который наставлял быть осторожными и бдительными после его ухода за дровами, болтливая утка мысленно возражает: «“Если и узнают, что же может случиться”, – Белая утка сильно беспокоится» («“Билсе не болакен деп”, – Акъ бабиш бек талчыгъа»). Испытанием для главной героини становятся отправляет поиски старика Атая, который вместе со своим сторожевым псом никак не возвращается домой. Тут и начинаются приключения героини, а сюжетная линия вновь переключается с фольклорными мотивами. Подобно Колобку из русской народной сказки, она встречает обитателей дикого леса: ежа, зайца, медведя, волка и лису, каждому из которых в подробностях «напевает» о причинах ухода со двора:

Бабиш айта: «Къарт бизин	Утка говорит: «Старик наш
Ессибиз уллу бавчу,	Хозяин – большой садовод,

Абзарны, уый жанланы
Душманлардан сакълавчу.

Двор, домашних животных
Охраняет от врагов.

Гьоресен ол тас болгъан,
Излесем де табулмай,
Сен гьоргенге ошайсан
Айтмасанг бир де болмай!»
[Аджиев 1948: 66]

Видишь ли, он потерялся,
Не находится, несмотря на мои поиски,
Похоже, ты его видел
И не сказать мне тебе нельзя!» –

обращается утка к волку, который, получив хорошие известия о пропаже хозяина овец, тут же отправляется полакомиться ими. Печален конец утки, повстречавшей на своем пути лису. А. Аджиев создал традиционный фольклорный образ хитрой, изворотливой, коварной лисы, от которой не смог убежать даже Колобок в русской сказке. В кумыкском фольклоре такого персонажа нет, однако «аджиевскую» утку можно смело назвать его прототипом. Диалог с лицедейкой леса завершается печально – схватив добычу, лисица уволокла ее в свою нору к детенышам. А. Аджиев не скупится на сравнения и эпитеты, тем самым подчеркивая, насколько аппетитна утка для лисы и как легко она ведется на лесть в свой адрес. Так, обращаясь к болтливой утке, лиса сравнивает ее шею с белоснежной лебединой шеей (*акъ къувдай бойлу бабиши*).

Кроме того, как отметила Ф. Х. Мухамедова, «автор вводит пейзажные картинки, напоминающие красочный детский рисунок» [2001: 74]. Действительно, яркие описания весенней природы, представленные в сказке, придают сочность красок зарисовкам:

Яп-яшыл отну
Арасы ала чечек,
Къушлары къувнакъ йырлай,
Орман гьозел ва гьокчек.

Средь ярко-зеленой травы
[Растут] пестрые цветы,
Птицы жизнерадостно поют,
Лес красив и прекрасен.

Ач болгъан акъ бабишге
Гъар не де бар орманда,
Къып-къызыл жиелек де,
Гюмелек де бар мунда.

Для проголодавшейся утки
Чего только нет в лесу –
И ярко-красная земляника,
Есть и бабочка.

[Аджиев 1948: 57–58]

Парные слова, о которых говорилось ранее, изобилуют на протяжении всей сказки, придавая образность красотам природы и сообщая поведению героев дополнительную характеристику: *лавлай-лавлай* («покачиваясь»; о неуклюже покачивающейся походке утки), *туп-тувра* («прямиком»; устами утки; насколько беспрепятственно можно попасть в хозяйство Атая), *бара-бара* («со временем»), *овз-овзюне* («про себя»; самому себе говорит заяц о планах сгрызть дыню в огороде, пока хозяин отсутствует), *алды-арты* («конца-края»; утка будит медведя с вопросом, нет ли конца-края его сну), *тоькмей-чачмайлы* («как есть»; не упустив ни одной детали), *биргине-бир* (одна-единственная), *абзар-уюю* («двор-дом»), *дуллу-дунья* («весь мир») и др. При переводе парных конструкций мы постарались сохранить ироничный настрой А. Аджиева, тем не менее русские эквиваленты не отражают их оригинального звучания, в полной мере подчеркивающего идентичность кумыкского языка и авторского стиля.

Ощущая юмор А. Аджиева, можно предположить, что произведение «Болтливая утка» является сатирическим. Профессор Л. И. Тимофеев, поясняя такое явление, как «писательский литературный смех», разделяет его на юмор, иронию, сарказм, сатиру и гротеск. С. И. Сивоконь, говоря об этой классификации, поясняет, что «юмор в таком случае он понимает, как добродушную шутку, иронию – как насмешку с оттенком превосходства, сарказм – как едкую, злую иронию, сатиру – как гневный, яростный смех и, наконец, гротеск – как смех сокрушительный, уничтожающий» [Сивоконь 1980: 9]. А. Аджиев осуждает человеческие недостатки с добродушным юмором, учитывая возрастные особенности маленького адресата. Мы больше ощущаем сочувственный юмор, нежели сатирический, когда по глупости и болтливости утка становится жертвой собственной беспечности. Художественные задачи, которые автор ставит перед собой, способствуют талантливому решению воспитательных целей. Иронично изображаются человеческие пороки: излишняя доверчивость, неумение держать слово и быть преданным своему хозяину, друзьям. Бесхитрость и наивность, как показывает А. Аджиев, могут нанести вред не только личным интересам, но и

окружающим. Однако в сказке это не случается благодаря предусмотрительности хозяина – старого, мудрого Атая, абсолютного антипода «говорливой» утки.

В 2004 году в журнале «Дагестан» вышел перевод М. Ахмедовой-Колубакиной сказки «Болтливая утка» на русский язык, что сделало ее доступной для широкого круга иноязычных читателей.

Благоразумие и осмотрительность в отношении своего имущества является темой стихотворной сказки «На рассвете» («Эртен чакьда»), впервые опубликованной в сборнике «Боевые ребята». В сборнике «Дочери солнца» («Гюнню кызлары») А. Аджиев переиздает ее под названием «Волк в чалме» («Чалмалы бёрю») [1968: 33].

Автор создал сказку, отразившую жизнь крестьянского народа с характерными для него традициями и укладом. Он испытывает глубокую симпатию к благородному Атаку – простому пастуху, который отважно защитил стадо овец от злых умыслов Волка. В данном произведении хищник – олицетворение человеческого ханжества и фальши:

–Яман да болгъан, Яхшы да болгъан, Бобрю сиривню Башы да болгъан;	– И плохим был, И хорошим был, Стаи волков Главарем был;
Къотан кыдыргъан, Къойлар сыдыргъан, Къойчу итлени Гючюн сыдыргъан <...>	На котане ¹ гулял, С овец шкуры сдирал, У пастушьих собак Силы отнимал <...>

[Аджиев 1948: 46]

Чтобы войти в доверие к пастуху, Волк рассказывает о том, как он «исправился» и встал на верный путь: «Поехав в Каабу², / Совершил молитвы во время хаджа; / Не оставлял намаз, / Держал пост, / А то, как едят курдюк, / Вовсе

¹ Котан – сарай или навес, предназначенный для овец.

² Кааба – святыня мусульман, построенная в виде куба и находящаяся во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам в Мекке. Здесь, согласно кораническим предписаниям, собираются паломники для совершения хаджа.

позабыл <...> / В раздумьях о благом / Поседела его голова» («Кабагъа барып / Гъажлар да кыылгъан; / Намаз кьоймагъан, / Ораза тутгъан, / Къуйрукъ ашайгъан / Кююн унутгъан <...> / Яхшылыкъ ойлап / Акъ болгъан башым») [Аджиев 1948: 46–47]. Автор аллегорично изображает мусульманина. Об этом свидетельствует облик Волка и чалма, а также упоминание им некоторых обычаев Ислама: намаза – молитвы, которую верующие должны совершать пять раз в день; поста – обязательства мусульманина во время священного месяца Рамадан; хаджа – паломничества в Мекку. Обобщенные мысли Волка о победе над собой автор перевел в предметные, конкретизировав их в описании его внешнего вида:

Акъ чалма чалгъан,
Гоек аба гийген,
Сакъалы барып
Жабаргъа тийген.

Повязался белой чалмой,
Надел длинный халат,
А его борода
Касается пола.

Бойнунда зувгъан,
Къолунда таякъ,
Ким биле къайда
Бара бу саякъ.

На шее – чётки,
В руках – палка,
Кто знает, куда
Держит путь этот бродяга?

[Там же : 43]

Вместе с тем уверовавший и «перешедший в ислам» волк после совершения грехов на протяжении всей своей жизни не смог устоять перед соблазнами и, несмотря на чалму, символизировавшую его веру (она служила у мусульман мужским головным убором), продолжал грешить, как и прежде. Поэтому его новой мишенью стало стадо овец Атака, которого оказалось не так просто обмануть.

Литературные сказки А. Аджиева адресованы читателям разных поколений. Автор сатирически осуждает лицемерие и двуличие, которые не должны остаться безнаказанными. Для маленьких детей, не умеющих в силу возраста провести параллель с реальными людьми, «На рассвете» – это сказочная история, в которой Волк, покусившийся на овец, был наказан метким выстрелом хозяина отары Атака. Особую выразительность литературным сказкам А. Аджиева придает умелое включение в текст произведений афористичного жанра: «Если ты лиса, / То я ее

хвост» («Сен тюлкю бусанг / Мен кьуйругьуман»), – заключает герой. Данная пословица имеет происхождение от притчи, согласно которой лиса опоздала, когда на земле распределялись ум, храбрость, трусость, сила и другие качества, ниспосланные Богом после сотворения всего живого. В то время, как волк заполучил храбрость, слон, медведь, вол, верблюд – силу, осел по незнанию схватился за дурость, заяц – за трусость, а лиса, не сумевшая пролезть через толпу, просунула свой хвост и ухватила хитрость. Именно по этой причине в народе говорят, что хитрость лисы не в голове, а в ее хвосте. Отсюда крылатое выражение: «Если ты лиса, то я ее хвост», означающее, что хитрые и коварные помыслы противника раскрыты.

Фольклорная стилизация играет доминирующую роль в творчестве А. Аджиева. В народных сказках, которые, как правило, прозаичны и лаконичны по содержанию, часто наблюдаются две противоборствующие стороны. Независимо от того, насколько равны силы зла и добра, нравственные составляющие позволяют одержать победу. За фантастическим сюжетом скрываются реальные помыслы простых людей, народная мудрость, основанная на многовековом жизненном опыте. В литературной сказке положительные идеалы интерпретируются с позиции самого автора. Здесь не все так просто: если отрицательный герой и наказан, поэт показывает нелегкий путь к победе. Справедливость торжествует после понесенных героем потерь.

А. И. Зырянова считает, что «фольклор, народное искусство вписывались в идею народности, важную в концепции социалистического реализма, а фантастические допущения позволяли моделировать идеальные миры социалистического настоящего и коммунистического будущего» [2019: 4]. Под пером А. Аджиева фольклорные произведения возрождаются вместе с культурным наследием кумыков, с восстановлением связи между поколениями.

Литературные сказки А. Аджиева можно назвать фольклорными, так как они пронизаны речевыми оборотами из устного народного творчества и в то же время

являются «результатом поисков наиболее приемлемых форм литературной сказки» [Мухамедова 2001: 73].

Традиционный зачин «то ли было, то ли не было» («бир болгъан, бир болмагъан») вводит читателя в действие, и далее текст рифмуется на основе этих глаголов:

Бир болгъан, бир болмагъан,
Бавлары бюр болмагъан,

Янгурсуз язбаш болгъан,
Учсуз-къырыйсыз элде
Эки къызардаш болгъан.

[Аджиев 1948: 23]

То ли было, то ли не было,
На огородах почки еще не
распустились,

Было начало весны без дождей,
В бескрайнем-бесконечном крае
Жили-были две сестры.

В основе сказки о двух сестрах, похищенных злодеем-коршуном, лежит традиционный сюжет: девушки неземной красоты оказываются в плену у злодея. Отрицательный герой имеет волшебное свойство превращаться в коршуна. Образ кровного родственника, отправившегося в путь ради освобождения брата или сестры, широко распространен в фольклоре многих народов. Брат-нарт, героически спасающий юных красавиц, фигурирует в русских народных сказках (к примеру, «Гуси-лебеди»). Здесь тоже видим сходство с сюжетной линией датской сказки «Дикие лебеди» (De vilde svaner, 1838) Ганса Христиана Андерсена. Традиционный зачин русских народных сказок «в некотором царстве, в некотором государстве» у А. Аджиева преобразуется «в некое время, в некую пору» («бир заманда, бир чакъда»). Автор метафорично ярко предзнаменует грядущее похищение:

Бир заманда, бир чакъда,
Гьорюр гоьзге кир чакъда,
Къазанда къамалгъанда
Гъабижай да, бурчакъ да;
Болатланы бурнундан
Къара къан тамагъанда,
Къарт Ажай гоьк гоьлекге
Акъ ямав ямагъанда;
Чагъанлар улуйгъанда,
Итлер къутурагъанда,
Тюлкюлер инден чыгъып

В некое время, в некую пору,
Для зрячего в грязную погоду,
Когда в кастрюле не осталось
Ни кукурузы, ни фасоли;
Когда из стального дула
Капала черная кровь,
Старая Ажай на синей рубашке
Пришивала белую заплатку;
Когда выли шакалы,
Собаки были в бешенстве,
Когда лисы, покинув норы,

Гьиллалар кьурагъанда;
 Муна шулай бир заман,
 Муна шулай бир чакъда
 Олар олтургъан болгъан
 Гьокь отда гьонжувакъда.
 Олтурса эде йокъдан
 Алатолпан башлангъан,
 Топракълар гемирилип,
 Гьавалагъа ташлангъан.

[Аджиев 1948: 25]

Строили козни;
 Вот в одно такое время,
 Вот в такую пору
 Они, оказывается, сидели
 На зеленой траве под солнышком.
 Сидели, как вдруг
 Начался ураган,
 Вырванные клочки земли
 Поднялись в воздух.

Для создания целостной картины предстоящей угрозы для сестер автор обращается к описанию природных явлений: внезапно возникшему урагану, изголодавшимся животным, а съеденные кукуруза и фасоль символизируют завершение почитаемого мусульманским миром дня Ашуры. Приготовление супа из злаков по разным рецептам по сей день является традицией, бытующей у многих народов. В древности слагали легенды о пользе блюда из злаков и бобов, приготовление которого, согласно сказаниям, способствовало богатому урожаю. О кровопролитных войнах автор пишет завуалированно («Когда из стального дула / Капала черная кровь» («Болатланы бурнундан / Къара къан тамагъанда»).

Стихотворные сказки А. Аджиева пронизаны глубокой симпатией к народной мудрости. По мотивам кумыкских фольклорных сказок в собственной художественной интерпретации поэтом созданы стихотворные сказки «Соль, Перекати-поле и Ребро» («Туз да, къамакъ да, къабыргъа да», 1968) и «Кусок хлеба» («Аш гесек», 1974).

1960-е годы О. С. Октябрьская характеризует как период «оттепели», когда «уходит в прошлое жестокость, сила, железная воля, актуализируются такие качества, как доброта, открытость, стремление быть нужным уже не целому коллективу, стране, абстрактной идее, а близкому по духу человеку» [2012: 313]. В этот период и в творчестве А. Аджиева также актуализируются идеи добра, дружбы, что нашло отражение в сказке «Соль, Перекати-поле и Ребро», где акцентируется внимание на взаимовыручке. Безусловно, фольклорные образы в

народной сказке значительно отличаются от персонажей А. Аджиева и традиционно принятых в кумыкском фольклоре героев, среди которых чаще всего встречаются Волк, Лиса, Медведь, Ёж и другие представители животного мира. Однако А. Аджиев «стилизует» народную сказку «под себя», и мы с первых же строк узнаем богатый язык народного поэта. «А. Аджиев – очень сильный стилист в родном языке, он такой поэт, которого трудно перевести на русский язык» [Аджиев 2014: 24], – признавался его переводчик С. Липкин.

Метафоричность в сказках содействует созданию высокой художественности, яркости, оживляет неживой мир, воплощая единую образность и поэтичность. Подобная форма метафорического мышления отражается в рассматриваемой сказке. М. А. Алиева, исследуя творчество А. Аджиева, отмечает большую связь «художественной палитры» народного поэта с фольклором. «Обращение поэта к фольклору свидетельствует о зрелости его мастерства. Использование тех или иных образов, поэтических приемов всегда подсказано всем строем, композиционно-стилистическим своеобразием произведения. Поэтому ни один фольклорный прием не воспринимается как готовый трафарет, как механическое переложение» [Алиева 1988: 49]. Используя приемы народной поэтики, А. Аджиев утверждает в детской поэзии жанр стихотворной сказки.

Сюжет сказки «Соль, Перекати-поле и Ребро» прост: давшие однажды клятву дружбы Соль, Перекати-поле и Ребро попадают в беду – из-за сильного ветра друзья, вместе построившие дом, пытаются закрыть дымоход. Однако их попытки тщетны: беспощадный ветер тотчас рассеивает храбрую Соль, пожертвовавшую своей жизнью и отправившуюся решить проблему первой. Вслед за ней Ребро, надумавшее закрыть дымоход, уносит голодная собака.

Его дальнейшую судьбу поэт изображает живо и юмористично, но добродушный юмор не избавляет читателя от волнения за отважного героя:

Къабыргъаны эти ёкъ,
Къуру сюек Къабыргъа.
Ит ону тартгъан, созгъан,
Ургъан ташгъа, тамыргъа.

У Ребра мяса нет,
Сухая кость Ребро.
Собака его потянула, растянула,

[Аджиев 1968: 37]

Ударила об камень, об корень.

Перекасти-поле «прикатило» и расправилось с вражеской собакой, освободив измученное Ребро из плена, тем не менее друзья горюют без третьего друга – Соли, которая угодила в яму с водой.

Добрая сказка о дружбе завершается тем, что дождь прекращается, лужица высыхает и друзьям удается выжить и встретиться вновь. Мораль занимательной истории отражается в заключительных строках:

Не болур ер юзюнде	Что может быть на земном шаре
Демли яшавдан яхшы!	Лучше дружной жизни!
Дослукъ, озокъда, дослукъ –	Дружба, конечно, дружба –
Бар яхшылыкъны башы!	Лучше всех благ!

[Там же : 38]

Стихотворная сказка «Кусок хлеба» создана А. Аджиевым на основе народной притчи о двух путниках – богатом и бедном. На протяжении всей долгой дороги у одного с рук не сходит хлеб с мясом, а у другого – вода и сухая горбушка хлеба. Единственный оставшийся кусок, который мог спасти бедняка от смерти, выпадает из его рук, и он, изнуренный голодом, с трудом возвращает свой хлеб.

Другой персонаж, наблюдавший за этой картиной, насытившись плотным обедом, удивленно говорит:

Гиччи аш гесек учун	Ради маленького куска хлеба
Шунчакъы тырналмайлы,	Неужели надо разрываться,
Мен чи тынч тюшер эдим	Я бы с легкостью спустился
Шу ярдан кыйналмайлы.	С этой скалы, не утруждаясь.

[Аджиев 1974: 124]

Высокомерно высказавшись, он бросает со скалы лепешку хлеба, затем, пытаясь поймать ее, падает с утеса и погибает. «Делай то, что старшие говорят: “Не растрачивай благо (хлеб) впустую”» («Аталар айтгъанны эт: / “Баркаманны пуч этме”»), – назидательно завершает сказку А. Аджиев. Автор обращается к распространенной теме о состоятельных и нищих, так как считает важным научить

маленького читателя ценить то, что ниспослано Богом, помогать нуждающимся, понимать, что тщеславие – порок, за который можно понести наказание при жизни.

Сказки А. Аджиева стали народными; они познавательны и афористичны, не лишены философичности, вызывают читательский интерес как у детской, так и у взрослой аудитории. На фоне поэтических зарисовок и тонких психологических наблюдений автор поднимает острые социально-нравственные проблемы.

Анализ литературных стихотворных сказок А. Аджиева показывает, что поэт правдиво изображает суровую действительность, поучает и берет на себя ответственную роль наставника. Пишущий для детей «идет дорогой детства, но всегда немного впереди, открывая перед ребенком неизведанные глубины жизни. Он ведет за собой детей, как ведет их учитель. Он и есть воспитатель, наставник, советчик, и велика его роль в нравственном воспитании детей» [Вслух про себя 1975: 7]. А. Аджиев строго следует этому пути, а родитель, который доверяет его слову и знакомит с ним своего ребенка с раннего детства, передает в наследство богатство и мудрость родного языка.

Таким образом, кумыкская детская поэзия, развивавшаяся в русле дагестанской детской литературы, за годы Советской власти сделала колоссальный шаг вперед. Много нового появилось в ней: ее тематическое, жанровое и художественное обогащение предоставило поэтам возможность воспользоваться содержательным опытом предшественников и развивать его в постсоветском пространстве. Детям не только прививали желание учиться, быть достойными гражданами страны, но и приобщали к традиционной культуре, укрепляя национальную идентичность.

В 1950–1980-е гг. кумыкскими писателями был создан новый пласт литературного творчества, направленный на воспитание детей в соответствии с духом советского времени. Наступил этап глубокого осмысления и проникновения богатого фольклорного материала в творчество детских писателей. Данный аспект был рассмотрен в отдельных параграфах, посвященных

взаимосвязям колыбельных песен и литературных сказок А. Аджиева с фольклорными истоками.

Анализ кумыкских литературных колыбельных текстов показал, что авторы, сохраняя традиционную фольклорную основу колыбельных песен, обновляют семантический ряд персонажей, вводя в качестве убаюкиваемых и убаюкивающих разные образы.

Особенно тесная связь с фольклором прослеживается в сказочном жанре литературы – стихотворной сказке. По мере развития литературная сказка А. Аджиева, изначально связанная с народными традициями, все больше отдалялась от фольклорной основы, обретая оригинальность и новый идейно-художественный смысл.

ГЛАВА II. КУМЫКСКАЯ ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1990–2020-х ГОДОВ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПУТИ И НОВАТОРСКИЕ ИСКАНИЯ

2. 1. Тенденции развития детской кумыкской поэзии 1990–2020-х годов

Изменение политической ситуации в стране в 1990-е годы, распад Советского Союза не могли не отразиться на литературном процессе. Смена общественно-политического строя, как считает А. А. Алиханова, повлекла за собой крушение культурной политики в стране. Завершая обзор изданий 1960–1990-х годов, исследователь подчеркнула: «Сокращаются издания и их тиражи в количественном отношении. Копеечные в начале 80-х годов цены стали договорными. Но даже по дорогой цене нет возможности их приобрести, т. к. нарушена налаженная десятилетиями книжная торговля, а новая еще не сложилась» [Алиханова 2001: 116].

В 90-е годы с изданием своих произведений кумыкскими писателями и поэтами возникли определенные трудности. Объясняется это тем, что книжное издательство «Дагучпедгиз»¹ было закрыто и многие авторы, писавшие для детей, не имея возможности издавать свои книги, делали это за свой счет, с доброй миссией для детей. Таким образом, преодолевая сложившиеся трудности, кумыкские писатели, пусть не большим тиражом, продолжали издавать произведения для детей. Значительный подъем наблюдается у представителей детской поэзии. О метаморфозах, которые происходили в кумыкской литературе в 1990-е годы, пишет М. А. Гусейнов: «Чисто формально перестала существовать страна, называвшаяся советской, социализм перестал быть доминирующей идеологией, ушли в небытие однопартийность и иные сопутствующие явления, свойственные советскому периоду. Этими факторами, в свою очередь, продиктовано качественное обновление словесной культуры» [Гусейнов 2020: 5]. Появилась свобода слова и новые пути выражения творческих идей. Развитие

---

¹ Полное название – «Дагестанское государственное издательство учебно-педагогической литературы».

детской и юношеской литературы стало более разнообразным и открытым. Так, вместо произведений на стереотипные сюжеты о добрых и злых героях все чаще публиковались произведения, освещающие и некоторые проблемы, с которыми сталкивались дети и подростки.

Первыми поэтическими сборниками анализируемого периода становятся книги В. Атаева «Солнце, выходи!» («Гюн, чыкъ!», 1991), «Только папе не говори...» («Вере, айтма папама...», 1995); А. Меджидова «Кизилловые сережки» («Чум сыргъалар», 1992), «Колокольчики» («Къонгуравлу чечеклер», 1996); А. Аджаматова «В кругу друзей» («Дос уюне дос тюшген», 1991); А. Джачаева «Живу среди вас» («Арагъызда яшайман», 1991); А. Акаева «Малышок» («Гиччипав», 1991) и др.

Новый сборник с уже известным широкому читательскому кругу названием «Болтливая утка» («Авузгъа бош акъ бабиш», 1992) включает в себя не только популярную литературную сказку, но и новые произведения новых авторов: Б. Гаджимуратова, Н. Махамматова, В. Темирова. В 1995 году впервые издается книга В. Атаева в переводе на русский язык «Кошка и лепешка». Над переводом интересных и увлекательных стихов кумыкского детского поэта трудились известные переводчики – В. Степанов, А. Джафаров, М. Дугричилов и поэт-переводчик В. Лунин.

К детской поэзии обращается Б. Аджиев, автор сборника стихотворений для детей дошкольного возраста «Маленький космонавт» («Гиччи космонавт», 1990). Впервые в кумыкской детской поэзии тема освоения космоса была затронута А. Аджаматовым в стихотворении «Охотник одного из семи небес» («Еттинчи кёкню бирини гъавчусу») [1964: 47]. В познавательном для малышей произведении повествуется о полете в космос первых собак-космонавтов – Лайки (1957), Белки и Стрелки (1960), выведенных на орбиту Земли.

Полет Юрия Гагарина в космос 12 апреля 1961 года стал одним из самых значимых событий в истории СССР и оказал огромное влияние на культуру и искусство, в том числе и на детскую поэзию. В постсоветской литературе это

событие являлось чем-то большим, чем просто научное достижение, оно вдохновило многих поэтов, в том числе детских, на создание стихов. Желание «стать космонавтом» обрело массовый характер среди детей. Так, герой Б. Аджиева маленький Хасболат грезит о космических подвигах и даже соорудил игрушечную ракету для полета с таким же названием, как у героя Советского Союза Ю. Гагарина:

Гёз юмуп, гёз ачгъынча
Кёклерден ътермен дей.
Кёкдеги чинк де ярыкъ
Юлдузгъа етермен дей.

Не успею я моргнуть,
Как окажусь на небе, говорит.
До самой яркой на небе
Звезды я доберусь, говорит.

Ракетами аты да,
Недир десегиз – «Восток».
Огъар да байларман дей,
Шулай къызыл галстук.

И название у моей ракеты,
Если хотите знать, – «Восток».
К ней я привяжу, говорит [он],
Вот такой красный галстук.

Сонг нетежексен десе,
Бу ракетангда, балам,
Дюнъядагъы бар яшгъа
Бережекмен дей салам.

Если спросят: «Что потом делать будешь
На этой ракете, дитя моё», –
«Всем детям земли
Передам салам»¹, – говорит.

[Аджиев 1990: 3]

Стихотворение, наполненное оптимизмом, вдохновляет и вызывает чувство гордости за целеустремленность маленького героя и его желание следовать мечте.

Маленький Анвар из стихотворения С. Абусуева мечтает стать летчиком и пилотировать не только в небе, но и в космосе: «Сюе кёп охуп / Етмеге къастгъа. / Учмагъа сюе / Айгъа ва Марсгъа. / Анвар учар Гагарин йимик. / Учар лап йыракъ, / Чалт ва лап бийик» [Абусуев 2016: 67]. («Хорошо выучившись, хочет / Достичь [своей] цели. / Полететь хочет / На Луну, на Марс. / Анвар полетит / Как Гагарин. / Полетит очень далеко, / Быстро и в самую высь»).

Детям дошкольного и младшего школьного возраста посвящены сборники стихов С. Мамаевой «Верблюды» («Тюе къуш», 2008), «Осталась тарелка

¹ Салам – сокращенная форма приветствия «Ас-саламу ‘аляйкуму ва-рахмату ль-Лях» среди мусульман, в переводе с арабского языка «Божья милость Вам».

полупустой» («Къалды бошгъабы ярты», 2005); «Ай-яй-яй» («Ая-яй-яй», 2005); М. Атабаева «Мои друзья» («Мени къурдашларым», 2005), Я. Заурова «Дети-сорванцы» («Яшлар-къатарбашлар», 2013); Н. Байболатова «Я тороплюсь расти» («Алгъасайман оьсмеге», 2017); Р. Устархановой «Радуга» («Энемжая», 2021), на русском языке «Лесной мир» (2021) и др.

Для современного читателя переиздаются сборники «Юность» («Яшлыкъ», 2017) В. Атаева; «Избранные произведения» («Сайламлы асарлары», 1996), «Избранное: Сборник поэзии», Т. 2, на кумыкском языке (2008) А. Аджиева; «Белокопытый скакун» («Акътуйакълы тулпарым», 2017) А. Джачаева и др., которые вызывают глубокий интерес у детей и взрослых. В своих книгах отдельные страницы детям посвящают М.-Н. Халилов, Г. Айгулов, Ж. Закавов, С. Абусуев, Н. Арсланова, Р. Абакарова и мн. др.

Поэты обращаются к проблемам, которые ранее не затрагивались их предшественниками. Автор, пишущий для детей, верит в их живой ум, в то, что маленький читатель сумеет понять большую мысль. А если нет, то ему в этом непременно поможет взрослый. Тематическое разнообразие, которое привлекало детвору разных возрастов, было вызвано изменениями в обществе, в жизни людей.

Ю. Коринец, обращаясь к позднему творчеству Агнии Барто, пишет: «Муза детской поэзии всегда жизнерадостна. Но это вовсе не значит, что она должна быть лишена грусти. Порой именно грусть делает нас причастными высокому чувству доброты. Эта доброта может быть безграничной, хотя сама грусть сдержанна» [1972: 102]. Новое время всегда накладывает на ребенка свой отпечаток перемен. Это отражается на его воспитании, взглядах на жизнь, в поисках решения проблем, с которыми ранее его родители и он не сталкивались. Новаторство поэзии постсоветского периода заключается в том, что она сыграла немаловажную роль в общении с детьми, став средством передачи ярких, а иногда и сложных эмоций и чувств.

«Есть какое-то неопределимое, невыразимое словами свойство семьи. Когда она разрушается, это “что-то” исчезает и заменить его ничем нельзя. Когда папа и

мама любят тебя из разных концов города или концов страны – это уже “не то” – это другое, совсем другое, оно не может спасти от душевной боли и не спасает. Раньше детские книжки старались об этом промолчать. Теперь они говорят и кричат об этом наперебой» [1975: 59], – писала И. Я. Линкова еще в 1970-е годы.

В творчестве современных кумыкских поэтов теме сиротства уделено особое внимание. Одним из первых в кумыкской поэзии поднимает проблему душевных переживаний ребенка, у которого родители в разводе, В. Атаев в стихотворении «Грустный ребенок» («Пашман яш»).

Авзуну суву **кьуруп**,
Гьар яш атасын **макътай**.
Олагья артын **буруп**,
Бир яш бек пашман **токътай**.

С пересохшими [губами],
Каждый ребенок восхваляет своего отца,
Отвернувшись от них,
Очень грустный мальчик стоит.

Бармы яшны **хатасы**,
Ол неге шолай **этген**?
Неге тюгюл, **атасы**
Гиччиде кьоюп **гетген** ...

В чем же он виноват,
Почему же себя так ведет?
[А] потому что его бросил отец,
Когда он был еще маленьким...

[Атаев 2017: 249]

Автор пытается понять своего героя и вызвать сочувствие у читателя. Ведь ребенок, переживающий расставание родителей, может проявлять различные эмоции – от гнева и страха до грусти и отчаяния. Порой он чувствует себя брошенным, ненужным и несчастным. В. Атаев показывает, как это может отражаться на его поведении и настроении. Особую фонетическую выразительность произведению придают звуковые повторы: *кьуруп* – *буруп*, *макътай* – *токътай*, *хатасы* – *атасы*, *этген* – *гетген*.

Дети, потерявшие своих родителей, оказываются в сложной жизненной ситуации, которая требует особого внимания и заботы со стороны общества. Не обходит эту тему и народный поэт А. Джачаев. В стихотворениях «Когда мама есть, когда мамы нет» («Анам барда, анам ёкъда»), «Действительно плохо...» («Яман чы бар...»), «Почему сирота рано ложится спать?» («Етим неге тез ята?»),

«Песнь сироты» («Етимни йыры») он описывает жизнь детей-сирот, их трудности и душевные переживания. Он говорит о том, что сиротство – это отсутствие матери, недостаток внимания и заботы. В каждом произведении А. Джачаев сопереживает ребенку, повествование переплетается с внутренним диалогом поэта. Так, он пытается разобраться, отчего мальчик-сирота по вечерам спешит домой и ложится спать вместо того, чтобы еще немного поиграть со своими друзьями:

Ахшамокъ къайтып уйге,
Юхламагъа ятгъан ол,
Ястукъгъа баш салгъандокъ,
Бал юхугъа батгъан ол.

По вечерам домой возвратившись,
Ложится спать он,
Как только на подушку голову кладет,
В сладостный сон погружается он.

Гъар гюн ахшам бу кюйде
Ол неге тез ятакен,
Ону тез ятмагъыны
Себеби не зат экен?

Каждый вечер таким образом
Почему же он рано ложится,
Его раннему сну
Что же служит причиной?

[Джачаев 1991: 376]

Для поэзии естественно подчеркивать остроту проблемы, используя «фоновых» героев. В. Атаев и А. Джачаев подмечают конкретность мышления детей со счастливым детством, чтобы вызвать у читателя сострадание, милосердие и отзывчивость к сиротам в реальной жизни. Роль рассказчика в таких темах исключительна и ответственна. Правда известна только ему, и с неподдельным трепетом и чувством пронзающей боли А. Джачаев поясняет:

Себебин англагъанда
Юрегим гетди гююп.
Тез ята ол тюшюнде
Анасын гёрме сююп.

Когда я понял причину,
Пламя огня охватило моё сердце:
Он ложится, чтобы во сне
Встретиться со своей мамой.

[Джачаев 1991: 376]

«В стихотворении излагается история одной сироты, она будит в читателе сочувствие ко всем, кто лишён в раннем детстве материнского тепла. Несомненно, любое произведение о маме учит ценить и любить ее, а в стихотворении А. Джачаева главной чертой выделена мысль, что самая большая радость маленького человека – это мама» [Хаджакаева (Бекеева) 2018в: 112].

Чувства одиночества и отчаяния главного героя в стихотворении «Песнь сироты» ошутимо переданы автором путем использования изобразительно-выразительных средств (сравнений, риторических вопросов, лексических повторов): «Я сирота, / **Словно небо**, с исчезнувшей луной. <...> Кто нанесет, / **Кто нанесет бальзам на рану?** / Кто прижмет / **К груди, если в гости приду?** / [Со словами] милый мой / **Кто будет оплакивать, если умру?**») («Етиммен, / **Кёк йимик**, айы артылгъан. / <...> Ким салар, / **Ким салар балгъам ярама?** / Ким басар / **Бавруна, къонакълай гелсем?** / Аявлу **Балам деп, ким йылар оьлсем?**») [Джачаев 1991: 377].

Но еще более одиноки дети, которые одновременно лишены и материнской, и отцовской любви. В стихотворении А. Закаовой «Мысли семилетней сироты» («Етти йыллыкъ етимни ою») маленький герой-рассказчик делится своей мечтой – чтобы его родители оказались живыми, и он смог прожить с ними свое детство:

Бар буса атам булан
Бетде кьой багъар эдим.
Анам аш эте буса
Отбашын ягъар эдим.

Если бы у меня был отец,
[С ним бы] пас я овец.
Если бы мама готовила еду,
Я разжег бы ей огонь.

Атам, анам сав буса
Татывлу ашар эдим.
Ойларым герти болса
Насипли яшар эдим.

Будь мой папа с мамой живы,
Еда была бы [для меня] вкуснее.
Если бы мои желания осуществились,
Моя жизнь стала бы счастливее.

[Закаова 2008: 124]

Важно заметить, что в устном народном творчестве кумыков тоже были произведения, посвященные осиротевшим детям. Но они заметно отличаются от творений современных писателей. К примеру, в приведенной ниже песне повествование идет от лица юноши, отец которого погиб, когда он был еще маленьким. Его вырастила мать, и теперь он чувствует себя несчастным оттого, что лишен отцовской поддержки:

Атам оьлюп, етим къалгъанман,
Анам оьсдюрюп, улан болгъанман.

После смерти отца я осиротел,
Мать вырастила меня, стал я юношей.

Улан да болсам, дагъы не герек?
 Олай насиплер менден кѣп арек!
 Уьстюм-боюм йыртылгъан,
 Юртгъа гирме гъалым ѳкъ,
 Къыз алыгъыз деп, айтса да,
 Атам жыйгъан малым ѳкъ.
 Уьстюм-боюм йыртылгъан,
 Къурсагъым тоймай ашдан,
 Языгъыз чыкъмаймы
 Мен харип етим яшгъа?!
 Тавлагъа къарасам, тавлар да
 йылай,
 Къушлагъа къарасам, къушлар да
 йылай,
 Обмюрюм гетерми даим не шулай?!
 [Кумыкское устное народное
 творчество ... 2018: 293]

Я возмужал, что еще нужно?
 Быть счастливым мне не суждено.
 Одежда на мне рваная,
 Стыдно появляться в селении,
 Даже если скажут [женись]¹,
 Нет у меня имущества, собранного
 отцом.
 Одежда на мне рваная,
 Желудок мой всегда пуст,
 Не жаль ли вам
 Меня, несчастного сироту?!
 Если посмотрю на горы, горы плачут,
 Если взгляну на птиц, птицы плачут,
 [Неужели] так пройдет моя жизнь вся?!

В современной кумыкской поэзии для детей тема матери продолжает занимать особое место². Являясь «вечной» темой, образ матери никогда не утратит своей актуальности в жизни общества и его художественной культуре.

Произведения, написанные кумыкскими авторами для детей на эту тему, призваны воспитывать чувство любви и благодарности матерям, своим родителям, научить подрастающее поколение быть ответственным и перед старшими и уметь отвечать за свои поступки.

Стихотворение А. Меджидова «Сделал маме подарок» («Анама савгъат этдим») пронизано душевным, эмоциональным трепетом и вызывает в сознании читателя ассоциации с самым дорогим человеком. Чтобы запечатлеть картину праздника в воображении ребенка, автор использует сравнение «будто пошел солнечный дождь» («гюн явгъандай»):

Халкъ уьуне гюл ташый,
 Гъар кимни къолунда гюл.
 Дѣрт де якъ гюн явгъандай,

Народ несѣт домой цветы,
 В руках у каждого цветок.
 Вокруг будто пошел солнечный дождь,

¹ Букв.: «возьми девушку».

² Этой проблеме посвящена наша статья «Образ матери в современной кумыкской детской поэзии» [Хаджакаева (Бекеева) 2018в: 108–114], некоторые материалы которой использованы в данном параграфе.

Воллагъ, бу тегин тюгюл.
[Меджидов 1992: 8]

Это всё не просто так.

Свою любовь к матери и желание сделать для нее праздник автор выразил в заключительных строках:

Билген сонг токътамадым,
Чабып талагъа гетдим.
Лап арив чечеклени
Анама савгъат этдим.
[Там же]

Как только узнал, медлить не стал,
Побежал на полянку.
И самые красивые цветы
Маме своей подарил.

Герои В. Атаева безгранично любят своих матерей и огорчаются, когда видят, что к маме подкрадывается старость. Маленький Али, увидев седые волосы матери, делится своими чувствами со старшей сестрой:

– Гёремисен, къызашым,
Муна, яхшы къара чы:
Бизин маманы башы
Тез къарт болуп бара чы...
[Атаев 1991: 8]

– Видишь, сестра,
Вот, внимательно взгляни-ка:
Голова нашей мамы
Ведь быстро [седеет].

Характерной чертой создания образа матери в творчестве В. Атаева является описание ее внешности как отражение внутренней красоты и тепла: «Всякий раз ее улыбка / Наполняет светом весь мир» («Магъа иржайгъан сайын, / Сав дюнъя бола ярыкъ»). Для него, как и для А. Меджидова, мама – это весна, наполняющая окружающий мир ароматом цветов, это спокойствие души и огромное чувство привязанности к ней. Вот как он пишет об этом в стихотворении «Не старей...» («Къарт болмай тур...»):

Гиччинев Мурат бир гюн,
Гие туруп гёлегин:
– Мама, тюз айт, гертими,
Къарт болгъанда оьлеген?

Однажды маленький Мурад,
Надевая свою рубашку, [спросил]:
– Мама, скажи правду,
Когда стареют, умирают?

– Герти, яшым. Тек шогъар
Неге тергев бересен?
– Олай буса, тилеймен,
Къарт болмай тур, вёре, сен...

– Правда, сынок. Но об этом
Зачем ты спрашиваешь?
– Если так, прошу,

[Атаев 1995: 19]

Не старей ни в коем случае.

Для маленького Мурада жизнь без мамы немыслима, он тонко осознает, что старость может разлучить их в любой миг. В этом стихотворении, написанном в форме диалога, говорится о том, что для каждого ребенка мама – это навсегда, и он готов любить и беречь её всю жизнь.

Переживания матери описываются в стихотворении И. Асекова «Мысли матери о ребёнке» («Ана гёнгу балада»): «И днем, и ночью та, / Что думает лишь о дитя... / Когда же оно было, / Да и когда будет / Спокойствие для мамы» («Гече – гюнлер турагъан / Къулакъ салып балагъа... / Къачан болгъан, / Болажакъ / Парухатлыкъ анагъа») [Асеков 1989: 9].

Дни и ночи напролёт материнское сердце в постоянных тревогах и волнениях за свое чадо. Обращение к односложным предложениям дает автору возможность лаконично и вместе с тем эмоционально выразить чувства, связанные с матерью:

Авлети обсген сайын
 Оьсе ананы гъайы,
 Оьзю де билмей
 Къачан
 Агъаргъанын самайы.
 Гъей ана,
 Асыл ана,
 Кёп гёзлейген ёлланы,
 Ёлу насипли болсун
 Сен эмдирген баланы.

Чем старше становится дитя,
 Тем больше переживает за него мать.
 Она и сама не знает,
 Когда
 Её виски побелели.
 О, мать,
 Красивая мать,
 Которая ждёт с надеждой,
 Пусть будет счастливой дорога
 У дитя, которого ты кормила грудью.

Гече гюнлер турагъан
 Къулакъ салып балагъа.
 Эсде ёкъ яхшылыкълар
 Ёрайыкълар анагъа.

И днём, и ночью
 Она думает только о ребёнке.
 Все хорошее, что и не перечислить,
 Давайте пожелаем ей.

[Асеков 1989: 10]

В обращении к героине усилена лирическая экспрессия, углублено содержание стихотворения, ведь слова адресованы всем матерям мира: «О, мать, / Прекрасная мать» («Гъей ана, / Асыл ана»). Эпитет «прекрасная» («*асыл*») подчеркивает красоту всех матерей. И. Асеков завершает своё эмоциональное

стихотворение сердечным призывом: «Все хорошее, что и не перечислить, / Давайте пожелаем ей» («Эсде ёкъ яхшыллыкълар / Ёрайыкълар анагъа»).

Женщине предназначена одна из важнейших миссий – продолжение человеческого рода, сохранение жизни и духовных ценностей. Именно она может не только научить своего ребенка любить этот мир, но и вырастить его достойным членом общества. Для каждого его мать особенна, и он испытывает к ней безграничную любовь. С весенним цветком ассоциируется образ матери в творчестве молодой кумыкской поэтессы Н. Арслановой (автора перевода «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери на кумыкский язык):

Ана деген гюл чечекдир язбашгъы, Нарыстагъа башлап янгъан ярыкъдыр. Ана къоллар, басар яшын бавруна, Авлетине оьмюр бою тарыкъдыр. [Арсланова 2014: 12]	Мать – это цветок весны, Первый свет, что осветил младенца. Материнские руки, что обнимают свое дитя, Ребенку нужны всю жизнь.
--	--

В другом стихотворении Н. Арслановой «Нас мама научила» («Ана уьйретди бизин») говорится о роли матери в создании дружеских, теплых взаимоотношений в семье. Повествование ведется от лица маленькой девочки, которая с ревностью восприняла новость о том, что у них дома появилась еще одна малышка. Не желая делить с ней игрушки и внимание матери, она всячески пытается задеть сестренку, но тщетно:

Пайда ёкъ, мени анам Огъар да болгъан ана, Экевге де бир йимик Къурчакълар алгъан, гъона.	Толку нет, моя мама Стала мамой и для нее, [Нам] обеим одинаковых Кукол, вот, [она] купила.
Шулай гъаллагъа къарап, Яллай, юрегим, гюе... Шо саялы анабыз Яшны къайтарма сюе. [Арсланова 2019: 32]	Увидев это, Горит мое сердце, пылает... Поэтому наша мама Хочет ребенка вернуть.

То есть мать, которая заметила неладное, нарочно предлагает ревнующей старшей дочери вернуть её сестрѐнку, чем тут же вызывает у нее сочувствие и

смятение: «Ой, разве можно / Вернуть ребёнка? / Разрешат, если соскучимся, / Хотя бы его увидеть?» («Гьуя, ярайгъан затмы / Яшны къайтып бермеге? / Яражакъмы сагъынсакъ, / Барып сама гёрмеге?») [Арсланова 2019: 32]. Автор стихотворения показывает нам, как мать пробудила в дочери любовь к младшей сестрёнке и ответственность за нее. Также важно заметить, что с точки зрения детской психологии читатель понимает, насколько важно готовить детей к появлению новых людей в семье.

Искусство поэта проявляется в способности адаптировать свои произведения к современным социокультурным и политическим контекстам, отображая эмоциональные состояния и моральные дилеммы времени. Таким образом поэзия становится не только формой художественного самовыражения, но и средством диалога с обществом. В. Л. Разумневич замечает: «Когда я начинал свой литературный путь, время было совсем другое и писать хотелось не о прошлом, а о современном, сегодняшнем, близком теперешним детям, чтобы, читая книгу, они узнавали самих себя, могли бы что-то одобрять в моих героях (а, следовательно, и в самих себе). В этом-то, я считаю, и заключается воспитательное знание художественной литературы (в том числе и детской)» [Разумневич 1975: 88–89]. Кумыкским авторам сюжеты и мотивы диктовались реалиями времени, в котором они жили и творили. События, к сожалению, не всегда случались радостные, трагические происшествия уносили жизни людей.

О материнской боли от утраты детей, погибших в результате террористического акта в одной из школ Беслана 1 сентября 2004 года стихотворение Р. Абакаровой «Чёрный день Беслана» («Бесланны къара гюню»):

Юху алмай гечелер
Оьдюргенлер яшларын.
Бир де языкъ билмеген
Оьзлер де яш башларын.

Проведя бессонные ночи,
Вырастили они детей.
[Матерям] некогда было
Беречь свои юные головы.

Яшы яллап кюл болгъан
Яш анагъа нетейим!
Яшын бавруна басма

Как помочь молодой матери,
Чье дитя сгорело и превратилось в пепел!
Когда она захочет прижать ребенка [к груди].

Сюйсе, огъар недейим?!

[Абакарова 2007: 128]

Что я могу ей сказать?

Автор, изображая страдания матерей, лишившихся детей в трагических обстоятельствах, обращает внимание на глубокий психологический аспект человеческого опыта. Р. Абакарова стремится вызвать у читателя эмпатию к людям, пережившим потерю близких людей, призывает к размышлениям о ценности жизни, показывает бессмысленность насилия и необходимость сочувствия к тем, кто сталкивается с нестерпимой болью утраты.

В стихотворении автор не только сообщает факт захвата школы, время и место, но и искренне соболезнует, правдиво изображает происшедшее, помогает читателю прочувствовать боль и страх, которые испытывали невинные дети, учителя и родители, оказавшись в заложниках.

М.-Н. Халилов в поэме «Последние шаги» («Ахырынчы абатлар») рассказывает о страшных событиях, произошедших в г. Каспийске 9 мая 2002 года. Образ главного героя Алишки – собирательный, символизирует жертву жестокого теракта и одновременно любовь к жизни, гордость за отца и историю страны. В результате взрыва в день празднования победы над фашистской Германией в г. Каспийске погибло 43 человека, среди которых 16 детей. Более 130 человек получили ранения различной степени тяжести. «Последние шаги» М.-Н. Халилова – это поэма, основанная на реальных событиях и хранящая память о тех, кто погиб на глазах у своих родных и близких.

Подлинную художественность поэме придают эпитеты, олицетворения, метафоры, использованные автором при описании раннего утра того самого дня, не предвещавшего трагедии. Автором персонифицируется Каспийск, солнце, которое над ним восходит, ветер:

Каспий атлы шагъарымда
 Нечик арив танглар къата!
 Уяныву булан Гюнеш
 Алтын чачын сувгъа арта.

В моем городе под названием Каспийск
 Какие красивые рассветы!
 Солнце, как только проснется,
 Золотые волосы [окунает] в воду.

Гёк денгизде киринген сонг,
 Гюнеш кёкге гётериле.
 Тав башланы, тереклени
 Бояп кьоя оьртенине.

[Халилов 2011: 304]

После купания в синем море,
 Солнце восходит на небо.
 Вершины гор, деревья
 Окрашивает в [свой цвет] огня.

Главный герой стихотворения Алишка с большим нетерпением ждет начала парада – сегодня он будет маршировать вместе с отцом, возложит цветы к памятнику героев, погибших в годы Великой Отечественной войны. От одной мысли о скором начале парада сердце мальчугана колотится. Как и герой, все городские жители в торжественном ожидании начала парада: «Одни смотрят с балконов, / Некоторые подошли поближе. <...> С собравшегося приземлиться / Самолета некоторые смотрят» («Бирлер кьарай балконлардан, / Ювукь болуп кьарай бирлер. <...> Ерге кьонма энишлеген / Самолётдан бирлер кьарай») [Халилов 2011: 306]. Вспоминая годы войны, автор говорит о мучениях, через которые пришлось пройти советскому народу во имя великой победы, в том числе и жителям Каспийска.

М.-Н. Халилов характеризует Алишку как отличника, прилежного ученика, с задатками художника: его картины представлялись на городских выставках. Он никогда не обижал слабых, разнимал драчунов и был готов помочь каждому, кто в этом нуждался. Алишка гордится своим отцом, и для него большая честь в день парада маршировать рядом с ним:

Алишканы яш юреги
 Къушдай учуп гетме тура,
 Ону енгил абатлары
 Мармарташгъа етме тура.

Заман-заман бурулуп ол,
 Папасына багъып кьарай.
 Ону багъыр шувшувундан
 Илгъам ала буса ярай.

[Там же : 308]

Сердечко Алишки
 Вот-вот вылетит словно ласточка,
 Его легкие шаги
 Почти дошли до памятника погибшим.

Время от времени, обернувшись, он
 Смотрит на своего отца.
 От [звуков] его медной трубы
 Он вдохновляет видимо его.

«Хотелось бы мне, чтобы Алишка / Прервал свой шаг» («Сюер эдим, тек Алишка / Абат алмай токътап къалса»), – признается автор.

Поэма М-Н. Халилова лирическая, повествование о происходящем внезапно прерывается пожеланиями автора в адрес героя. Читатель чувствует настроение рассказчика, омраченное правдой, о которой он еще не знает, но догадывается. Ведь неспроста дальше поэт пишет в сослагательном наклонении, подготавливая аудиторию к неминуемой трагедии, которую десятилетиями со слезами на глазах будет помнить весь дагестанский народ: шаги Алишки и многих маршировавших в тот день станут последними.

Гюнлер булан айлар гетип,
Къайтып геле уллу байрам.
Юрек къабым буса толгъан
Къайгъы булан пашман ойдан.

Дни и месяцы проходят,
Возвращается великий праздник.
Сердце же переполнено
Мыслями, полными горя и грусти.

<...> Къара лентли гюл байрамлар
Къан тегюлген ерни япгъан.
Нече-нече аналары
Гезьяшлары мунда акъгъан.

[Халилов 2011: 311]

<...> С чёрными лентами праздничные
цветы
Закрыли места, где была пролита кровь.
Сколько же матерей
Здесь пролили слез.

Среди актуальных проблем современного общества детских поэтов особенно интересует сохранение родного языка. Патриотическими чувствами, любовью к языку и родному краю пронизаны стихи А. Аджаматова, А. Меджидова, В. Атаева, М. Атабаева, А. Акаева, А. Абакарова, А. Джачаева, П. Абуковой и мн. др. О красоте родного языка писали в предшествующие десятилетия А. Аджиев, И. Асеков, А. Аджаматов, К. Султанов и др. Их произведения можно встретить в современных учебниках литературного чтения для детей младшего, среднего и старшего школьного возраста. Поэты призывали сохранять родной язык, любовь к которому передавалась из поколения в поколение. Однако стихи, посвященные кумыкскому языку, после 1990-х отличаются большей назидательностью, призывом изучать родной язык: «Дюнъяланы ачагъан / Алтын ачгъыч ана тил!
/ Адам болмагъа суйсенг, / Башлап ана тилинг бил» («Открывающий миры

/ Золотой ключ родной язык! / Если хочешь стать человеком, / Сначала выучи родной язык!») [Атабаев 2005: 3].

Несомненно, каждый автор находит свои слова для выражения переживаний о родном языке. Влияние на это оказывают индивидуальность самого поэта, время создания произведения, а также возрастные особенности читательской аудитории. Их произведения не учат патриотизму, а возрождают это чувство на уровне эмоций. Поэты предчувствуют невозможную утрату самобытности дагестанских этносов в случае исчезновения родных языков.

Стихотворение А. Акаева «Родной язык» («Ана тил») наполнено любовью, трепетным отношением к кумыкскому языку. Поэт взволнованно призывает детей изучать родной язык: «Материнский язык, отцовское слово – / Самое большое из всех клятв, [данных тобою]; / Лицо твоей матери, / Кумыкская равнина – / Звезда твоей надежды. / Не дай [же] погаснуть своей надежде – / Уважай место, где родился! / Радуй отцовское село, / Изучай родной язык!» («Ана тилинг, ата сёзюнг – / Антларынгы уллусу; / Ана юзюнг, / Къумукъ тюзюнг – / Умутунгну юлдузу. / Сёнме къойма умутунгну – / Сыйла тувгъан элингни! / Сююндюр ата юртунгну, / Уьйрен ата тилингни!») [Акаев 1991: 3].

К. Казимов называет родной язык важной составляющей нашей религии, метафорично наделяет его свойством не только дарить, но и отнимать жизнь: *Бизин Ана тилибиз / Жан ала, жан да сала.*

Ана тилим – Къумукъ тил,
Тюрк тиллени асили.
Миллетимни къысматы
Ана тилден гъасили.

Мой родной язык – Кумыкский,
Самый красивый среди тюркских языков.
Судьба моего народа
[Зависит] от родного языка.

[Соколенок 2002: 177]

Ж. Закавов считает, что родной язык нужно почитать и любить так же, как своих родителей:

Ана тил –
Асил тил!
Эринмей

Родной язык –
Красивый язык!
Не лентясь,

Оху, бил!
 Анангдай,
 Тилинг сюй!
 Атангдай,
 Абур эт!

[Закавов 2018?: 3]

Ты его учи, знай!
 Словно мать,
 Люби свой язык!
 Словно отца,
 Уважай его!

Проблема сохранения родного языка звучит во всех выступлениях А. Джачаева на встречах со школьниками; он читает им свои произведения, пробуждая в них любовь к языку и подчеркивая его огромную роль в жизни кумыкского народа: «Если я буду проклят, то проклянет меня и родной язык, / Если меня похвалят, то я получу похвалу и от родного языка, / Пред теми бедами, что настигнут меня / Если что и предстанет, то это родной язык» («Налатласа ана тилде налатлар, / Ана тилде макътар мени макътаса, / Магъа гелер балагъланы алдында. / Ана тилим токътар, бир зат токътаса») [Джачаев 2000: 139].

Остро поставлена эта проблема в поэме А. Джачаева «Родной язык – золотое сокровище» («Ана тил – алтын хазна», 2009), эпиграфом к которой взята цитата известного кумыкского просветителя Абусуфьяна Акаева: «Проблема языка сравнима с проблемами жизни и смерти...» («Тил масъаласы – жан берип жан алагъан бир уллу масъала...»). Таким образом А. Джачаев подводит к мысли, что он не будет погружать читателя в сказочный мир, где человек в полной гармонии с самим собой, не имеет никаких духовно-нравственных проблем, родной язык у него всегда в почете. Данная поэма представляет собой реальное отражение состояния кумыкского языка, его места и роли в современном обществе.

С первых же строк поэт использует риторические вопросы для усиления эмоционального воздействия произведения, привлечения внимания к теме разговора, к ее актуальности: «Что за разговоры, что мой язык умер»? («Ана тилим оьлген деген не хабар?»); «Без родного языка, что ждет нашу историю, / Не пристыдит ли нас за это история?» («Ана тилсиз тарихибиз не болар, / Тарих бизге артда айып салмасмы?») и др.

В свою очередь это заставляет читателя невольно краснеть, стыдиться того, что на сегодняшний день перед народом встала проблема сохранения языка, тысячелетиями оберегаемого его предками, жившими на земле, на которой он родился. Известно, что существует семь смертных грехов, незнание родного языка – по идее А. Джачаева – можно назвать восьмым. По его мнению, человек, предавший родной язык, не может относиться к человеческому роду и должен понести за это наказание: «Аллах прощает многие грехи, / Аллах обладает нескончаемым милосердием, / Тому, кто уйдет из этого мира, не познав родного языка, / Вряд ли Аллах простит этот грех» («Аллагъ гече гюнагъланы кёбюсюн, / Айтып битмес рагъмусу бар Аллагъны, / Ана тилни билмей олюп гетгенден Аллагъ гечсе тамаша шо гюнагъны») [Джачаев 2009: 32].

Один из популярных приемов, используемых в поэме, – олицетворение, придающее особую выразительность обращениям к читателю: «Когда говорят, что умирают языки, сердце сжимается» («Тиллер ойлсе десе, юрек кыысыла»). На протяжении всей поэмы персонифицируется Дагестан, его величественные горы, воды Каспия и, несомненно, родной язык, к которому неоднократно обращается поэт, открыто выражая свою тревогу. Кроме того, используются различные виды эпитетов (изобразительные, лиро-эпические, лирические, метафорические): «День, проведенный без тебя, – фальшивый день, лживый день» («Сенсиз гюнум мени – кьалп гюн, ялгъан гюн»); открытые и скрытые сравнения: «Тот, кто не любит родной язык, – лишь кусок мяса» («Ана тилни суймес – эт гесек»); «Сто песен рождается, когда ты зажигаешь мое сердце» («Юз йыр тува юрегимни сен якъсанг»); гиперболы: «В мире умирает один язык каждую неделю» («Бир тил оьле дюнъяда дюнъяда гъар жумада»); метонимии: «На того, кто отказался от родного языка, / Родная земля должна плюнуть!» («Ана тилге арт бергенни бетине / Тюкюрмек бар эди ана топруракъ!») и др.

Переживания А. Джачаева связаны не только с проблемой исчезновения кумыкского языка: поэт опасается, что «та же участь ждет и русский язык» – «Рус тилге де шолай къркюнч ёкъ тюгюл».

Арт вакътиде ингилис тил айланып
 Арасында европа еллени,
 Уллу тыюл балыкъланы тутагъан
 Хортма йимик юта увакъ тиллени.
 [Джачаев 2009: 11]

В последнее время английский язык
 Разносится европейскими ветрами,
 Подобно охотящемуся на рыбешек
 Киту, проглатывает он малые языки.

Таким образом А. Джачаев поднимает проблему чрезмерного использования иностранных слов в русском и родном языках. Влияние Запада, как считает поэт, отдаляет народ не только от языка, но и от культуры, веками формировавшейся на дагестанской земле. Человек, забывший родной язык, потеряет связи с народом, лишится национальной принадлежности. Кумыкская народная пословица гласит: «Если обеднеет язык, то и народ обеднеет» («Ана тил азса, халкъ азар»).

Названные выше и многие другие стихотворения, и поэмы, посвященные родному языку, были опубликованы в научно-популярном издании «Подарок моему родному языку» («Ана тилиме савгъат») [2018], в которое вошли произведения А. Аджиева, К. Султанова, М. Атабаева, А. Аджаматова, А. Джачаева, А. Гамидова, А. Акаева, В. Атаева, Б. Аджиева, К. Казиева, Н. Байболатова, А. Аскерханова, П. Абуковой, Б. Магомедова, С. Мамаевой и др.

На фоне проблемы сохранения родного языка в творчестве современных кумыкских поэтов актуализируется тема города и села, так как основная причина появления в речи русизмов – жизнь в городской среде, отдаляющей от языка, культуры и традиций предков. Герой стихотворения «Как же сладок родной язык!» («Не татлидир ана тил!») М. Акмурзаева – городской мальчик по имени Малик, который плохо говорит на кумыкском языке. Это сильно огорчает его дедушку:

Къумукъ ожакъда тувуп,
 Къумукъ тил билмей бала!
 Билеми уйде лакъыр
 Янгыз рус тилде бола.

Рожденный в кумыкском доме,
 Малыш не знает кумыкского языка!
 Будет ли знать, если дома беседы
 Ведутся только на русском языке.

Ашама суйсе, Малик:
 «– Я уже голодный, – дей, –
 Почему это шорпа
 Вот такой холодный?! – дей.

Если Малик захочет есть:
 «– Я проголодался, – говорит он, –
 Почему этот суп
 Такой холодный?! – говорит он.

[Литературное чтение 2019: 48]

Чтобы решить проблему, мудрый дед Салав забирает внука на лето в кумыкское селение Гюрентав, где мальчик проводит три месяца и в совершенстве овладевает кумыкским языком. Таким образом М. Акмурзаев показал роль старшего поколения в сохранении языковых традиций.

Героине стихотворения В. Атаева «Невеста из города» («Шагъардан гелген гелин», 2009) в детстве не помогли выучить кумыкский язык. Автор с иронией описывает разные ситуации, которые вызывают смех у жителей села, а у новоиспеченной свекрови – негодование:

Бир гюн гамишден кьоркьуп,
«Зверюшка!» деп кьача.
Къайнана ону кьоруп:
– Нетесен кьоркьуп мунча?! –

Сегодня, испугавшись буйвола,
Со словами «Зверюшка!», убежала.
Свекровь, разозлившись:
– Зачем так пугаться?! – [сказала].

– О – «зверюшка» тюгюл,
Дюр бизин къашгъа гамиш.
Адаршай бизге бугюн,
Ол болмаса, – дей Бибиш¹
[Подарок моему родному языку
2018: 99].

– Это тебе не «зверюшка»,
Это наш буйвол с отметиной.
Горе нам, если сегодня
Мы его лишимся, – говорит Бибиш*.

На вопросы соседей, знает ли она кумыкский язык, девушка отвечает: «Знаю, я – кумычка. / По-русски говорить / Просто привычка» («Билемен, я – кумычка. / По-русски сёйлемеге / Просто привычка») [Там же : 98]. В. Атаев в сатирической форме изображает проблемы, связанные с незнанием родного языка в быту. Невестка не только не знает языка, но и в целом не справляется с работой по дому и огороду, не умеет обращаться с тяпкой и граблями. Автор несколько утрирует ситуацию:

– Бу нечик кикимавдур
Айланагъан ожакъда?
Билмеймисен, сав аул
Мысхыллай чы тезокъда!

– Что это за сова,
Которая возится в нашем доме?
Ты не знаешь, весь аул
Насмехается [над нами]!

¹ Здесь: свекровь.

[Подарок моему родному
языку 2018: 102]

В ответе сына звучит еще одна актуальная проблема современности – брак по расчету: «Ведь мой тесть – министр, / Этим сын кичится. – / Таковую, что каждый восхитится, / Машину он подарил дочери» («Министр чы кьайнатам, – / Деп улан да базаына. / – Сукьланардай гьар адам, / Машин берген кьызына»).

Другая важная проблема – влияние общественного мнения на происходящее в семье: невестке, не соответствующей сложившемуся в селе образу, грозит быть обсуждаемой во всей округе. В данном стихотворении жители села играют роль некоего триггера, который спровоцировал свекровь призвать невестку овладеть родным языком.

Между тем не всем городским детям чужда сельская жизнь и культура народа. Так, герой стихотворения Р. Устархановой «Письмо из города» («Шагьардан кагьыз») мальчик Муса в своем письме к бабушке спрашивает о ее здоровье, с нетерпением ждет наступления летних каникул, чтобы поскорее приехать к ней:

Узакь кьалмай гелермен
Хасилеринг кьазмагья.
Гьали де гелер эдим,
Гелип бажара бусам.
Сени кёп-кёп сюеген
Гиччи уланынг Муса.

Скоро я приеду
Копать твои грядки.
Я бы и сейчас приехал,
Если бы мог.
Сильно-сильно любящий тебя
Твой внук Муса.

[Устарханова 2002: 172]

Герой С. Мамаевой живет в Москве и в совершенстве владеет родным языком. Мать, старший брат, отец и бабушка помогают ему учить новые слова, которые мальчик использует в пении и разговорной речи.

Кьумукь тилде йырлайман,
Бийиймен кьумукь кюйге.
Орусча сёйлеме де
Кьоймай атайым уйде.

На кумыкском языке я пою,
Танцую на кумыкский лад.
Дома на русском языке разговаривать
Не разрешает мне отец.

Яхшы яшлар инг башлап

Хорошие ребята в первую очередь

Ана тилин билер дей.
Къалгъан тиллер олагъа
Оьзлер чабыш гелер дей.

[Мамаева 2018: 128]

Знают свой родной язык, – говорит.
Остальные языки к нему
Сами по себе прибегут.

Сравнение городских и сельских девочек дается в стихотворении. С. Мамаевой – «Городская [девушка] и сельская девушка» («Шагъарлы ва юртлу къыз»), написанном в форме фольклорных песен-диалогов, широко распространенных в народной лирике не только кумыков, но и других народов. В этих песнях, как правило, в словесной форме влюбленные «соревнуются» (по принципу – кто кого переговорит, ответит остроумнее и т. д.). В диалоге между девочками автор показывает, что существенных отличий между детьми, воспитанными в городе и в селе, уже не существует, и многие традиции даже устарели (с точки зрения городской девушки):

Юртлу къыз:

– Вёв адаршай, аччы вёв,
Англавунг да ёкъ моддан,
Юртлу къызлар озгъанбыз,
Шагъарлы къалгъан артда.
Ажайым-мажайым деп,
Бирев де айтмай юртда.
Бабуля, дедулялар,
Дядя, тётялар модда!

[Мамаева 2018: 9]

Сельская девушка:

– Горе и позор тебе,
Ничего не понимаешь в моде,
Сельские девушки обогнали,
Городские остались позади.
Моя Ажай-мажай [нынче]
Никто не говорит в селе.
Бабули, дедули,
Дяди, тётти в моде.

Согласно традициям кумыков, близких родственников, старших по возрасту не называли по имени. К примеру, тетю называли *Ажай*, дядю по матери – *Джанамай*, тетю (по отцу) – *Эчив* и т. д. Героиня более современных взглядов отрицает эту традицию и считает, что так обращаться уже «не модно». Автор бросает вызов стереотипному мнению о городских девушках и показывает, что они, напротив, могут склоняться к более спокойному и традиционному образу жизни, увлекаться сельской работой, семейными традициями и общественными мероприятиями, связанными с жизнью в сельской местности:

Шагьарлы кьыз:

– Суратланы кьой гьали,
Кёп иш бар этме герек,
Ажайым гелгинчеге,
Бар кьуллукь битме герек.
Абзар-уйню сибирип,
Жыйып савут-сабаны,
Сююндюрме суюмен
Ажайымны, дадамны.

[Мамаева 2018: 10]

Городская девушка:

– Оставь-ка фотографии,
Предстоит много работы,
Пока не пришла моя Ажай,
Много дел нужно сделать.
Подмести дом-двор,
Убрать посуду,
Я хочу обрадовать
Своих Ажай и Дада¹.

В процессе этого шуточного спора обе девушки осознают важность родного языка и национальной принадлежности в судьбе каждого человека. Произведение призывает любить и беречь родной язык, сохранять культурное наследие, что важно для обеспечения лучшего понимания и взаимодействия между людьми одной национальности.

Итак, кумыкскую детскую поэзию 1990–2020-х гг. отличают не только новизна проблематики и содержательных компонентов, но и художественные искания поэтов, их попытки придать традиционным формам индивидуальный авторский стиль. Несмотря на то, что современные поэты придерживались художественной концепции предшественников, на новом этапе литературного развития авторы стремились соответствовать вызовам времени и вносить свой вклад в развитие детской литературы.

Определенные метаморфозы наблюдаются в жанрах, которые мы исследовали в более раннем периоде (1950–1980-е гг.), – в колыбельных песнях² и литературной сказке.

Теперь детские кумыкские поэты все чаще отходят от традиционных фольклорных форм, например, в создании колыбельной песни – они пишут их не в обобщенной общепринятой форме, а адресно, то есть посвящают своим детям, внукам. К примеру, в книге Я. Зауровой «Дети-сорванцы» («Яшлар-

¹ Здесь: Ажай и Дада – бабушка и дедушка.

къатарбашлар») отдельный раздел колыбельных песен посвящён внукам писательницы.

Бёлей, балам, бёлелей, Яп гёзлеринг юхлама. Гьюнёрлерингни макътап, Анав суюе йырлама.	Баю-бай, малыш, баю-бай, Закрой глазки, засыпай. Хваля твои способности, Хочет спеть песню бабушка.
---	--

[Заурова 2013: 41]

Эта колыбельная относится к песням, предназначенным для младенцев, где главная составляющая – мелодия, которая создаёт лирический и умиротворяющий настрой. Есть и традиционные сохранившиеся формы. Например, в песнях, обращенных к девочкам, как и в фольклорных колыбельных, воспеваются их красота и нежность:

Мени кызым сютдей акъ, Асиллик бар юзюнде. Билеклери сомалакъ, Бал тама гьар сезюнде.	Моя девочка бела, словно молоко, Лицо её красивое. Плечи у нее белые, Медовый вкус в каждом сказанном ею слове.
--	---

[Заурова 2013: 42]

Используя один из популярных приемов детской поэзии – сравнение, Я. Заурова выражает восхищение ребенком в колыбельной песне, посвященной внучке Зиярат. Кстати, отличительная особенность творчества поэтессы: под названием каждой песни она называет имя адресата. Несомненно, эти колыбельные песни могут использоваться и для других детей, так как имя можно заменить на другое.

Традиционного подхода в создании кумыкских колыбельных, в которых основной составляющей является не сюжет, а мотив, придерживается и А. Меджидов. Начало его песен «Спи, мое золотое зернышко» («Юхла, алтын бюртюгом») [Меджидов 1992: 18–19] и «Колыбельная» («Гьайлек йыр») [Меджидов 1996: 6] не предполагает их конкретного сюжетного завершения; некоторые строфы могут повторяться до того момента, пока ребенок не уснет. В другой его колыбельной песне использованы фольклорные речевые обороты с пожеланиями убаюкиваемому сыну стать храбрецом, когда вырастет:

Асав минсин тербетердей ерлени,
 Арасында болсун кьоччакъ эрлени,
 Мени яшым яш болсун,
 Оьсюп уллу болгъанда,
 Ялан озден уланлагъа баш болсун!
 [Меджидов 1992: 89]

Пусть оседлает необъезженную [лошадь],
 Пусть будет среди храбрых мужчин,
 Пусть мой мальчик юным станет,
 [А] когда вырастет,
 Всегда будет главным среди узденей.

В целом, колыбельные песни, написанные современными кумыкскими поэтами, отличаются и тематикой, и поэтикой. Они не только успокаивают ребенка, готовят его к отходу ко сну, но и выражают любовь и заботу родителей о своих детях.

Таким образом, одно из основных отличий современной кумыкской детской поэзии от поэзии предшествующих лет – в ее тематике. В ней помимо традиционных тем любви, дружбы и семьи, выделяются актуальные для нашего времени темы, которые отражают насущные проблемы и интересы детей. Современное поколение взрослеет в цифровую эпоху, поэтому все чаще встречаются стихи, связанные с технологиями, интернетом, социальными сетями, играми и другими аспектами жизни.

В кумыкской детской поэзии поднимаются социальные проблемы, описываются внутренние переживания осиротевших детей, их боль утраты и надежды на обретение счастливой семьи. Стихи подобного содержания помогают им справиться с трудностями, утешают и дают веру в лучшее будущее.

Среди актуальных проблем современного общества детскими поэтами особенно выделяется проблема сохранения родного языка, звучат призывы к его обязательному изучению. Это связано с тем, что кумыкские писатели пытаются более тесно связать свои произведения с жизнью и интересами современных детей, чтобы их произведения были доступны и понятны молодому поколению. При этом авторы многих произведений используют более упрощенный язык, яркие и живые образы, чтобы сделать произведения более запоминающимися для детей. Кроме того, современные кумыкские поэты, как и их предшественники, часто используют в своих стихах элементы фольклора и народной культуры, что способствует

сохранению культурного наследия кумыкского этноса. Они также стремятся включать в свои произведения более широкий диапазон эмоций и чувств, чтобы связать свои произведения с жизнью и интересами современных детей.

2.2. Нравственные искания А. Джачаева: поэтическая интерпретация духовных ценностей

А. Джачаев – поэт и журналист, равнодушный к проблемам человеческих взаимоотношений. Его советскую и постсоветскую поэзию объединяет звено произведений, которые отличаются удивительной образностью художественной речи и жизненностью событий. Будучи выпускником филологического факультета Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина (ныне Дагестанского государственного университета), он начинал свою профессиональную деятельность с преподавания в школе. Многие годы руководил отделом литературы и искусства редакции дагестанской газеты «Ленинский путь» («Ёлдаш»). С 1977 года поэт начал публиковать первые сборники стихов для детей среднего и старшего возраста: «Напев колоса» («Ана-бала», 1977), «Так приходит весна» («Ягъалагъа яз гелген», 1983), «Мой белый жеребенок» («Акъ тайым», 1988) и др. Его стихи для детей публиковались на страницах детского журнала «Соколенок».

Поэзия народного поэта Дагестана А. Джачаева освещает многие вопросы морально-этического характера современного общества, среди которых приоритетное место занимают проблемы нравственного воспитания. В своих произведениях поэт стремится рассказать о том, с какими проблемами сталкивается ребенок, как его встречает взрослая жизнь. Данная тема реализована, в частности, в таких его произведениях, как «Мать, похороненная заживо» («Савлай гемюлген ана»), «Давайте почитать стариков» («Аяйкъ къартланы, аяйкъ»), «Несчастливая» («Языкъ»), «Сердце матери» («Ана юрек»), «Страх пожилого» («Къартны къоркъунчу»), «Мысль, которая не дает покоя» («Ял бермейген ой»).

Проблема нравственного воспитания является одним из актуальных вопросов общества. Известно, что формирование личности человека происходит на основе

принципов, вложенных с раннего детства. С молоком матери ребенок впитывает основные нравственные ценности, а целенаправленно осваивает удивительный мир, лишь повзрослев. Художественная литература – уникальный развивающе-образовательный инструмент, обеспечивающий подрастающему поколению не только богатую языковую среду, но и платформу для работы родителей над духовно-этическим воспитанием и развитием своих детей. Становление личности ребенка, подростка, юноши – процесс творческий, в котором авторы литературных произведений участвуют опосредованно через систему образов, которую они создают, и которая подсознательно влияет на мировоззрение подрастающего человека.

В художественной литературе любого народа образ матери занимает особое место, ибо «мать в различных языковых культурах – олицетворение источника тепла, комфорта, защиты, заботы, доброты, любви» [Нургалина, Зулкарнаева 2016: 52–55]. У народов Дагестана во все времена женщина считалась хранительницей очага, дарующей жизнь, уют, тепло и гармонию¹. Любовь и почитание женщины-матери нашли отражение в многочисленных пословицах и поговорках. «Мать – это весна жизни» (*Ана – яшавну язбашы*), – гласит кумыкская пословица.

Глубоко и образно раскрыта тема матери в творчестве А. Джачаева. Стихи о матери А. Джачаева построены на ярких примерах из жизни, читатель слышит голос поэта, вчитываясь в каждую строку, видит материнскую улыбку и ее горькие слезы.

Главный дар поэта – богатое воображение, в котором современный мир метафорично расписан по строчкам, его оружие – это художественно-стилистические приемы, которыми поэт пользуется для борьбы с несправедливостью, именно ими он демонстрирует свою правду, пишет о том, что тревожит, и выражает трепет к той, благодаря кому появился на свет.

---

¹ Данная проблема исследована нами в статье «Образ матери в современной кумыкской детской поэзии» [Хаджакаева (Бекеева) 2018в: 108–114], где дана сравнительная характеристика образа матери в произведениях кумыкских поэтов.

Внутренняя связь между матерью и ребенком исключительна, благодаря ей материнская любовь беззаветна и способна на героические поступки. Практически каждый поэт хотя бы раз в своем творчестве обращался к этому бесценному образу. Основная задача стихов, написанных кумыкскими авторами для детей о матери, – это привить им чувство благодарности и любви к матерям, к своим родителям, научить их быть ответственными за свои поступки.

Художественная литература, подобно матери, воспитывает и сопровождает человека с первых лет его жизни. Она открывает и объясняет ребенку жизнь общества и природы, мир человеческих чувств и взаимоотношений. С взрослением человека вместе с ним растут и его проблемы, но книга – это именно то пространство, где можно найти ответы на многие животрепещущие вопросы.

Проблемы морально-этического, нравственного характера реализованы А. Джачаевым в поэтических сборниках, изданных на родном языке: «Перед дорогой» («Атланаман», 1977), «Дороги» («Ёллар», 1981), «Напев колоса» («Ана-бала», 1977), «Живу среди вас» («Арагъызда яшайман», 1991), «Так приходит весна» («Ягъалагъа яз гелген», 1983), «Ответ орла» («Къаракъушну жавабы», 2000), «Сердце матери» («Ана юрек», 2001), «Любовь жива» («Сююв яшай», 2003), «Родной язык – золотая казна» («Ана тил – алтын хазна», 2009) и др.

Его поэзия освещает многие нравственные вопросы современного общества, где образ матери занимает одно из доминантных положений. К. Г. Ханмурзаев писал: «Стихотворения А. Джачаева преисполнены нравственной непреклонности. Посреди сегодняшней культурной сутолоки и разноголосицы, когда стало модным похвастаться служением всему сомнительному и культивировать в себе всякие небезобидные отклонения и чудачества, лишь бы прослыть оригинальным, когда культура готова пойти в услужение хоть самому дьяволу, А. Джачаев принципиально выбирает добро, ясность, разум, культ всего проверенного, испытанного временем и освещенного традицией. Да и могло ли быть иначе, если поэт с самого начала заявляет: “Ведь был я доброй матерью рожден...”» [Джачаев 2015: 8].

Цикл стихотворений А. Джачаева «Сердце матери» («Ана юрек», 2001) был включен в «Избранное» в трех томах на кумыкском языке: «Ответ орла» («Къаракъушну жавабы», 2000), «Любовь жива» («Сююв яшай», 2003).

Отношение ребенка к окружающему миру закладывается с раннего детства и в дальнейшем формируется из опыта его общения с матерью в диаде «мать-дитя». Английский детский психиатр и психоаналитик, чьи идеи были использованы и в педиатрии, Дональд Вудс Винникотт считал, что грудное вскармливание – «это не просто начало кормления – это начало объектных отношений. Все отношения этого нового человеческого существа с реальным миром будут базироваться на том, как все начиналось, и на паттернах, которые постепенно сформируются на основании опыта самых первых человеческих взаимоотношений – между ребенком и его матерью» [Винникотт 1998: 46]. По мнению А. Джачаева, через материнское молоко ребенок «слышит» мысли своей матери, привязывается к ней и чувствует ее любовь и теплоту:

Ана эмчек берегенде яшына,
Аз хадиргюн тувмай ону башына,
Башгъа тюгюл, я къыз болсун, я улан,
Бала огъар басылына бал булан.

[Джачаев 2001: 135]

Когда мать кормит грудью свое дитя,
Немало счастья приносит это ей,
Неважно, мальчик это или девочка,
Дитя [словно] мёдом приклеен к ней.

Поэт передает свои переживания и чувства разнообразными средствами выражения. Ему удастся показать читателю как сильна роль матери и процесса вскармливания новорожденного в целом: «[Словно] мёдом клеен к ней» («Басылына бал булан») – метафора; «Не против, если короткая ночь превратится в сорок ночей» («Къысгъа гече къыркъ турса да къайырмай») – гипербола. В конце стихотворения А. Джачаев повторяет фразу «Когда мать кормит грудью свое дитя...» («Ана эмчек берегенде яшына...»), чтобы акцентировать внимание читателя на главной мысли – о связи дитя с матерью.

Процесс вскармливания грудным молоком – глубокомысленный и необходимый акт как для ребенка, так и для матери. В стихотворении «Ведь ты

мать, что поила белым молоком» («Сен чи даггы акъ сют берген анасан») изображено трепетное состояние женщины, чье сердце великодушно отзывается на маленькие радости и печали своих детей, ибо чувства всех матерей святы, они идут из глубины души:

Сен яшланы шат гёрсенг – шат
боласан,
Сен оланы пашман гёрсенг –
панасан,
Тангдан туруп танг юлдуздай
янасан,
Сен чи даггы акъ сют берген
анасан!

Если ты видишь детей радостными –
радуешься,
Если их грустными застаешь – тоже
поникнешь,
Встав рано утром, светишься, подобно
ранней звезде,
Ведь ты мать, что поила белым
молоком!

[Джачаев 2001: 136]

Поэт создает символический образ заботливой матери, детально описывает ее повседневные хлопоты: «Ходишь (возишься), встав на цыпочки» («Айланасан туруп бармакъ учлагъа»), «Прикрываешь Айнутдина одеялом» («Айнутдинни ювургъанын ябасан»), «Целуешь Гюлзахру в лобик» («Гюлзагъраны мангалайын объбесен»).

Вкус грудного молока – это вкус младенчества, это защита, неприкосновенность и тот самый запах из детства, запах матери, который никогда не покидает человека и особенно тепло ощущается в минуты трудности во взрослой жизни. Герой повести «Хлебозоры» (1990) С. Алексеева, отправляясь в Суворовское училище, в минуты прощания с матерью вспоминает: «Я хорошо помнил свое отношение в ту пору к материнной груди: казалось, что это часть меня самого, что я не могу жить без этого источника, равно как не мог бы жить без головы или туловища. <...> И вот, прощаясь в тот первый раз с матерью, я на мгновение ощутил толчок и вспомнил то состояние. И почувствовал на мгновение горячую и светлую струю, ее жар, согревающий лицо. Мне не хотелось, чтобы прервалось это чувство, но было поздно: немецкий мотоцикл зарычал, выбрасывая струи дыма, и оторвал от матери...» [Алексеев 2008: 51].

В поэзии А. Джачаева поэтическое отражение получила тема преданности вековым морально-этическим нормам своего народа. В ней правдиво и художественно убедительно показано поведение людей, заложенное в обществе с давних времен человечества.

В стихотворении «Сладкие отношения матери и ребенка» («Ана-баладагы татывлукъ», 1990) поднимается проблема современных мам, не желающих кормить грудью своих детей. А. Джачаев считает, что тесная связь между матерью и ребенком реализуется в повседневных действиях, прописанных законами природы, игнорирование которых ведет к ее разрыву.

Эмчек суюп яш йылай, яш оькюре,
 Шо йылавну Ер эшите, Кёк гёре ...
 Ана буса яшгъа, эмчек ичеген,
 Эмдирмеге суймей сютлю эмчегин,
 Эмчек тюгюл яш авзуна алагъан,
 Эмизликли шиша бере балагъа. <...>
 Не буса да алда йимик айтардай
 Татывлукъ ёкъ гъали ана-балада.
 Къакъакъ йырдан ана магърюм къалгъандыр,
 Бала магърюм къалгъан йимик эмчекден.
 [Джачаев 2001: 170]

Желая [грудного молока], ребенок надрывается от плача,
 Этот плач слышит Земля, Небо лицезрит...
 Но мать ребенку, что должен пить грудное молоко,
 Не хочет давать грудь, наполненную молоком.
 Не грудь ребенок берет в рот,
 Ему дают стеклянную бутылку. <...>
 Что бы ни было, не можем мы, как раньше, сказать
 О тесной связи матери с ребенком.
 Наверно, мать была лишена колыбельных песен,
 Так же, как ее дитя [сейчас] лишено [грудного молока].

Рассмотренные произведения А. Джачаева свидетельствуют о том, что грудное вскармливание – это не только биологический процесс, необходимый для физического роста и развития новорожденного, но и важный период в младенчестве для установления крепких духовных связей между матерью и ребенком.

Слово «мама» является сакральным понятием, так как именно она подарила жизнь каждому. И. Ф. Гончаров утверждает, что «материнство – это житнетворство, это миссия, от рождения данная женщине. Мать находит себя – должна находить! – в беззаветной посвященности детям. А дети отвечают ей – должны отвечать! – любовью, вниманием, заботой. Это идеал, истинная «норма», в которой воплощается замысел природы и общества, их гармония» [Гончаров 1988: 16]. К сожалению, в реальной жизни отношения между ребенком и матерью не всегда складываются гармонично. Разлады, нерешенные в подростковом возрасте, могут перейти в драматичные взаимоотношения и стать трагедией во взрослой жизни.

В отличие от положительных образов детей, представленных в произведениях кумыкских поэтов, в поэзии А. Джачаева находят отражение образы отрицательных героев, которые, повзрослев, потеряли чувство уважения к матери. Проблема неблагодарности, безразличия и душевной черствости по отношению к матери, родителям получила поэтическое осмысление в его стихотворениях «Дешёвый надгробный камень» («Учуз сын»), «Мать, похороненная заживо» («Савлай гёмюлген ана»), «Давайте почитать стариков» («Аяйыкъ къартланы, аяйыкъ»), «Несчастливая» («Языкь»), «Сердце матери» («Ана юре»), «Страх пожилого» («Къартны къоркъунчу») и мн. др.

Обличая человеческие пороки, поэт ситуативно демонстрирует те нравственные проблемы, с которыми матери сталкиваются. Неблагодарных детей автор воплощает в образах сыновей, которые по обычаю кумыков, как и других народов Дагестана, в первую очередь должны заботиться о постаревших родителях.

В стихотворении «Сыну, который не плачет после смерти матери» («Анасы оьлгенде йыламагъайгъан улангъа», 2000) отражено недостойное, по мнению автора, поведение – равнодушие к смерти матери. Свое отношение А. Джачаев выражает устами людей, осуждающих такого сына: «Когда другие его за это

упрекнули, / Он, не восприняв всерьез, проигнорировал спокойно» («Шону огъар бетлегенде биревлер / Сан да гермей сангып алгъан сабурдан»).

Ана оьлген – ону къайгъы басмагъан,
 Ана оьлген – ону бавру бишмеген,
 Ана ёкълукъ я юрегин къысмагъан.
 Яда ону гёзюнден чыкъ тюшмеген.
 [Джачаев 2001: 190]

Мать умерла – он не подавлен скорбью,
 Мать умерла – он не сильно огорчен,
 И сердце его не сжимается от того, что матери больше нет,
 И даже росинка не упала из его глаз.

Кумыкская пословица гласит: «Ана оьлмек – нюрю сёнмек гёзлени», что в переводе означает «Смерть матери равнозначна потере зрения».

А. Джачаев рисует мир контрастов, противопоставляя образы матерей и их неблагодарных детей. В 2000 году поэт написал такие стихотворения, как «Могила смотрит» («Къабур къарай»), «После того, как останемся без матери» («Анабызсыз кългъан сонг»), «Не увидел» («Гёрмедим»), «Песнь сына, возвратившегося после похорон матери» («Анасын гёмюп къайтгъан уланны гёнгюревю»), «Та слеза» («Шо гёзьяш»), «Заставал с фотографией [моей] в руках» («Суратымны сыйпай туруп табадым»), «Прости!» («Гечип кьой!»), «Сердце велит» («Юрек бувара»), «Нет такой книги» («Шолай китап ёкъ») [Джачаев 2001], в которых выражена глубокая скорбь, безмерная тоска и неотступная боль от потери самого дорогого человека – матери.

<...> Мен оьлгенде гёзлерим сен ябарсан, –
 Деди анам гёзюнде яш тюшюре...
 Гёз тюбюнде бюртюклеген шо гёзьяш
 Буссагъат да юрегимни бишире!
 [Там же: 195]

<...> Когда я умру, ты закроешь мои глаза, –
 Промолвила мама, роняя слезу...
 Та слеза, что бусинкой скатилась с ее глаз,
 По сей день сжигает мое сердце.

«Слеза ... что по сей день сжигает мое сердце» – ярчайшая метафора, которую поэт использует, чтобы описать безутешную и пронзительную боль утраты. Поэтика произведений А. Джачаева – не только художественное оформление текстов, это самовыражение автора, образность его мыслей. Его язык метафоричен, он побуждает читателя замечать мельчайшие подробности событий.

Правдивая поэзия А. Джачаева приводит читателя в соприкосновение с социальными явлениями общества, заставляет мысленно вступать в диалог с автором, разделяя его эмоциональное состояние (радость, счастье, сострадание, предвосхищение, изумление, горе, гнев, печаль, уныние и разочарование).

Анализ средств создания образа матери в поэзии А. Джачаева позволяет сделать вывод, что автор, будучи сторонником высоких нравственно-этических норм, описывает модели неприемлемого поведения детей по отношению к матери, ситуации морального выбора. По мнению поэта, дети должны отвечать на родительскую любовь вниманием и заботой. Именно в этом заключаются замысел природы и общества, их гармония.

Поэта остро волнует проблема должного отношения к матерям, старикам и детям, и он направляет читателя к истине, изображая реальные картины жизни, которые никого не могут оставить равнодушным. Автор рассматривает взаимоотношения матери и ребенка, воздействуя на своего читателя идейно-художественным разнообразием и богатством родного языка.

Система образов поэзии А. Джачаева многогранна, а его уважение и любовь к матери несказанно высоки. Стихи поэта пробуждают чувства радости, гордости, трепета, а порой стыда и разочарования из-за неблагоприятных поступков героев. Позиция А. Джачаева зачастую вступает в прямое противоречие с моральными устоями его героев. Об этом свидетельствует анализ произведений А. Джачаева, в которых он особенно трогательно воспеваает женщину-мать.

Б. Аджиев характеризует А. Джачаева, как «глубоко совестливого человека с миром тревог и надежд». «Поэт ставит разные вопросы и сам же на них отвечает

эмоционально, по-джачаевски размышляет о новом времени, ищет нравственные ориентиры в период всеобщей бездуховности» [Джачаев 2015: 455].

Образ матери дается автором в разных ипостасях: многие стихотворения он посвятил нелегкой судьбе матери, взаимоотношениям между матерью и ребенком как в период младенчества, так и во взрослой жизни. Для поэтических текстов о матери характерны многогранность и поучительность, также поэт внимателен к поэтике, передающей весь спектр чувств и авторских переживаний. Его стихотворения адресованы детям старшего школьного возраста, они также отвечают интересам их родителей, учителей и всех, кому не безразличны нравственно-этические проблемы поколения «отцов» и «детей» XXI века.

Вопросы, поднимаемые А. Джачаевым, особенно актуальны в современном мире, так как автор демонстрирует не только тесную взаимосвязь между матерью и ребенком, но и обращает внимание на необходимость ее сохранения, поднимает проблемы неблагодарных детей, порицает бездушие и открыто выражает скорбь об утрате матери.

2. 2. Специфика детской поэзии Н. Байболатова

Поэтесса А. Л. Барто в книге «Записки детского поэта» пишет: «В стихах каждого поэта с годами начинает звучать грусть об ушедшей молодости. Но я гоню от себя сии лирические вздохи, ведь у моих читателей – детей нет вчерашнего дня, у них всё – впереди, всё – сегодня и завтра» [Барто 1978: 5]. Стихи для маленьких читателей должны быть пропитаны неисчерпаемой молодостью. По мнению Агнии Львовны, «у поэта детское свое, совсем иное лирическое “я”» [Там же].

Поэзию для детей кумыкского поэта Н. Байболатова отличает та самая «неистошима» молодость, о которой говорила А. Л. Барто. Обращаясь к читателю, он пишет: «Несмотря на то, что годы сделали мою голову седой, / С тобой останусь я ровесником» – «Йыллар мени башым ап-акъ этсе де, / Сени булан яш чагъымда къалайым...» [Байболатов 2017: 3]. Его первый сборник стихов «Я тороплюсь расти» («Алгъасайман оьсмеге», 2017) начинается с «рукопожатия» – по-дагестански искреннего и, как принято в Стране гор, наполненного уважением как к старшему, так и к младшему поколениям:

Ассаламу алейкум, Яш охувчум!	Салам алейкум, мой маленький
Бер чи гъали, къысып къолунг	читатель!
алайым.	А ну-ка, дай пожму крепко [твою] руку.
Чебер сѣзге гече-гюн мен белсенип,	И днем и ночью вдохновленный
Янгыз сагъа къуллукъ этип талайым.	искусством слова,
[Там же]	Творя лишь для тебя, я буду счастлив.

Н. Байболатов пришел в детскую литературу, как и многие другие кумыкские поэты современности, с публикаций в детском журнале «Соколёнок» в 2000-е годы. Осознавая, что родной язык – это душа народа, его история, настоящее и будущее, выпускник факультета дагестанской филологии Дагестанского государственного педагогического университета Н. Байболатов свой трудовой путь начал в школе учителем родного языка и литературы.

А. Т. Твардовский отмечал, что детскому поэту необходимо иметь «особый склад дарования и отчасти педагогического мышления, знание психологии ребенка

и подростка...» [1968]. Профессиональная деятельность Н. Байболатова связала его с детьми не только на уроках кумыкского языка в школах Карабудахкентского района: вскоре поэт начинает трудиться в Доме детского творчества селения Карабудахкент, а затем становится заместителем директора по воспитательной работе Карабудахкентской средней школы № 5. Возможно, именно этот опыт помогает Н. Байболатову органично сочетать в своих стихах психологию, педагогику и культуру кумыкского народа.

Н. Байболатов пишет не только для детей, но и о детях, их достижениях в учебе и спорте. В разные годы на страницах детского журнала «Соколёнок» («Къарчыгъа») появляются его публицистические статьи. Таким образом современный поэт протягивает руку дружбы своим читателям, говорит, что любит их и гордится ими, что готов быть всегда рядом с ними. Литературная мастерская Н. Байболатова открывает двери не только любителям детской поэзии, но и прозы. В «Соколенке» он дебютирует короткими юмористическими рассказами о мальчике Муслиме «Шутки Муслима» («Муслимни масхаралары») [Къарчыгъа 2019: 39], скороговорки («Янгылтмачлар»), пробует себя в популярном среди детей и новом для себя жанре, написав литературную сказку в стихах «Путешествие ветра» («Елни сапары»)¹. В ней Н. Байболатов не поучает своего юного читателя, а в доступной для детского сознания форме говорит о дружбе и взаимовыручке как о высшей нравственной ценности. Поэт опирается на сложившиеся традиции написания фольклорного произведения, но при этом видоизменяет его введением современных примет. К. И. Чуковский писал, что «считается общепризнанной истиной, что сказка совершенствует, обобщает и гуманизирует детскую психику, так как слушающий сказку ребенок чувствует себя ее активным участником и всегда отождествляет себя с тем из ее персонажей, кто борется за справедливость, добро и свободу. В этом-то деятельном сочувствии малых детей благородным и мужественным героям литературного вымысла и заключается воспитательное

---

¹В нашей статье «Фольклорные мотивы в литературной сказке Н. Байболатова “Путешествие Ветра” (“Елни сапары”»)» [Бекеева 2023: 103–105] более подробно рассматриваются фольклорные мотивы, освещаются особенности поэтики, анализируется система художественных образов данного произведения.

значение сказки <...> Роль воспитательной и образовательной функции сказки нельзя недооценивать. Ребенок знакомится с этим жанром литературы в самом раннем возрасте, когда его сознание наиболее восприимчиво» [Чуковский 2015: 265–266].

Литературный мир Н. Байболатова наполнен преимущественно поэтическими картинками воспоминаний из детства, которые представлены на страницах его первого сборника «Я тороплюсь расти». Б. Кустодиев – русский и советский художник – признавался, что писать портреты детей – «особенное счастье» [Цит. по: Сироид 2019]. Проведя параллель между поэзией и живописью, полагаем, что проникать в детский мир, слышать детские озорные речи сквозь призму воспоминаний поэта – еще один вид чувственного счастья.

Н. Байболатов раскрывает отношение героя-ребенка к природе, выражает в стихах его точку зрения на те или иные явления жизни, показывает его интересы. Одна из распространенных тем в его поэзии – атмосфера в доме глазами ребенка – основана на воспоминаниях поэта. Особенно убедительны детские наблюдения и впечатления от приготовления и приема национальных блюд, сладостей. В стихотворениях «Блюда, которые готовит мама» («Анам этеген ашлар»), «Хлеб из печи» («Кёрюк экмек»), «Сыр» («Бишлак»), «Готовлю яичницу и ем» («Къуймакъ этип ашайман»), «Наедемся, друзья, вдоволь» («Къанарбыз, яшлар, ашап»), «Шоколад “Алёнка”» («“Алёнка” шикалат») и др. отражается испытываемое ребенком чувство радости, связанное с уютной обстановкой в доме, в котором маленькие семейные события формируют чувства, закладывают элементы сознания.

В стихотворении «Готовлю яичницу и ем» представлена история о том, как ребенок готовит для себя омлет. Она рассказана обстоятельно, в деталях. Впечатляют старания мальчика: он самостоятельно присматривает за курами, подкармливая их по утрам и вечерам, а потом собирает яйца, обязательно отложив одно на расплод. Затем из свежих домашних яиц готовит яичницу на чугунной сковороде.

Бир кьолумда – аш гесек,
 Бирисинде чиш де бар ...
 Болмайман ким булан да
 Гьали кьурмагъа хабар.

[Байболатов 2017: 132]

В одной руке – кусочек хлеба,
 В другой – вилка...
 Не могу ни с кем
 Сейчас вести разговор.

Читатель, несомненно, обращает внимание на то, что в тексте упоминается кусок хлеба «аш гесек», который вспоминается как аромат детских лет. Самые запоминающиеся художественные импресии закладываются в детстве, в сознании, имеющем свои границы воспоминаний. Как известно, наблюдательность свойственна маленьким слушателям поэзии, особенно в раннюю пору, когда они пытливно познают мир. Несмотря на то, что поэтические истории в поэзии Н. Байболатова, переданные устами ребенка, имеют законченный сюжет, автор дает импульс читателю продолжить тему уже на языке своего детства.

Стихотворению «Хлеб из печи», как и многим другим произведениям Н. Байболатова, свойственна двуадресность. Этот феномен достаточно распространен в детской литературе и предполагает множественность интерпретаций, что расширяет слушательскую аудиторию поэта и дает возможность взрослому читателю дополнить стихотворение своими воспоминаниями из детства.

К примеру, *кёрюк* – печь, которая была широко распространена у кумыков, чаще всего ее строили во дворе под навесом, топили дровами. Семьи, которые не могли позволить себе построить кёрюк и обеспечить ее дровами, договаривались и спешили порадовать своих родных ароматным хлебом из общественной печи либо из надворной печи соседки, которая всегда отзывчиво разрешала другим пользоваться своим кухонным устройством. Хозяйки могли печь хлеб до глубокой ночи, так как заниматься выпечкой повседневно не было возможности – нужно было еще работать в поле, ухаживать за скотом.

Эртен басгъан хамурун
 Гётерилмеге кьоюп,
 Анам экмек бишире

Из теста, что замесила утром,
 Оставив полностью подняться,
 Мама такой хлеб печет,

Ашагъан болмас тоюп.

Что тот, кто попробует его, не наестся.

Гъар гезик кёрюк алда
Ол кюнне ясап башлай.
От саркъып янсын учун
Заман бир агъач ташлай.

Каждый раз у печи
Она сначала делит тесто.
И чтоб огонь горел,
Время от времени бросает в него дрова.

[Байболатов 2017: 9]

Поэзию Н. Байболатова можно назвать «заметками» из детства. Сборник его стихов – своего рода «путеводитель в прошлое», – замечательная возможность для наших потомков вернуться во вчерашний день, чтобы прожить жизнь предков и узнать историю своего народа. Отражение национального менталитета кумыков, свойственное произведениям поэта, может приковать внимание и этнографов, желающих дополнить материалы о традициях народов Кавказа секретами традиционной национальной кухни кумыкского этноса. Н. Байболатов под влиянием детских впечатлений поэтично расписывает рецепт приготовления кумыкского хлеба: «Круги закатанного теста / Руками раскатывает она / Сверху смазав сюркючем¹, / Делает разные узоры» («Къангадагъы кюннени / Къоллары булан яза. / Уъстюне сюркюч сюртюп / Накъыш-оювлар гыза») [Байболатов 2017: 9]. О самом любимом вкусе детства автор пишет в завершающей четверостишии:

Къызгъанмайма бёлмеге
Яшлар булан бирче де.
Бишлакъ къошсам, баркама
Татли тие нече де.

Мне не жаль делиться
С [соседскими] ребятами.
Если сыр добавлю, благодать,
Как же это бывает вкусно.

[Байболатов 2017: 10]

О традиционных блюдах кумыков, о которых восторженно рассказывают маленькие герои, слагают строки и другие детские поэты. В стихотворении В. Атаева «Гъалпама»² говорится о хинкале, который готовился из кукурузной муки:

«Гъалпамадан бал тама», –

«Из халпамы капает мед», –

¹ Сюркюч – забродившее молоко, еще один отличительный ингредиент в приготовлении хлеба у кумыков. У других народов, как правило, принято смазывать хлеб яичным желтком перед отправкой в печь.

² Гъалпама – диалектная форма слова «гъалтама», в переводе с кумыкского – «галушки».

Деп дурус айтгъан тезде.
Шо макътавлу гьалпама
Аз болуп бара бизде.

Верно сказано давно.
Эта расхваленная халпама
Уже заканчивается у нас.

Гьалпамадан бал тама,
Ёкъдур ону багъасы.
Унутмайкъ, гьалпама –
Дюр гьинкалны агъасы.

«Из халпамы капает мед», –
Нет, наверное, ей цены.
Не будем забывать, ведь халпама –
Старший брат хинкала.

[Атаев 2017: 248]

Реализация концепта «еда» в кумыкской детской поэзии своеобразна и особенно колоритна, так как здесь поэты актуализируют дагестанскую национальную кухню. Так, В. Атаев сообщает своему читателю, что хинкал из кукурузной муки существовал задолго до появления такого традиционного и весьма распространенного блюда кавказской кухни, как хинкал из пшеничной муки.

Бесспорно, хинкал из кукурузной муки – это излюбленное блюдо детства, имеющее особый вкус. Однако эмоции детей неподдельны, они всегда предпочтут традиционной обеденной (и обыденной) сытной еде конфеты, запрет на которые привносил в беззаботное детство грусть. «А ну-ка, дай свои конфетки» («Къакъайларынг берип къой») – маленькая история о стараниях мамы договориться с сыном. Несмотря на то, что диалоги в стихотворении согреты добротой, нежностью и заботой матери, чувствуются ее требовательность и строгость:

– Орамда ойнап турмай,
Сен гьали уйге тез ет.
Тепсиде тузлукъ да бар,
Гьалтама бар, бишген эт.

– Довольно играть на улице,
Скорее иди домой.
На подносе – соус с чесноком,
Есть гьалтама, вареное мясо.

Муна сени тюш ашынг,
Битдиргенде гёермен.
Ашап тойгъан сонг, балам,
Къакъайлар да берермен.

Вот твой обед,
Как закончишь, тогда посмотрим.
Когда наешься, мой малыш,
Угощу тебя конфетками.

[Байболатов 2017: 11]

В стихотворении отражается характер лукавого мальчугана. Последующие строфы поясняют позицию сына, который искренне верит в возможность договориться с мамой и надеется вместо приготовленного обеда полакомиться сладостями:

– Гьалтама янгы чыкьгъан
Къачмажакъ чы тепсиден.
Арив ийиси бар, тек
Ашап болмай иссиден.<...>

– Гьалтаму положили –
Ведь она не убежит с подноса.
Пахнет очень вкусно, но
Слишком горяча, не смогу съесть.

<...> Тамагъымдан татыву
Таймай узакъ турагъан.
Къакъайларынг берип къой,
Бирден-бир салайым бой.

<...> Их вкус в горле
Остается надолго.
А ну-ка, дай свои конфетки
Чтобы я еще быстрее рос.

[Байболатов 2017: 11]

Погружая читателя в субкультуру детства, поэты, пишущие для детей, демонстрируют их вкусовые предпочтения, привязанность к еде, приготовленной руками матери:

Тепси ягъада тюшде
Мен еримни табарман.
Шорпагъа къатыкъ этип,
Экмекни де хабарман.

За краем столика в обед
Займу себе я место.
Суп заправив,
Откушу я хлеба.

Къуш этни де басарман
Назик чишге чанчылгъан.
Картопну да эзермен
Къабугъундан арчылгъан.

Птичье мясо также съем,
Во что вонзил я вилку.
И картофель придавлю,
Очищенный от кожуры.

<...> Тек бир башлап объеим
Анамны гёзюн-къашын.
Бал булан этегендей
Гъар заман магъа ашын.

<...> Но прежде я поцелую
[Свою] мамочку.
[Она] словно мёдом [смазала] еду,
Которую готовит для меня.

[Байболатов 2017: 8]

В стихотворении «Блюда, которые готовит мама» («Анам этеген ашлар») воссоздается целостная картина беззаботного детства ребенка, окруженного любовью и уютом. Временное пространство определяется как «здесь» и «сейчас»,

повествование ведется от первого лица; концепт «еда» раскрывается в образах-символах, а именно: дом, картофель, очищенный от кожуры, мясо птицы. Сочные созревшие фрукты позволяют предположить, что на дворе лето.

Детские грёзы, отраженные в стихах спустя многие годы, имеют свой поэтический характер. Следует подчеркнуть, что поэзии для детей младшего и дошкольного возраста не свойственна усложненная метафоричность. В стихотворении «Лежу больной» («Авруп ятгъанман») чувствуется настроение героя, вызывающего читательскую симпатию своей непосредственностью, которая выражается в его желании выздороветь лишь для того, чтобы поиграть с друзьями. Это подлинно детское стихотворение, в котором нет взрослой тревоги и пессимизма в моменты ухудшения самочувствия. Здесь Н. Байболатов затрагивает тему детской дружбы, не отяжеленной заботами зрелой жизни.

Гёрмеге хоншу яшлар –
Къурдашларым да геле.
Обзлени бек сагъынып,
Къарагъанымны биле.

Меня навестить
Приходят и друзья.
Знают, что, скучая сильно,
Жду их, [в ожидании] томясь.

Олар булан мен яйда
Топ ойнамасам айып.
Аврувлар гетсин менден
Болмагъан йимик тайып.

Вместе с ними летом
Надо бы поиграть в мяч, здоровым.
Пусть меня покинут болезни,
Словно их и не было никогда.

[Байболатов 2017: 23]

В кумыкской поэзии для детей немаловажную роль играет пространство сна. Сновидение, как результат индивидуального восприятия образов, помогает поэту дополнить характер своего героя информативными штрихами. Психология сновидений предполагает зеркальное воспроизведение тревожных порывов и иллюзий. Картина детских желаний, сложенная в рифмованные строки, выглядит по-особенному, живописно и литературно привлекательно. Так, например, герой стихотворения Байболатова «Странный сон» («Тамаша тюш») во сне встречает слона, который умеет лаять как собака, танцующих лошадей и волков, говорящих льва, зайца и других зверей.

Тюлкю олтурган эди
Ялкьмай шиьрулар охуп.
Атъялманлар да алды
Юнден ювурган тохуп.

Сидела лиса,
Неустанно читая стихи.
Белки [умудрились]
Соткать шерстяное одеяло.

Кирпи де кьанды кёлде
Къайыкьгъа минип юзюп.
Жиелени жыйды сонг
Бирин де кьоймай узьюп.

Ёжик тоже вдоволь поплавал,
Взобравшись на лодочку.
Затем собрал все вишенки,
Что были на плаву.

[Байболатов 2017: 38]

Стихотворение основано на приеме персонификации. Присутствуют здесь элементы фантастики. Вполне естественно, что поэт, как и любой взрослый человек, помнит с детства, как мечтал разговаривать с животными и представлял их мир аналогичным миру людей. Для маленьких читателей это своего рода забава – воображать и фантазировать, придумывая различные роли для неодушевленных игрушек и домашних питомцев. В сон своего героя Н. Байболатов привлек и диких обитателей леса, тем самым раздвинув для малыша границы окружающего его мира.

В своих произведениях поэт ловит живые интонации детей и отражает их интересы: он внимателен к желанию мальчика оказаться в саду, на деревьях которого вместо фруктов растут шоколадные конфеты, и исполняет сокровенную мечту героя:

Тамаша бавгъа гирдим
Тереклер зор оьсеген.
Оьзлерде емиш йимик
Шикалатлар бишеген. <...>

Я вошел в странный сад,
В котором растут громадные деревья.
А на них словно фрукты
Поспевает шоколад.

<...> Татли эди кампетлерден
Олар бизде болагъан.
Тюкенлерден акъчагъа
Анам сатып алагъан.

Конфеты были слаще тех,
Что бывают у нас [дома].
Которые в магазине за деньги
Покупает мама.

[Там же : 39]

В книге «Дети читают про нас» И. Я. Линкова пишет: «Книги объясняют детям жизнь по нашему образу и подобию, и писатели похожи на других людей

значительно больше, чем кажется. Их способ общения с детьми – это, по сути дела, наш способ. Только усиленный огромными возможностями художественных образов» [Линкова 1975: 5].

Сельская детвора в поэзии Н. Байболатова пленяет своей непосредственностью, она любознательна и в то же время лишена бравады и панибратства. Поэт понимает, что перед детской художественной литературой стоят серьезные идейные и эстетические воспитательные задачи. Автор размышляет о хорошем и плохом устами детей чувственно и красочно, без нравоучительных интонаций, чем завоевывает внимание читателя. Н. Байболатов получает читательское признание потому, что его детская поэзия рассказывает маленькому читателю о том, что он сам любил, во что свято верил и чем дорожил.

Автору не приходится «переводить на детский язык» свои воспоминания, детскость и непосредственность впечатлений проявляются в его стихах как бы сами собой, удивляя точностью картины. В книге «Алгъасайман оьсмеге» («Я тороплюсь расти») звучат актуальные ритмы века безграничных технологических возможностей. В стихотворении «Польза мобильного телефона» («Кисе телефонну пайдасы») счастливый, жизнерадостный мальчуган с безудержным восторгом рассказывает о преимуществах гаджета: «Как же сильно я люблю / Говорить по телефону. / Так, чтоб было меньше затрат, / Настроил я [его]» («Кёп сюемен нече де / Телефондан сейлеме. / Ах харж чыгъагъан кюйге / Эс тапгъанман кюйлеме») [Байболатов 2017: 30]. Стихотворение кажется стилистически простым, но оно яркое по эмоциональной окрашенности – здесь детские радости не требуют словесных излишеств: повествование от первого лица делает читателя участником разговора о мобильном устройстве.

Бир-биревге къанабыз
Янгылыкъланы айтып.
Аз заман тюгюл оьтмей,
Сёйлегенче биз къайтып.

Друг другу постоянно
Сообщаем новости.
Проходит мало времени,
После чего мы снова созваниваемся.

Атам-анам ёкъ вакъти
Бошуна турмай къарап,

Когда нет дома родителей,
Чтобы не бездельничать,

Телефондан тарыкълы
Ишни этемен сорап.

По телефону их спрашиваю и
Делаю все, что нужно.

Кисе телефон – оърлюк,
Етген оьтген асруда.
Пайдасын гёрсюн учун
Гъалиги яш наслу да.

Мобильник – это достижение,
Дошедшее [до нас] в минувшем веке.
Чтобы им воспользовалось
И нынешнее поколение.

[Байболатов 2017: 30]

В рамках этой картины поэт раскрывает образ деятельного и любознательного героя, старается убедить читателя в том, что мальчишка использует гаджет исключительно в благородных целях: для общения с родными, друзьями.

Стихи Н. Байболатова лаконичны, соответствуют действительности и не содержат сказочных элементов. Поэзия для детей младшего дошкольного возраста – это первые ступени к развитию речи, познанию родного языка и установлению тесной связи с родителями, которым Н. Байболатов предоставляет возможность понять, насколько восприимчива детская психика. В стихотворении «Во дворе» («Абзарда») девочка Зулай обеспокоена тем, что уже смеркается, а их корова, которая никогда не задерживалась в поле, все еще не вернулась. Ее волнение автор передает вопросами, которыми маленькая девочка тревожно задается:

Ай къашгъа къонгур сыйыр
Авлакъда отлаймыкен?
Уьйге элтеген ёлну
Тапмагъа болмаймыкен?

Бурая корова с отметиной на лбу
Пасется ли на лугу?
Тропу, ведущую домой,
Сможет ли найти?

[Байболатов 2017: 31]

Звукоподражание «м-му» характеризует желанное возвращение домой коровы по кличке Манак. В завершающей строфе демонстрируется умение ребенка делать выводы: «Поев травы, наполнившись молоком, / С поля идет корова. / И для теленка, и для нас, / Будет польза от молока («От ашап, сютден толуп, / Авлакьдан геле сыйыр. / Бузавгъа да, бизге де / Болажакъ сютден хайыр») [Там же : 32].

Поэтическая зарисовка «Новые сапоги» («Янгы этиклерим») изображает нескончаемый оптимизм детей, передает их искренние чувства и настроение.

В этом стихотворении автор описывает впечатления мальчика, которому мама купила новые сапоги. Детальная дескрипция обновки самим героем подчеркивает его безграничную радость и благодарность матери:

Анам сатып тюкенден Янгы этиклер алгъан. Аякъларымны къысмай Арив ярашып къалгъан.	Мама в магазине Купила новые сапоги. Ноги не жмут Как раз в самую пору.
Тап-таза сакътияндан Оъзлер тизив тигилген. Этиклени бойлары Шынжыр булан бегилген.	Они из чистой кожи, Прошиты аккуратно. Подошва сапог [Обшита] цепью.
Мен шоланы гъар гезик Къызгъанаман гиймеге. Юрюмеге къарайман Къоймай хавгъа тиймеге.	Каждый раз мне их Бывает жалко надевать. Стараюсь ходить так, Чтобы не наступать на грязь.
[Байболатов 2017: 40]	

Стремление маленького читателя с детства ценить подаренные жизнью радости побуждает Н. Байболатова к созданию ряда стихотворных произведений, объединенных образом героя-повествователя. Такими произведениями являются «Я тороплюсь расти» («Алгъасайман оъсмеге»), «На берегу моря» («Денгизни ягъасында»), «Справляюсь с домашними делами» («Уъй къуллукъну кютемен»), «Пора спать» («Юхлама болгъан заман») и другие.

Поэт посвятил много стихотворений родному языку: «Кумыкский язык» («Къумукъ тил»), «На уроке родного языка» («Ана тил дарсда»), «Словарь кумыкского языка» («Къумукъ тилни сёзлюгю») и др.; учебному процессу в школе, его видению глазами учащегося: «Маленький ученый» («Гиччи алим»), «Что труднее» («Къайсы къыйын»), «Ответ Джавата» («Жаватны жавабы»), «Получишь дубинкой» («Токъмакълар алажакъсан»), «Касуму трудно на уроке» («Къасумгъа къыйын дарсда») [Байболатов 2017].

Большую роль в формировании читательской культуры играют журналы, публикующие произведения для детей. Им не свойственна нарочитая

назидательность, они ориентированы скорее на воспитание и формирование чувств.

Среди стихов Н. Байболатова есть произведение, посвященное детскому журналу «Соколёнок» («Къарчыгъа»), чьи страницы впервые стали знакомить маленьких читателей и их родителей с творчеством современных кумыкских поэтов.

Эки айда бир чыгъа
Бизин журнал «Къарчыгъа».
Оьзлеге тюшмей къалса,
Къумукъ яшлар талчыгъа.

[Байболатов 2017: 67]

Раз в два месяца издается
Наш журнал «Соколёнок».
Если вдруг им не достается [номер]
Кумыкская детвора переживает.

В книге Н. Байболатова «Я тороплюсь расти» встречаем детей увлеченных – учебой, игрой, разговорами с родными и друзьями. Интересны рассуждения озорной ребятни, которой свойственны детская поспешность, изобретательность и пылкость. Образ героя в основном собирательный, однако есть стихи, посвященные близким его сердцу людям. Например, стихотворения из раздела «Я дочь своего отца» («Мен атамны къызыман»), адресованные младшей дочери поэта Джаминат. Некоторые из них написаны со слов девочки, любознательно познававшей мир в первые годы жизни.

Н. Байболатов создал на страницах кумыкской детской поэзии бесхитростный, открытый миру взрослых характер жизнерадостного ребенка. Поэт тонко чувствует детскую душу и чутко осознает свою почетную миссию – воспитать в детях любовь к родному краю, природе, обычаям и традициям народа. Трепетное отношение к животным мы видим в его стихотворениях «Улитка» («Хуртуя»), «Шумные певцы» («Къавгъачы йыравлар»), «Черный котенок» («Къара бишев»), «Мой конь» («Мени атым»), «Мой рыжий конь» («Жийрен тюсю жагъ атым»), «Мой теленок с отметиной на лбу» («Мени къашгъа бузавум»). Красоты природы изображаются в стихах: «Картина лета» («Яйны сураты»), «Первый снег» («Биринчи къар»), «Осенний день» («Гюзню гюню»), «На что похоже солнце?» («Гюн негер ошай?») и др. Домашним уютom и уважением к

близким людям пронизаны строки стихотворений «Радуется брату» («Эркьардашдан сююне»), «Соскучился по маме» («Анасын сагьынган»), «Отец рассказывает басни» («Атам ёммакълар айта»), «Превращаюсь в старшего брата» («Агьам болуп къаламан») и др.

Герои многих стихотворений Н. Байболатова показаны в непосредственном трудовом процессе:

Танг къатып, гюн батганча,
Яшлар биченни чала.
Чалгьысын къолдан салмай,
Гезик булан ял ала.

Как рассветет, пока не взойшло солнце,
Дети косят траву.
Косу, не выпуская из рук,
Отдыхают по очереди.

Аркъасын язмай олар
Оьсген бичен кёбюне,
Эртенден ашам эте
Ишни гирип тьобюне¹.

Не разгибают они спину,
Так как слишком много травы,
С утра до вечера [они]
[Работают, не покладая рук].

[Байболатов 2017: 34]

Стихотворение «Мы вышли копать огород» («Чыкьганбыз бав къазмагьа») подчеркивает важность дружного труда ради улыбки самого дорогого человека – матери. Это произведение содержит совет родителям: приучать детей к работе с раннего детства. Два брата с большим азартом, соревнуясь, копают грядки, а герой, наполненный ожиданиями и эмоциями, перечисляет все, что они посадят: чеснок, лук, фасоль и т. д.

Чачажакьбыз биз бу йыл
Самурсакь, согьан, бурчакь.
Сугьаражакьбыз болса,
Янгур явмай къургьакь чакь.

В этом году мы посадим
Чеснок, лук, фасоль.
Будем поливать, если
Погода будет сухой и без дождей.

[Байболатов 2017: 36]

Вместе с тем в поэзии Н. Байболатова есть и образы антигероев. Так, «Я лишний» («Мен артыкъман») – это история ленивого мальчугана, не желающего присоединиться к коллективной работе. Автор восторженно повествует: «Дети, не уставая, толпятся, / Копают под деревьями. / Однако Башир не выходит в огород, / Хотя дома ему и очень скучно» («Яшлар ялкьмай,

¹ Букв.: «Зайдя под работу».

къарышып, / Терек тыплени къаза. / Тек Башир бавгъа чыкъмай, / Уъйде ялкъса да тазза»). Ленивый мальчуган, чтобы избежать работы в огороде, считает деревья, которые предстоит окопать, и делает вывод, что для него не остается дерева, так как все они распределены: «Так я же там лишний» («Мен чи бавда артыкъман») – заявляет он.

Авторская интонация меняется в завершающем четверостишии, содержащем ощущается осуждение героя:

Гюнюн ятып йибере	Лежа, проводит он свой день [впустую],
Юхугъа батып татли.	Погрузившись в сладкий сон.
Артыкъ болар ол бавда	Наверное, будет он лишним,
Бишгенде де боз баъли.	Когда поспеет бурая черешня тоже.

[Байболатов 2017: 35]

В стихотворении ярко выражен советский призыв к коллективному труду, который традиционно воспитывался в новом поколении с самого детства. Поэт показывает гражданскую позицию. Настоящий детский поэт не осуждает и не ругает, он так искусно подбирает героев, чтобы ребенок мог сам понять, как лучше себя вести, чтобы вырасти достойным человеком.

Героям Н. Байболатова присуще все, что свойственно детям. Пейзажные зарисовки в его стихотворениях достаточно живописны и пронизаны детским мироощущением. Поэт дает своим читателям превосходную возможность представлять в своем воображении реальную красоту земли.

Творчество поэта художественно отражает не только кумыкские традиции и обычаи через призму детской души, но и игровые элементы, фольклорные мотивы: «Игра в прятки» («Юмунчукъ оюн»), «Танцующие дети» («Бийийген яшлар»), «Качели» («Гъарсинчек»), «Когда качели раскачиваются» («Гъарсинчекде гъарсиллейгенде») и мн. др.

Детская литература – это «литература, рассчитанная на чтение вслух, тем самым ее художественные особенности сближаются с традициями устного народного творчества» [Арзамасцева 1998: 4]. Обращаясь к фольклорным первоисточникам, Н. Байболатов талантливо использует их сюжетно-

композиционную канву, жанровую форму, лексику, образно-изобразительную систему в целях раскрытия идейного содержания произведения в доступной читателю форме. Показательно в этом отношении стихотворение «Ночью» («Гечеликде»), в котором изображена целостная картина таинственной красоты ночного неба.

Янгурдан сонг юлдузлар
Бир алапат йыртыллай.
Терезеге кьаршыда
Ай ярыкъ да кьартыллай.

После дождя звёзды
Так блестят красиво.
Напротив окна
Дрожит еще и свет луны.

Шо айны геленткиси
Гёрюне ерге тийип.
Гечелик де кьарагъан
Кьара шал гёлек гийип.

Тень этой луны
Отражается на земле.
Ночь тоже посмотрела [на нее],
Надев шерстяное платье.

Юлдуз да уча кёкде
Артындан сызып гьызын.
Эртен гюн чыгъар кьоюп,
Уьюнде эрши кьызын.

И звезда летает в небе,
За собою проводя линию.
Утром выйдет солнце, оставив
Дома свою некрасивую дочь.

[Байболатов 2017: 97]

Несмотря на различия в ритмико-интонационном рисунке и форме, сюжетно-композиционно стихотворение перекликается с кумыкским фольклорным стихотворением из игровой поэзии:

Гюн, чыкъ, гюн, чыкъ!
Арив кьызынг алып чыкъ,
Эрши кьызынг
Эшик артгъа салып чыкъ!
[Кумыкское устное народное
творчество... 2018: 128]

Солнце, взойди, солнце взойди!
Возьми свою красивую дочь и взойди,
Некрасивую дочь
Оставь за дверьми и взойди!

А. М. Аджиев пишет, что словосочетание «гюн, чыкъ» («солнце, выходи») дошло до нас только в форме детской игры. «Аналогии с обрядами вызывания солнца у других народов, а также универсальность эволюции обрядов вызывания солнца “от взрослых – к детям” позволяют говорить, что раньше и обряд вызывания солнца у кумыков носил «серьезный» характер, т. е. очевидно,

исполнялся и взрослыми. <...> И здесь, очевидно, “красивая дочь” солнца, в противоположность “некрасивой дочери”, должна ниспослать людям “красивое”, т. е. благодать, свет и т. п.» [Аджиев 2005: 141].

В стихотворении повторяются образы (*эрши кьыз* – некрасивая дочь), стилистические фигуры (лексические повторы) фольклорного произведения, вместе с тем в его интерпретации народных мотивов прослеживается неповторимая авторская индивидуальность. Языковые обороты, отражающие задор и детский смех, Н. Байболатов заменяет на конструкции, не содержащие шуточной настроенности. Автор значительно украсил стихотворение стилистически: здесь популярно олицетворение, которое помогает детскому воображению представлять и видеть красоту ночи – «свет луны дрожит» («*ай ярыкъ къартыллай*»), «звезда летает» («*юлдуз уча*»).

Природа для поэта сосуществует с людьми и наделена человеческими свойствами и качествами. В его поэзии большое место занимают стихи, посвященные временам года: «Ранняя весна» («*Эрте язбаш*»), «Цвета природы» («*Табиатны тюслери*»), «Встреча» («*Гёрюнюш*»), «Осенний день» («*Гюзню гюню*»), «В этом году не будет зимы, что ли?!» («*Бу йыл кьыш болмаймы экен?!*»), «Первый снег» («*Биринчи кьар*»), «Зима» («*Кьыш*»), «Картина лета» («*Яйны сураты*»). Глубоко эмоциональные стихи, наполненные образной изобразительностью, раскрывают поразительно чарующий мир природы, с явлениями которой неразрывно связана человеческая душа с самого детства. Вот, например, как естественно и в то же время чувственно говорится о первом снеге, который выпал в родном селе поэта:

Йымышакъ оъзю таза,
Ерге ятгъан кьув йимик.
Кьолума тутсам ирип,
Агъып къала сув йимик.

Мягоч сам [и] чист,
Лёг на землю словно лебедь.
Если в руки возьму, растает и
Утечет как вода.

Акьгъа боялгъан уйлер,
Башгъа тюслер тас болуп.
Орамлар да гёрюнмей

Дома покрашены в белый [цвет],
Другие цвета потерялись.
И улицы не видятся

Гёзге гъали нас болуп.

Перед глазами грязными.

[Байболатов 2017: 106]

Радость поэта, вызванная первым снегом, в прямом смысле детская: свойственная ребенку и основанная на его мироощущении или же проявляющаяся как неизжитый след из детства, который не покидает взрослого человека, пишущего для детей. Н. Байболатову одинаково дороги и зима, и весна, и лето, и осень. Снег, который покрыл деревья, автор сравнивает со свадебным платьем невесты («*надев наряд невесты*» – «*гелин опуракъ гийип*»), с белым творогом («*С неба падает / Словно творог*» – «*Кёкден тёгюле / Улмадай ерге*»), а белизну и нежность снега – с лебедем («*Лёг на землю, словно лебедь*» – «*Ерге ятгъан къув йимик*»). Поэт восторженно описывает снег, дождь, ветер, а ответ на вопрос «На что похоже солнце?» («Гюн негер ошай?») безграничен и раскрывает творческую фантазию автора, вдохновленного красотой солнца:

Алай арив гюн чыгъып,
Кёкню юзю ачылгъан.
Гюн гюлмеллиге ошай
Чачакълары чачылгъан.

Такое прекрасное солнце выглянуло,
[И] лицо неба открылось.
Солнце, похожее на гюлмелли¹,
Бахрому раскинуло.

Бир къарасанг, гёрюне
Сари майдай ортасы.
Иссиге къайнап акъгъан
Ягъасына тортасы.

Раз посмотришь – кажется
Середина жёлтой словно масло.
От жары [оно] вскипело и вытекли
На края остатки масла.

Бир-бирде о – кёрюкде
Къызарып бишген къалач.
Гюн дагъы негер ошай?
Ойлашып, сен сырынг ач.

А иногда оно, как в печи
Обжаренная лепешка.
Еще на что похоже солнце?
Подумавай, раскрой этот секрет.

[Байболатов 2017: 96]

В этом стихотворении Н. Байболатов использует сравнения, чтобы придать выразительность своим мыслям, овладеть читательским вниманием и доверием, стать другом маленького слушателя и проводником в его мире фантазий.

¹ Гюлмелли – большой головной платок из тонкого шёлка.

Главная черта поэтического таланта Н. Байболатова – умение откровенно и просто говорить с детьми и разделять их интересы. Теме природы автор посвятил ряд стихотворных зарисовок: «Платок для синицы» («Алажымчыкыгъа – явлукъ»), «Осталась, привязанная к работе» («Къалгъан ишге байланып»), «Мак» («Пайпелек бёлек»), «Песнь пчелы» («Балжибинни йыры»), «Дождь идет» («Янгур ява»), «Песня дождя» («Янгурну йыры»), «Волшебный мост» («Сигърулу кёпюр») и др.

Таким образом, поэзия Н. Байболатова помогает ребенку понимать окружающий мир, узнавать о важнейших человеческих ценностях и принципах, познавать явления природы и удивительный мир животных. В его произведениях нет фантастических персонажей, в то же время для них характерны волшебство и вымысел. Национальная окрашенность образов – еще одна из творческих особенностей стиля Н. Байболатова.

Поэт не боится экспериментировать и обогащать свое творчество новыми жанрами (рассказы, скороговорки, стихотворная литературная сказка). В его поэзии неразрывно переплетены фольклорное и литературное начала. Умение красочно изобразить реальное и сказочное делает чтение его стихов притягательным для детей младшего школьного возраста. Автор учитывает особенности восприятия окружающего мира детьми, бережно относится к их интересам и требованиям, ненавязчиво назидает и развлекает.

Анализ стихов Н. Байболатова свидетельствует о том, что его поэзия – не простая констатация детского мировосприятия. В основе его произведений лежат взрослый опыт и мудрость старшего поколения. Поэт понимает, насколько важно учитывать возрастные особенности и интересы юного читателя. Художественные образы, которые Н. Байболатов создает в своих произведениях, показывают специфичность авторского слога. Опираясь на свои детские воспоминания, он устанавливает дружескую связь и доверительные отношения с читателем. Еще одной особенностью его детской поэзии является дескриптивность, подобные описания внешности героев, отношения к происходящему и окружающим людям.

В детях Н. Байболатов одобряет и поддерживает их неудержимое стремление стать взрослыми и быть похожими на своих родителей. Его стихи, наполненные жизнерадостным мироощущением растущего человека, пленяющие яркими красками детства, передают этот светлый настрой читателю, заряжая его оптимизмом.

Итак, анализ творчества кумыкских детских поэтов 1990–2020-х годов выявил тематическое разнообразие национальной детской поэзии рассматриваемого периода; продемонстрировал их нравственно-этическую значимость; показал художественно-стилистические особенности произведений для детей. В кумыкской детской поэзии исследуемого периода поднимаются социальные проблемы, направленные на описание внутренних переживаний осиротевших детей, их боли утраты и надежды на обретение счастливой семьи. Особое влияние детские поэты уделяют проблеме родного языка, звучат призывы детей к его обязательному изучению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кумыкская детская поэзия второй половины XX – начала XXI века – уникально развивающееся явление в рамках становления дагестанской литературы для детей. На различных этапах она изначально ориентировалась на традиции устного народного творчества кумыков и произведения русской классики. Такое контрастное, на первый взгляд, влияние обусловлено тем, что дореволюционная литература основывалась преимущественно на письменной обработке фольклорных текстов. Среди имен первых кумыкских поэтов-просветителей, собирателей фольклорных текстов, прозаиков можно назвать И. Казака, М.-Э. Османова, М. Алибекова, Н. Батырмурзаева, А. Магомедова, А. Акаева, Т. Бейбулатова, З. Батырмурзаева и мн. др.

Исследование различных этапов формирования детской кумыкской литературы, поэзии в частности, позволяет сделать вывод, что кумыкские писатели, опираясь на достижения фольклорного прошлого, создают новый пласт литературного творчества, направленный на воспитание детей в соответствии с духом советского времени. Наступает этап глубокого осмысления и проникновения богатого фольклорного материала в творчество детских писателей. Детям не только прививают желание учиться, быть достойными гражданами страны, но и приобщают к традиционной культуре, укрепляя их национальную идентичность.

Кумыкская детская литература, как и другие литературы для детей народов Дагестана, испытывает влияние разных культур. Естественно, что наряду с национальными художественными традициями, воплощёнными в фольклоре, кумыкские детские писатели использовали творческий опыт русских детских писателей, который передавался непосредственно при работе над переводами произведений классиков. По мнению В. М. Мухиной, это было обусловлено тем, что «27 ноября 1934 года Бюро Дагобкома ВКП (б) принимает специальное постановление “Об издании на языках дагестанских народностей классиков

русской литературы и советских писателей других народов СССР”. В этом решении перед Дагестанским книжным издательством была поставлена конкретная задача – развернуть в 1935 году работу по переводу и изданию на языках народов Дагестана произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, М. Горького и др.» [Мухина 2002: 73].

Результаты нашего исследования показали, что над исполнением данного постановления работали и кумыкские писатели. Так, например, народный поэт Дагестана А.-В. Сулейманов перевел на кумыкский язык произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, М. Горького, А. Навои, Низами, С. Стальского, Р. Гамзатова, С. Рустама, Ю. Ермолаева, сборники стихов арабских, индийских, корейских, японских, китайских авторов, что не могло не послужить фактором межкультурного диалога литератур. В дальнейшем национальные поэты знакомили детей с произведениями К. И. Чуковского, И. А. Крылова, А. Л. Барто, В. В. Маяковского и многих других, что не могло не отразиться на творческом опыте самих кумыкских поэтов и развитии популярных литературных жанров. Так, в 1960–1970-е годы в кумыкской детской поэзии появились первые басни. Их авторами стали А. Аджиев («Ябалакъ» – «Сова», 1968, «Аювну жыйыны» – «Собрание у медведя», 1974) и Б. Астемиров («Эки жибин» – «Две мухи», 1965).

Однако этот жанр был слабо развит, как и жанры игровой поэзии и песни. Широкое распространение в детской поэзии кумыков получили стихи, стихотворные сказки, поэмы, загадки, малые жанры игровой поэзии: колыбельные, пестушки, считалки, заклички.

Основная цель настоящей диссертационной работы, а именно изучение основных тенденций развития кумыкской детской поэзии второй половины XX – начала XXI века, на наш взгляд, достигнута, так как решены цели и задачи, поставленные во введении.

В процессе исследования выявлено влияние культурно-исторического процесса на развитие кумыкской детской поэзии рассматриваемого периода,

охарактеризованы основные этапы становления кумыкской детской поэзии в контексте кумыкской детской литературы и литературы для взрослых.

Для анализа были отобраны наиболее значимые поэтические произведения для детей, выявлено их идейно-эстетическое, жанровое, художественное своеобразие. В процессе изучения развития кумыкской детской поэзии рассматривались не только основные аспекты влияния русской детской литературы, но и была предпринята попытка показать национальную идентичность произведений, проследить процесс жанрового развития кумыкской детской поэзии на материале стихотворной литературной сказки, стихотворного рассказа, колыбельных песен и др.

Если на первых этапах зарождения кумыкской детской поэзии в 1920–1940-е годы литература носила учебный и общественно-политический характер, находясь под бдительным партийным контролем, то в последующие годы ее просветительские функции стали наполняться художественной эстетичностью авторов, экспериментально дополнявших традиционный стиль изложения новыми языковыми средствами и приемами. Вместе с тем кумыкские детские поэты 1950–1980-х годов использовали опыт предшественников, опираясь на фактический богатый фольклорный и литературный материал. Шла активная работа по созданию целого пласта кумыкской детской литературы, в которой поэзия занимала значительное место.

Жанровый и тематический расцвет новой литературы проходил в соответствии с канонами советской реальности, направленной на воспитание советских детей в духе патриотизма и безусловной любви к Родине. Таким образом детская литература формировала литературный вкус ребенка, влияла на его отношение сначала к отчужденному дому, затем и к стране в целом.

В этот период детская книга становится приоритетным инструментом патриотического воспитания подрастающего поколения. Призывом любить родину пронизаны стихотворения А. Аджиева, К. Султанова, А.-В. Сулейманова, А. Аджаматова, Б. Астемирова, И. Асекова, М. Атабаева, Ю. Алимханова,

А. Акаева и др. Наряду с разработкой темы преданности и любви к Родине, которая особенно актуализировалась после Великой Отечественной войны (1941–1945), кумыкские поэты создают стихи о животных, пионерии, трудовом воспитании, школьной дружбе и братстве народов.

В 1970–1980-е годы кумыкская детская поэзия продолжает стремительно развиваться: несмотря на то, что традиционные нравственно-гуманитарные идеи, как и прежде, занимали значительное место в творчестве многих поэтов, главным объектом изображения становятся дети, их интересы, роль близких в их жизни, отношение детей к природе – как к животному, так и к растительному миру.

В этом направлении большую роль сыграла поэзия М. Атабаева, А. Джачаева, А. Меджидова, чьи имена зазвучали впервые наряду с Ш.-Х. Алишевой, Дж. Керимовой, Б. Аджиева, А. Абдуллабекова, А. Гамидова, Б. Гаджимурадова, И. Исаева, Н. Аскерова, А. Аскерханова, А. Залимханова и мн. др. Продолжали посвящать свое творчество детям И. Асеков, А. Аджиев, А. Акаев. 1970-е годы ознаменованы появлением детского поэта В. Атаева, который знакомит кумыкского читателя со своими героями – озорными и любознательными детьми. Поэт легко и с юмором раскрывает их образы в его первых сборниках «Баю-баю» («Бёлелей», 1979), «Утенок» («Бакъ-бакъ», 1983), «Подсолнух» («Гюлайлан», 1987), написанных для детей младшего возраста.

В этот период активно разрабатывается тема дружеской солидарности в стихах «Мои друзья» («Мени кьурдашларым») М. Атабаева, «Помощь друзьям» («Дослагъа кёмек») И. Асекова, «Когда много друзей...» («Кьурдашларынг кёп буса...») А. Акаева, «Дружба» («Дослукъ»), «Мой друг» («Ювугъум») А. Зелимханова и мн. др. Особое распространение получают стихи, содержащие наставления; детей призывают воспитывать в себе благородный нрав, сочувствовать неудачам ближнего, сохранять достоинство и честь, достигая определенных жизненных высот.

В 1980-е годы внушительное количество детских книг посвящается детям дошкольного и младшего возраста, среди них сборники А. Меджидова, А. Аджиева, А. Джачаева, Дж. Керимовой, Б. Гаджимурадова, А. Абдуллабекова, А. Гамидова, Б. Аджиева, А. Акаева, Ш.-Х. Алишевой, П. Абуковой и др.

Если для формирования национальной поэзии в 1920–1940-е годы переводились лучшие образцы русской литературы для детей, то в последующие десятилетия советские исследователи, переводчики проявляют неподдельный интерес к дагестанской литературе, составляющей новый пласт детской литературы СССР. Наряду с поэтическими произведениями народов Советского Союза на русский язык переводится кумыкская детская поэзия. Детские стихи И. Асекова были переведены на русский язык Ю. Хазановым и включены в сборник стихов «Верблюжонок» (1968). В 1985 году публикуется сборник стихов А. Джачаева «Добрый Нугбек» в переводе Н. Меновщиковой, в 1988 году – А. Меджидова «Кизилловые сережки» в переводе В. Лунина. Немаловажную роль в развитии творчества кумыкских детских поэтов сыграла возможность публиковать свои произведения на страницах журнала «Соколенок», который с 1980 года является одним из ключевых литературно-художественных изданий Дагестана.

Среди развивающихся жанров кумыкской детской поэзии, таких, как поэма, загадка, малые жанры игровой поэзии, особое место занимает стихотворная литературная сказка, получившая развитие в творчестве А.-В. Сулейманова, К. Султанова, А. Аджиева, Б. Гаджимурадова, Н. Магомедова, А. Абдуллабекова, А. Гамидова, А. Акаева, В. Атаева, Н. Байболатова и др. В их литературных сказках наблюдались как традиционные фольклорные связи, так и новаторские, заключающиеся в использовании сюжетов, системы образов, тем, поэтики.

На наш взгляд, наиболее ярко жанр стихотворной литературной сказки разработан в поэзии А. Аджиева. Его литературные сказки, как было установлено, имеют двуадресный характер и могут быть обращены как к детям, так и к взрослым. Мастерски используя прием аллегории, поэт высмеивает человеческие пороки и превозносит честь и достоинство в сказках «Болтливая утка» («Авузгъа

бош акъ бабиш», 1935), «Волк в чалме» («Чалмалы бёрю», 1968), «Соль, Перекати поле и Ребро» («Туз да, кьамакъ да, кьабыргъа да», 1968), «Кусок хлеба» («Аш гесек», 1974), «Кто сильнее?» («Ким гючлю?», 1974) и мн. др.

Кумыкская детская поэзия для детей, подростков и юношества развивалась, опираясь на традиционные жанровые формы фольклора, адаптированные для конкретной читательской аудитории. В детской поэзии кумыков активно развивался жанр авторской колыбельной песни. Сравнительный анализ позволил показать соблюдение авторами традиционных фольклорных основ и применение непривычных форм и идей в развитии одного из древнейших жанров детского фольклора – колыбельных песен, которые встречаются практически в каждом кумыкском сборнике стихов для детей.

Рождение новых смыслов было связано с беспрерывно меняющимся временным пространством, авторской индивидуальностью, ее субъективным представлением о тесной связи ребенка с убаюкивающим родителем. С развитием данного жанра в литературе обновляется образная система традиционной модели «дитя – мать». Таким образом, литературная колыбельная песня переходит границы «материнской поэзии», обретает сюжетные формы, напрямую зависящие от широты горизонтов поэта, чье перо трудится над созданием литературного произведения. Отмечается, что преимущественным отличием фольклорной колыбельной песни кумыков является форма пожеланий в адрес ребенка стать храбрым, справедливым защитником не только семьи, но и народа. В литературной колыбельной – проецируются мысли автора, его отношение к герою, что делает сюжет более лирическим.

Кумыкская поэзия для детей, подростков и юношества 1990–2020-х гг. обогащалась традиционными жанрами и проблемами взрослой литературы, адаптированными для детского восприятия. Рассмотрев современную поэзию А. Джачаева, мы пришли к выводу, что она носит воспитательный характер, свои чувства и волнения он выражает в многочисленных обращениях к читателю, призывая благодарно относиться к родителям, чтить память предков, их обычаи,

традиции и познавать историю народа. В своих произведениях он поэтизирует нравственные и эстетические позиции. Душевный опыт поэта, наполненный переживаниями, отражается в цикле стихов, посвященных матери.

Значительную роль в развитии кумыкской детской поэзии сыграл В. Атаев, чье творчество преимущественно посвящено детям дошкольного и младшего школьного возраста. В своих сборниках стихов он раскрывает образ растущего человека – забавного, сопереживающего, стремящегося к диалогу со взрослыми. Для детей дошкольного возраста также пишут Б. Аджиев, С. Мамаева, С. Абусуев, Р. Устарханова, Г. Айгумов, Я. Заурова, Н. Байболатов и др.

Кумыкская детская поэзия 1990-х затрагивает более широкий спектр проблем, пытается раскрыть перед читателем эмоциональную картину внутреннего состояния ребенка. Впервые поднимается проблема детей, переживших расставание матери и отца (В. Атаев «Грустный ребенок» – «Пашман яш»), смерти матери и тоски по ней (А. Джачаев «Когда мама есть, когда мамы нет» – «Анам барда, анам ёкъда», «Почему сирота рано ложится спать» – «Етим неге тез ята», «Песнь сироты» – «Етимни йыры») и др.

Новизна стихов современной кумыкской детской поэзии заключалась в их ритмической смелости и живых детских интонациях. Введение актуальных проблем в кумыкскую детскую поэзию постсоветского периода обусловлено вызовами времени, развитием науки, педагогическими приоритетами, спецификой возрастной психологии. Если в поэзии 1950–1980-х гг. ребенок являлся сторонним слушателем и впитывал призыв любить и защищать Родину (например, в произведениях о Великой Отечественной войне), то современная детская поэзия кумыков повествует о трагических событиях, где ребенок является героем произведения – жертвой произошедшего. Яркий пример такой концепции – поэма М.-Н. Халилова «Последние шаги» («Ахырынчы абатлар»), повествующая о террористическом акте в г. Каспийске 9 мая 2002 года.

Особой назидательностью отличаются стихи и поэмы, посвященные сохранению кумыкского языка (А. Джачаев «Родной язык – золотое сокровище»

– «Ана тил – алтын хазна»). В 2018 году вышел сборник стихов и поэм «Подарок моему родному языку» («Ана тилиме савгъат»), в который включены произведения о родном языке А. Аджиева, К. Султанова, М. Атабаева, А. Аджаматова, А. Джачаева, А. Гамидова, А. Акаева, В. Атаева, Б. Аджиева, К. Казиева, Н. Байболатова, А. Аскерханова, П. Абуковой, Б. Магомедова, С. Мамаевой и др.

Продолжая традиции и опыт В. Атаева, пишет для детей дошкольного и младшего школьного возраста Н. Байболатов, произведения которого публикуются в детском журнале «Соколенок» с 2000 года. В 2017 году появляется его первый и единственный на сегодняшний день сборник «Я тороплюсь расти» («Алгъасайман оьсмеге»). В своей поэзии Н. Байболатов совмещает фольклорное и новаторское начала. Популярный жанр, к которому автор прибегает чаще всего, – стихотворения, в которых он с бережной осторожностью учитывает детские интересы, ненавязчиво поучает и в то же время развлекает читателя. Молодой поэт не боится экспериментировать и обогащает свое творчество рассказами, скороговорками, стихотворной литературной сказкой.

В процессе работы над формированием национальной детской литературы кумыкские поэты не только заимствовали лучшие традиции мировой и русской классики, но и передавали национальный характер своих персонажей, их быт и культуру, поднимали актуальные проблемы своего народа, обращались к вопросам истории, психологии, культурологии. Несомненно, некоторые аспекты рассматриваемого периода требуют дальнейшего изучения.

Таким образом, кумыкская детская поэзия второй половины XX – начала XXI века занимает особую нишу в национальном литературном процессе, представляет собой цельное, многоуровневое явление, прошедшее довольно сложный путь становления и достигшее определенных художественных высот в жанровом и идейно-эстетическом отношении.

Список использованной литературы

1. **Абакарова, Ф. З.** Дагестанский фольклор о трудовом воспитании детей : монография / Ф. З. Абакарова. – Махачкала : Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 1989. – 108 с. ; 22 см. – 3000 экз. – Текст : непосредственный.
2. **Абдуллатипов, А.-К. Ю.** История кумыкской литературы (с 1941 по 1990-й год) : в 3 ч. Ч. 3 : монография / А.-К. Ю. Абдуллатипов, Л. А. Шаббаева. – Махачкала : [б. и.], 2019. – 359 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-907060-93-7. – Текст : непосредственный.
3. **Абрамович, Г. Л.** Введение в литературоведение : учебник для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Г. Л. Абрамович. – [6-е изд., испр. и доп.] – Москва : Просвещение, 1975. – 352 с. – 150 000 экз. – Текст : непосредственный.
4. **Аджаматова, Н. К.** Кумыкская детская поэзия: формирование и развитие : монография / Н. К. Аджаматова. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2004. – 121 с. – 100 экз. – ISBN 5-250-12991-3. – Текст : непосредственный.
5. **Аджиев, А. А.** Поэт: проза, поэзия, публицистика : избранное [к 100-летию со дня рождения Анвара Аджиева] / А. А. Аджиев; сост. Б. Аджиев. – Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 2014. – 598 с. : ил. ; портр. ; 25 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-297-01757-3. – Текст : непосредственный.
6. **Аджиев, А. М.** Устное народное творчество кумыков : монография / А. М. Аджиев. – Махачкала : Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2005. – 428 с. ; 21 см. – 500 экз. – ISBN 5-94434-051-7. – Текст : непосредственный.
7. **Акавов, З. Н.** Детский мир Вагита Атаева: к проблеме поэтики кумыкской детской литературы : монография / З. Н. Акавов, Д. З. Атаева. – Махачкала : АЛЕФ, 2014. – 163 [1] с. : ил. ; 20 см. – ISBN 978-5-4242-0188-2. – Текст : непосредственный.
8. **Акавов, З. Н.** История кумыкской литературы Нового времени в культурно-историческом освещении : монография / З. Н. Акавов, Р. З. Акавов. –

Махачкала: ДГПУ, 2009. – 351 с. ; 21 см. – ISBN 978-5-9972-0024-4. – Текст : непосредственный.

9. **Акамов, А. Т.** Духовная литература кумыков (XVII–XX вв.) : монография / А. Т. Акамов. – Махачкала: Наука, 2008. – 322 с. ; 21 см. – ISBN 978-5-94434-126-6 (В пер.) – Текст : непосредственный.

10. **Александров, В. П.** Сергей Михалков / В. П. Александров. – Москва : Художественная литература, 1983. – 255 с. : 8 л. ил. ; 20 см. – 25 000 экз. – Текст : непосредственный.

11. **Александров, В. П.** Сквозь призму детства : [о советской многонациональной литературе 70–80-х годов для дошкольников и младших школьников] / В. П. Александров ; оформл. П. Сацкого. – Москва : Детская литература, 1988. – 174 с. ; 21 см. – ISBN 5-08-001074-6. – Текст : непосредственный.

12. **Алексеев, С. Т.** Хлебозоры : повесть / Сергей Алексеев. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. – 285, [3] с. ; 17 см. – 5000 экз. – ISBN 978-5-17-052486-0 (АСТ), ISBN 978-5-9713-8649-0 (АСТ МОСКВА). – Текст : непосредственный.

13. **Алексеева, М. И.** Советские детские журналы 20-х годов : монография / М. И. Алексеева. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 132 с. ; 21 см. – 4060 экз. – Текст : непосредственный.

14. **Алиева, М. А.** Песни о счастье: О творчестве народного поэта Дагестана Анвара Аджиева : монография / М. А. Алиева. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1988. – 111 с. : ил. ; 17 см. – 25 экз. – Текст : непосредственный.

15. **Алиева, Ф. А.** Дагестанская народная сказка: О сюжете бытовых сказок : монография / Ф. А. Алиева. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1983. – 126, [2] с. ; 17 см. – 2000 экз. – Текст : непосредственный.

16. **Алиева, Ф. А.** Колыбельная поэзия народов Дагестана: тематика и художественные приемы / Ф. Х. Алиева, Ф. Х. Мухамедова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 1 (79). Ч. 2. – С. 219–221.

17. **Алиева, Ф. А.** Художественная система детского поэтического фольклора Дагестана / Ф. А. Алиева, Ф. Х. Мухамедова, А. М. Бекеева. – DOI: 10.25136/2409-8698.2020.11.34158. – Текст : электронный // Litera. – 2020. – № 11. – С. 42–56. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34158 (дата обращения: 14.01.2021).

18. **Алиханова, А. А.** Дагестанская литературно-художественная книга: История становления. Проблемы типологии (1920–1990) : монография / А. А. Алиханова; отв. ред. К. О. Омаров. – Махачкала : Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2001. – 334, [2] с. : илл. ; 21 см. – 500 экз. – ISBN 5-94434-003-7. – Текст : непосредственный.

19. **Алхладова, И. Х.** Художественное своеобразие детской поэзии Джаминат Керимовой / И. Х. Алхладова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2019. – Том 12. – Вып. 3. – С. 414–417.

20. **Арзамасцева, И. Н.** Детская литература: учебное пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – [4-е изд., стереотип.] – Москва : Академия, 1998. – 448 с. – Текст : непосредственный.

21. **Асеков, И. Х.** Культурное наследие и советская поэзия кумыков : монография / И. Х. Асеков. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1972. – 154 с. ; 21 см. – Текст : непосредственный.

22. **Атаева, Д. З.** Фольклорные истоки детской поэзии кумыкского поэта Вагита Атаева / Д. З. Атаева. – Текст : непосредственный // Известия дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – №. 1 (14). – С. 57–62.

23. **Атаева, Д. З.** Особенности творчества кумыкского детского поэта Вагита Атаева / Д. З. Атаева. – Текст : непосредственный // Известия дагестанского государственного педагогического университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 85–90.

24. **Бабушкина, А. П.** История русской детской литературы : монография / А. П. Бабушкина. – Москва : Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1948. – 479, [1] с. ; 22 см. – Текст : непосредственный.
25. **Базанов, В. Г.** От фольклора к народной книге : монография / В. Г. Базанов. – Ленинград : Художественная литература, 1973. – 356 с.; 20 см. – Текст : непосредственный.
26. **Барто, А. Л.** Записки детского поэта / А. Л. Барто. – Москва: Советский писатель, 1978. – 352 с. ; 16 см. – 10 000 экз. – Текст : непосредственный.
27. **Баруздин, С. А.** Заметки о детской литературе / С. А. Баруздин. – Москва : Детская литература, 1975. – 366 с. ; 22 см. – Текст : непосредственный.
28. **Бегак, Б. А.** Дети смеются : очерки / Б. А. Бегак. – 2-е изд., доп. – Москва : Дет. лит., 1979. – 223 с. : ил. – 50 000 экз. – Текст : непосредственный.
29. **Бекеева, А. М.** Кумыкская детская поэзия 1950-х годов: темы, идеи, образы / А. М. Бекеева. – DOI: 10.37882/2223-2982.2023.8-2.02. – Текст : электронный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 8/2. – С. 100–102.
30. **Бекеева, А. М.** Кумыкская колыбельная песня в фольклоре и литературе / А. М. Бекеева. – DOI: 10.37882/2223-2982.2023.11.04. – Текст : электронный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 11. – С. 99–102.
31. **Бекеева, А. М.** Нравственная проблематика в поэзии А. М. Джачаева / А. М. Бекеева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 431–433.
32. **Бекеева, А. М.** О проблеме сохранения родных языков в поэме А. М. Джачаева «Родной язык – золотое сокровище» / А. М. Бекеева. – Текст : непосредственный // Родной язык – драгоценное достояние каждого народа: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной вопросам сохранения и развития родных языков. – Махачкала, 2019. – С. 27–32.

33. **Бекеева, А. М.** Фольклорные мотивы в литературной сказке Н. Байболотова «Путешествие Ветра» («Елни сапары»). – DOI: 10.37882/2223-2982.2023.11.05. – Текст : электронный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 11. – С. 103–105.
34. **Белинский, В. Г.** О детской литературе : сборник / В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов; сост. и примеч. С. Шиллегодского. – Москва : Детгиз, 1954. – 432 с. ; 22 см. – Текст : непосредственный.
35. **Берестов, В. Д.** Пробудить гениальность: о детской литературе, детском чтении и психологии детства : Статьи. Воспоминания. Беседы. Стихи / В. Д. Берестов. – Ярославль : Акад. развития, 2007. – 287 с., [8] л. ил., портр. : ил.; 21 см. – 3000 экз. – ISBN 978-5-7797-0382-6. – Текст : непосредственный.
36. **Брауде, Л. Ю.** Скандинавская литературная сказка : монография / Л. Ю. Брауде; отв. ред. Г. В. Аникин. – Москва : Наука, 1979. – 206, [2] с. : ил. ; 20 см. – 95 700 экз. – Текст : непосредственный.
37. **Ветухов, А. В.** Народные колыбельные песни / А. В. Ветухов. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение: издание этнографического отдела. – 1892. – № 1. – 131–154, 127–142, 96–115 с.; 26. – Текст : непосредственный.
38. **Винникотт, Д. В.** Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникотт ; [Пер. с англ. Н. М. Падалко]. – Москва : Класс, 1998. – 80 с. – ISBN 0-201-16516-3 (USA) ; ISBN 5-86375-101-0 (РФ). – Текст : непосредственный.
39. **Винникотт, Д. В.** Разговор с родителями / Д. В. Винникотт ; [Пер. с англ. М. Н. Почукаевой, В. В. Тимофеева]. – Москва : Класс, 2012. – 120 с. – 1000 экз. – ISBN 5-86375-009-X (РФ). – Текст : непосредственный.
40. **Виноградов, Г. С.** Народная педагогика / Г. С. Виноградов. – Текст : непосредственный // Камены. – Иркутск, 1997. – № 1–2. – С. 80–92.
41. **Виноградов, Г. С.** Страна детей : избранные труды по этнографии детства / Г. С. Виноградов ; сост., био- и библиография А. В. Грунцовского ;

подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой ; архивы В. В. Головина. – Санкт-Петербург : Историческое наследие, 1998. – 547 с. – Текст : непосредственный.

42. **Вишневская, Г. М.** Звукоизобразительность в традиционной английской детской поэзии: учебное пособие / Г. М. Вишневская, А. А. Егорова; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Ивановский гос. ун-т». – Иваново : Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2009. – 135 с. : ил. ; 21 см. – ISBN 978-5-7807-0774-5. – Текст : непосредственный.

43. **Вслух про себя** : сборник статей и очерков советских детских писателей / сост. А. И. Вислов, Ф. Е. Эбин ; авт. предисл. и примеч. Ф. Е. Эбин. – Москва : Дет. лит., 1975. – 318, [2] с. : ил. – 50 000 экз. – Текст : непосредственный.

44. **Гаджиева, Н. З.** Кумыкский язык / Н. З. Гаджиева. – Текст : непосредственный // Младописьменные языки народов СССР : сборник статей. – Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 503 с. : ил. ; 23 см. – Текст : непосредственный.

45. **Гамзатов, Г. Г.** Избранное. – Махачкала: Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, 2011. – 964с. ; 25 см. – ISBN 978-5-94434-193-8. – Текст : непосредственный.

46. **Гасан-Гусейнов, М.** К звездной сказке : литературно-критические заметки / М. Гасан-Гусейнов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1973. – 122, [2] с. – 2000 экз. – Текст : непосредственный.

47. **Гасан-Гусейнов, М. А.** Путешествие в страну Синегорию : заметки о дагестанской литератур / М. Гасан-Гусейнов. – Махачкала : Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 1991. – 147, [1] с.; 20 см. – 2 500 экз. – ISBN 5-7437-0224-1. – Текст : непосредственный.

48. **Головин, В. В.** Русская колыбельная песня в фольклоре и в литературе / В. В. Головин. – Турку : Åbo Akademi University Press, 2000. – 451, [8] с. ; 21 см. – ISBN 951-765-037-X. – Текст : непосредственный.

49. **Гончаров, И. Ф.** Подвигнут я тобою: Слово о матери / И. Ф. Гончаров ; оформл. И. Лужиной. – Ленинград : Дет. лит., Ленингр. отд-ние. 1988. – 143, [1] с. : ил. ; 22 см. – ISBN 5-08-000075-9. – Текст : непосредственный.

50. **Горький, М.** О детской литературе, детском и юношеском чтении : избранное / М. Горький ; сост., вступ. ст. и коммент. Н. Б. Медведевой ; оформл. В. Тогобицкого. – Москва : Дет. лит., 1989. – 224 с. – ISBN 5-08-000577-7. – Текст : непосредственный.

51. **Горький, М.** О литературе: Статьи и речи. 1928–1935 гг. / М. Горький. – Москва : Гослитиздат, 1935. – 429, [3] с. : портр.; 23x15 см. – 100 000 экз. – Текст : непосредственный.

52. **Гусейнов, М. А.** Национальная литература кумыков (вторая половина XIX – начало XX века) : монография / М. О. Гусейнов ; Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского науч. центра Российской акад. наук. – Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. – 358, [2] с. ; 20 см. – ISBN 978-5-91431-082-7. – Текст : непосредственный.

53. **Гусейнов, М. А.** Творческое наследие Анвара Аджиева / М. А. Гусейнов. – Текст : непосредственный // Вестник ИЯЛИ ДНЦ РАН. – 2014. – № 5. – С. 173–179.

54. **Дагестанская литература закономерности развития, 1965–1985** : коллективная монография / Ч. С. Юсупова и др. ; отв. ред.: Ч. С. Юсупова ; Дагестанский науч. центр Российской акад. наук, Ин-т яз., лит. и искусства им. Гамзата Цадасы. – Махачкала : Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского науч. центра Российской акад. наук, 1999. – 456 с.; 20 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.

55. **Детская литература** : сборник статей / отв. редактор Д. В. Красновская ; оформл. В. Андреевкова. – Москва : Дет. лит., 1980. – 128 с. – 30 000 экз. – Текст : непосредственный.

56. **Детская литература** : сборник статей / отв. редактор Д. В. Красновская ; оформл. В. Андрееenkova. – Москва : Дет. лит., 1982. – 206 с. – 30 000 экз. – Текст : непосредственный.

57. **Детская литература** : сборник статей / отв. редактор Д. В. Красновская ; оформл. В. Андрееenkova. – Москва : Дет. лит., 1985. – 192 с. – 30 000 экз. – Текст : непосредственный.

58. **Для человека растущего** : сборник статей / сост. В. Николаев, Л. Разгон. – [Москва] : Советская Россия, 1959. – 248 с. ; 23 см. – 10 000 экз. – Текст : непосредственный.

59. **Евсеев, В. Я.** Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов / В. Я. Евсеев. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы и народного творчества. – Петрозаводск, 1962. – Вып. 35. – С. 37–61.

60. **Есин, А. Б.** Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие / А. Б. Есин. – [3-е изд.] – Москва : Флинта : Наука, 2000. – 248 с. ; 21 см. – 3000 экз. – ISBN 5-89349-049-5 (Флинта), ISBN 5-02-011311-5 (Наука). – Текст : непосредственный.

61. **Зубарева, Е. Е.** Несущие тягу земную : очерки / Е. Е. Зубарева. – Москва : Дет. лит., 1980. – 192 с. : ил.; 20 см. – 50 000 экз. – Текст : непосредственный.

62. **Ильясов, Х. И.** Метафорический ряд поэзии М. С.-М. Атабаева / Х. И. Ильясов. – Текст : непосредственный // Литературное обозрение: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 138–144.

63. **История дагестанской советской литературы** : в 2 т. Том 1 / Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, яз. и литературы им. Гамзата Цадасы ; под общ. ред. А. Ф. Назаревича и Р. Ф. Юсуфова. – Махачкала : Изд-во Дагест. филиала АН СССР, 1967. – 499 с. ; 22 см. – Текст : непосредственный.

64. **Капиева, Н. В.** Заметки о детской литературе в Дагестане / Н. В. Капиева. – Текст : непосредственный // Дружба : литературный альманах. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1954. – С. 187–202.

65. **Капиева, Н. В.** По тропам времени. О писателях Дагестана / Н. В. Капиева. – Москва : Советский писатель, 1982. – 224 с. : ил.; 16 см. – Текст : непосредственный.

66. **Капица, О. И.** Детский фольклор : Песни, потешки, дразнилки, игры. Изучение. Собираание. Обзор материала / О. И. Капица ; Обертка: Е. Г. Дорфман. – Ленинград : Прибой, 1928. – 222 с., [2] с. объявл.; 20x14 см . – Текст: непосредственный.

67. **Капица, Ф. С.** Русский детский фольклор: учебное пособие для студентов вузов / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.: ил. ISBN 5-89349-417-2 (Флинта) ISBN 5-02-002926-2 (Наука). – Текст : непосредственный.

68. **Капица, Ф. С.** Русский детский фольклор : учебное пособие для студентов вузов / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2011. – 314, [1] с. : ил., портр.; 20 см. – ISBN 978-5-89349-417-4 (Флинта). – Текст : непосредственный.

69. **Когаргаш, И.** Ожерелье мудрости : собр. поуч. историй и изречений / И. Когаргаш. – Москва ; Санкт-Петербург : Диля, 2001. – 349, [2] с.; 22 см.; ISBN 5-8174-0190-8. – URL: <https://proza.ru/2013/03/21/2027> (дата обращения: 15.10.2022). – Режим доступа: Российский литературный портал Проза. ру. – Текст : электронный.

70. **Коринец, Ю.** О поэтическом мастерстве в деталях и в общем / Ю. Коринец. – Текст : непосредственный // Детская литература. – Москва : Детская литература, 1972. – С. 95–118.

71. **Кривоусова, З. Г.** Детские журналы как фактор формирования читательской культуры / З. Г. Кривоусова. – Текст : непосредственный // Филология и человек. – 2007. – № 4. – С. 129–134.

72. **Лейбсон, В. И.** Чему учат стихи? Детская поэзия и эстетическое воспитание / под ред. [и с предисл.] Т. Д. Полозовой ; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т

худож. воспитания. – Москва : Просвещение, 1964. – 104 с.; 20 см. – Текст : непосредственный.

73. **Лелевич, Г.** На путях изучения литератур Дагестана / Г. Лелевич ; авт. пред. И Алиева ; Даг. науч.-иссл. ин-т нац. культур при ЦИК ДАССР. – Ростов на Дону : Сев. Кавказ, 1934. – 65 с.; 25 см. – Текст : непосредственный.

74. **Линкова, И. Я.** Дети читают про нас / И. Я. Линкова ; Народный университет. Педагогический факультет. – Москва : Знание, 1975. – 96 с. : ил.; 16 см. – 250 000 экз. – Текст : непосредственный.

75. **Линкова, И. Я.** Час книги : [для детей] / И. Линкова. – Москва : Книга, 1988. – 124, [4] с. : ил. ; 17 см. – 100 000 экз. – ISBN 5-212-00032-7. – Текст : непосредственный.

76. **Литература Дагестана и жизнь** : сборник литературно-критических статей о современной дагестанской литературе. / сост. и авт. примеч. К. Абуков. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1978. – 91 с. ; 26 см. – Текст : непосредственный.

77. **Лойтер, С. М.** Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору / С. М. Лойтер. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2005. – 216 с. ; 20 см. – ISBN 5-8021-0442-2. – Текст : непосредственный.

78. **Маллалиев, Г. Н.** Формирование и развитие табасаранской детской литературы : монография / Г. Н. Маллалиев. – Махачкала : АЛЕФ, 2019. – 220 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-00128-299-0. – Текст : непосредственный.

79. **Маслинская, С. Г.** Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской) / Г. С. Маслинская. – Текст : непосредственный // Историко-педагогический журнал. – 2017. – № 1. С. 172–186.

80. **Миллер, В. Ф.** Фольклор народов Северного Кавказа: тексты; исследования / В. Ф. Миллер; сост., вступ. ст., коммент., библиогр. указ. А. И. Алиевой ; отв. ред., подгот. текста, пер. с осет. М. И. Исаева; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – Москва : Наука, 2008. – 997, [1] с. : [1] л. портр. : факс. ; 24 см. – 1000 экз. – Памятники отечественной науки. XX век / Российская академия наук, Научный совет Программы фундаментальных исслед.

Президиума РАН «Изд. тр. выдающихся ученых»). – ISBN 978-5-02-036011-2. – Текст : непосредственный.

81. **Мирзоев, Ш. А.** Народная педагогика Дагестана : содержание, формы и методы воспитания / Ш. А. Мирзоев; НИИ шк. им. А. А. Тахо-Годи. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1986. – 123, [1] с. ; 21 см. – Текст : непосредственный.

82. **Младописьменные языки народов СССР** : сборник статей // Акад. наук СССР. Институт языкознания ; отв. ред. доктора филол. наук Е. А. Бокарев и Ю. Д. Дешериев. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1959. – 503 с. ; 23 см. – Текст : непосредственный.

83. **Муртазалиев, А. М.** Жанр загадки в творчестве Багаутдина Астемирова (по материалам сборника «Кто знает?») / А. М. Муртазалиев, А. М. Хаджакаева (Бекеева). – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12 (90). – Ч. 1. – С. 47–52.

84. **Мусаханова Г. Б.** Очерки кумыкской дореволюционной литературы / Г. Б. Мусаханова ; Дагест. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. – Махачкала : [б. и.], 1959. – 116 с. ; 22 см. – Текст : непосредственный.

85. **Мухамедова, Ф. Х.** Дагестанская детская литература: историко-литературный очерк : монография / Ф. Х. Мухамедова ; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук. – Махачкала, 2001. – 376 с.; 22 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.

86. **Мухамедова, Ф. Х.** Дагестанская детская поэзия : монография / Ф. Х. Мухамедова. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1991. – 109, [2] с. ; 22 см. – ISBN 5-7437-0246-2 – Текст : непосредственный.

87. **Назаревич, А.** Отобранное по крупницам. Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок / А. Назаревич. – Махачкала : Юпитер, 1997. – 160 с. – Текст : непосредственный.

88. **Намычкина, Е. В.** Сказка как литературный жанр / Е. В. Намычкина. – Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – № 3/ 2. – С. 103–109.

89. **Нурғалина, Х. Б.** Реализация концепта «мать» в английской, русской и башкирской языковых картинах мира / Х. Б. Нурғалина, А. И. Зулкарнаева // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: материалы I Международной научно-практической Интернет-конференции, Орел, 14–16 апреля 2016 г. / под ред. О. Ю. Ивановой. – Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2016. – С. 52–55.

90. **Октябрьская, О. С.** Пути развития русской детской литературы XX века (1920–2000-е гг.) : учебное пособие / О. С. Октябрьская ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филологический фак. – Москва : МАКС Пресс, 2012. – 359 с. ; 22 см. – ISBN 978-5-317-04207-3. – Текст : непосредственный.

91. **Октябрьская, О. С.** Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов : монография / О. С. Октябрьская ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – 245, [1] с. ; 21 см. – 300 экз. – ISBN 978-5-317-05441-0. – Текст : непосредственный.

92. **Поэтика дагестанской советской литературы : сборник статей / сост.** М. И. Зулфукарова ; отв. ред. С. М. Хайбуллаев. – Махачкала: [б. и.], 1986. – 154, [2] с. ; 22 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.

93. **Приходько, В. А.** Поэт разговаривает с детьми : лит. очерки / В. А. Приходько. – Москва : Дет. лит., 1980. – 223 с.; 21 см. – 50 000 экз. – Текст : непосредственный.

94. **Разумневич, В. Л.** Книга на всю жизнь : рассказы о творчестве современных детских писателей : [для детей] / В. Л. Разумневич. – Москва : Просвещение, 1975. – 176 с. : портр.; 22 см. – Текст : непосредственный.

95. **Рыбникова, М. А.** Загадки / М. А. Рыбникова ; Орнаментация книги: Л. С. Хижинский. – Москва ; Ленинград : Academia, [1932] (Л. : тип. «Печатный двор»). – Суп.-обл., переплет, 486, [2] с. ; включ. т. л., 1 вкл. л. ил. : ил.; 18x13 см. – Текст : непосредственный.

96. **Сайчук, Б.** О некоторых стихотворных сборниках поэтов из республик / Б. Сайчук. – Текст : непосредственный // Детская литература. – 1989. – № 7. – С. 23–27.

97. **Сарнов, Б. М.** Самуил Маршак : очерк поэзии / Б. М. Сарнов. – Москва : Худож. лит., 1968. – 191 с., 1 л. портр. ; 17 см. – 25 000 экз. – Текст : непосредственный.

98. **Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения его Императорского Высочества главнокомандующего Кавказскою Армиею при Кавказском горском управлении.** – Репр. изд. – Москва : Адир, 1992. – Вып. 3. – 1992. – [358] разд. паг. – ISBN 5-86316-005-5. – Текст : непосредственный.

99. **Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа** : журнал / Управление Кавказского учебного округа. Тифлис : Упр. Кавказского учебного округа, 1881-1929. - 21-24 см. – Текст : непосредственный.

100. **Свод памятников народов Дагестана** : в 20 томах / под. ред. докт. филол. наук А. Т. Акамова; Ин-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН. – Москва : Наука, 2011. – ... – ISBN 978-5-02-036897-2. – Текст : непосредственный.

Т. 1 : Сказки о животных / сост. А. М. Ганиева ; отв. ред. А. М. Аджиев. – Москва : Наука, 2011. – 378 с. ; 24 см. – 990 экз. – ISBN 978-5-02-037512-3. – Текст : непосредственный.

Т. 7 : Детский фольклор / сост. Ф. З. Абакарова, Ф. Х. Мухамедова ; отв. ред. А. М. Аджиев. – Махачкала : ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2019. – 551 с. ; 24 см. – 100 экз. – ISBN 978-5-91431-190-9. – Текст : непосредственный.

Т. 10 : Легенды / сост. М. Р. Халидова, Ю. М. Муртузалиев ; отв. ред. Ф. А. Алиева. – Махачкала : ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2021. – 512 с. ; 24 см. – 300 экз. – ISBN 978-5-6047114-3-9. – Текст : непосредственный.

Т. 11 : Афористические жанры: пословицы, поговорки, загадки / сост. А. М. Султанмурадов, А. М. Бекеева. – Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; Изд-во АЛЕФ, 2023. – 862 с.

101. **Седакова, И. А.** Загадки / И. А. Седакова, С. М. Толстая. – Текст : непосредственный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. – Москва : Международные отношения, 1999. – С. 233–237.

102. **Сивоконь, С. И.** Веселые ваши друзья : очерки о юморе в советская литература для детей / С. И. Сивоконь ; оформл. В. Митченко. – Москва : Дет. лит., 1980. – 191 с.; 21 см. – 30 000 экз. – Текст : непосредственный.

103. **Сироид, Е.** Восемь знаменитых художников о детстве и детях / Е. Сироид. – Текст : электронный // Знания [сайт]. – 2019. – 1 июня. – URL: https://artchive.ru/publications/4039~Vosem'_znamenitkh_khudozhnikov_o_detstve_i_detjakh (дата обращения: 05.07.2021).

104. **Советская детская литература** : учебное пособие для библиотечных факультетов институтов культуры и педагогических вузов / под ред. В. Д. Разовой. – Москва : Просвещение, 1978. – 496 с. : ил. ; 22 см. – 200 000 экз. – Текст : непосредственный.

105. **Султанмурадов, А. М.** О четверостишиях Ахмеда Джачаева / А. М. Султанмурадов. – Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского научного центра РАО. – 2012. – № 4. – С. 101–109.

106. **Султанов, К. Д.** Избранное : воспоминания, статьи, неизданное, письма / ориг. и перевод, сост. К. К. Султанов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2011. – 592 с. : илл. ; 21 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-297-01433-6. – Текст : непосредственный.

107. **Султанов, К. Д.** Певцы разных народов : статьи и очерки о поэтах национальных республик Северного Кавказа / К. Д. Султанов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1971. – 459 с.; 21 см. – Текст : непосредственный.

108. **Султанов, К. Д.** Поэты Дагестана : критико-биограф. очерки / К. Д. Султанов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. – 179 с. ; 21 см. – Текст : непосредственный.

109. **Султанов, К. Д.** Этюды о литературах Дагестана / К. Д. Султанов. – Москва : Советский писатель, 1978. – 272 с. – Текст : непосредственный.

110. **Султанов, К. К.** Достоинство слова / К. К. Султанов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1976. – 96 с. ; 20 см. – 5000 экз. – Текст : непосредственный.

111. **Сурков, А. А.** Хорошую литературу – детям / А. А. Сурков. – Текст : непосредственный // Советская детская литература : сборник статей. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство детской литературы, 1953. – С. 5–23.

112. **Твардовский, А. Т.** О поэзии Маршака : статья написана в качестве предисловия к новому изданию собрания сочинений С. Я. Маршака, подготовленного издательством «Художественная литература» // А. Т. Твардовский. – Текст : электронный // Новый мир [сайт]. – 1968. – URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/LITRA/MARSH_POETRY.HTM (дата обращения: 5.01.2024).

113. **Традиционный фольклор народов Дагестана** / А. М. Аджиев [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Гамзатов, У. Б. Далгат ; Рос. АН, Даг. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы. – Москва : Наука, 1991. – 493, [1] с. ; 23 см. – 2200 экз. – ISBN 5-02-011468-5. – Текст : непосредственный.

114. **Услар, П. К.** Древнейшие сказания о Кавказе / Соч. бар. П. К. Услара ; С биограф. авт., напис. Л. П. Загурским и портр., грав. акад. И. П. Пожалостиним. – Тифлис : изд. Кав. воен.-нар. упр. при содействии Кавк. отд. Рус. геогр. общества, 1881. – [4], LXXXIV, 581 с. ; 1 л. портр.; 25. – (Сборник сведений о кавказских горах; Вып. 10). – Текст : непосредственный.

115. **Хаджакаева (Бекеева), А. М.** Анималистическая концепция в кумыкской детской поэзии XX века / А. М. Хаджакаева (Бекеева). – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2018а. – № 6 (73). – С. 458–461.
116. **Хаджакаева (Бекеева), А. М.** История возникновения детской литературы кумыков / А. М. Хаджакаева (Бекеева). – Текст : непосредственный // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. – 2018б. – № 13. – С. 242–245.
117. **Хаджакаева (Бекеева), А. М.** Колыбельные песни кумыкских поэтов в контексте народных песен / А. М. Хаджакаева (Бекеева). – Текст : непосредственный // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – 2018в. – № 20. – С. 178–185.
118. **Хаджакаева (Бекеева), А. М.** Образ матери в современной кумыкской детской поэзии / А. М. Хаджакаева (Бекеева). – Текст : непосредственный // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – 2018г. – С. 108–114.
119. **Хаджакаева (Бекеева), А. М.** Патриотические мотивы в кумыкской детской поэзии / А. М. Хаджакаева (Бекеева). – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2018д. – № 6 (73). – С. 566–568.
120. **Хаджакаева (Бекеева), А. М.** Проблема одинокой старости в поэзии А. М. Джачаева / А. М. Хаджакаева (Бекеева). – DOI 10.33580/2227-7978-2019-17-1-50-54. – Текст : непосредственный // Вестник ИЯЛИ ДФИЦ РАН. – 2019. – № 17. – С. 50–54.
121. **Хаметова, Х. Ш.** Стих-воспитатель / Х. Хаметова ; Мин-во просвещения Дагест. АССР. Ин-т усовершенствования учителей. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1969. – 44 с. ; 20 см. – 1500 экз. – Текст : непосредственный.
122. **Чуковский, К. И.** От двух до пяти / К. И. Чуковский. – Санкт-Петербург: Азбука, 2021. – 576 с. – 3000 экз. – Текст : непосредственный.

123. **Шхабацева, М. А.** Колыбельные песни в контексте обрядовой культуры адыгов / М. А. Шхабацева. – Текст : непосредственный // Вопросы кавказской филологии. – 2015. – № 11. – С. 173–181.

124. **Юсупова, Ч. С.** Дагестанская поэзия 1965–1985-х годов : монография / Ч. С. Юсупова ; Ин-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского науч. центра Российской акад. наук. – Махачкала : ИЯЛИ, 2012. – 215 с.; 21 см. – 100 экз. – ISBN 978-5-904621-62-9. – Текст : непосредственный.

125. **Akamov, A. T.** Artistic Originality of Children’s Poetry of Dzhaminat Kerimova / A. T. Akamov, F. Kh. Mukhamedova, I. Kh. Alkhlovova, A. M. Bekееva. – DOI.org/10.30560/ilr.v2n1p31 ISSN 2576-2974 E-ISSN 2576-2982. – Текст : электронный // International Linguistics Research. – 2019. – No 1. – Vol 2. – pp. 31–44. – URL: <https://j.ideasspread.org/index.php/ilr/article/view/271> (дата обращения: 11.05.2020).

126. **Akamov, A. T.** Influence of arab-muslim culture on the process of origin of Dagestan literature = Влияние арабо-мусульманской культуры на процесс зарождения дагестанской литературы / А. Т. Акамов, А. М. Векеева. – DOI: 10.7256/2454-0749.2022.4.35414. – Текст : электронный // Филология: научные исследования. – 2022. – № 4. – С. 23–28. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35414 (дата обращения: 25.01.2023).

127. **Akamov, A. T.** Poetic Interpretation of the Moral Values in the Poetry by Akhmed Dzhachaev / A. T. Akamov, A. M. Bekееva. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.20. – Текст : электронный // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – Grozny, 2021. – Vol. 107. – Pp. 148–157. – URL: https://www.researchgate.net/publication/351644723_Poetic_Interpretation_Of_The_Moral_Values_In_The_Poetry_By_Akhmed_Dzhachaev (дата обращения: 25.11.2021).

128. **Akamov, A. T.** Quranic Motifs in the Kumyk Religious Literature / A. T. Akamov, A. M. Bekееva. – DOI: 10.25136/1339-3057.2021.4.35480. – Текст : электронный // Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences. – 2021.

– № 4. – pp. 30–42. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35480 (дата обращения: 14. 03. 2021).

129. **Bekeeva, A. M.** Artistic System of Dagestan Children's Poetic Folklore / A. M. Bekeeva, F. A. Alieva, F. Kh. Mukhamedova. – DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.18. – Текст : электронный // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – Grozny, 2021. – Vol. 107. – Pp. 127–139. – URL: https://www.researchgate.net/publication/351650698_Artistic_System_Of_Dagestan_Children'S_Poetic_Folklore (дата обращения: 10.11.2021).

130. eLIBRARY. RU : научная электронная библиотека : сайт. – Москва, 2000. – URL : <https://elibrary.ru> (дата обращения : 2018–2024 гг.) – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст : электронный.

Справочная литература

131. **ГОСТ Р 7.0.11–2011.** Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления. – Москва : Стандартинформ, 2012. – 11 с. – 106 экз. – Текст : непосредственный.

132. **ГОСТ Р 7.0.100–2018.** Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления. – Москва : Стандартинформ, 2018. – 65 с. – 40 экз. – Текст : непосредственный.

133. **Дагестанская детская художественная литература (1938–1972) :** библиографический указатель / сост. В. И. Супрун. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1974. – 120 с. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

134. **Дагестанская детская художественная литература (1988–1993) :** библиогр. указ. / сост. Т. В. Ситкова. – Махачкала : [б. и.], 1995. – 74,[1] с. ; 20 см. – Текст : непосредственный.

135. **Кумыкские писатели IX–XXI вв.** : справочник / сост. Б. Магомедов, Г. Оразаев, Ю. Идрисов ; цикл «Писатели Дагестана». – Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 2014. – 348 с. – Текст : непосредственный.

136. **Литературы народов России. XX век** : словарь / отв. ред. Н. С. Надъярных ; Российская академия наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва : Наука, 2005. – 364, [1] с. ; 25 см. – ISBN 5-02-010208-3. – Текст : непосредственный.

137. **Писатели Дагестана: из века в век** : справочник / автор-сост. М. Ахмедова. – Махачкала : Дагестанское кн. изд-во, 2009. – 399 с. : портр. ; 21 см.; – ISBN 978-5-297-01606-4. – Текст : непосредственный.

Источники

138. **Абакарова, Р.** Яхшы ёл = В добрый путь / Р. Абакарова. – Махачкала : Мавел, 2007. – 192 с. ; 17 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

139. **Абдуллатипов, А. Ю.** Къумукъ адабиятдан = Учебник-хрестоматия для учащихся 9 кл. / А. Ю. Абдуллатипов, А. М. Аджиев. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2008. – 272 с. ; 21 см. – ISBN 978-5-94328-255-3. – Текст : непосредственный.

140. **Абусуев, С.** Гюл байлам = Букет роз : сборник стихов и переводов / С. Абусуев. – Махачкала : Дагестан, 2016. – 80 с. – ISBN 978-5-9909247-0-3. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

141. **Аджаматов, А. А.** Айны уьстюндеги кьойчу = Чабан на луне : [для сред. школьного возр.] / А. А. Аджаматов ; [Худож. С. Салаватов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1964. – 105 с. ; 20 см. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

142. **Аджаматов, А. А.** Дос уьуне дос тюшген = В кругу друзей : [для сред. и ст. школьного возр.] / А. А. Аджаматов ; [Худож. Э. В. Лубьянов]. – Махачкала :

Дагучпедгиз, 1991. – 134, [2] с. ; 21 см. – 2000 экз. – ISBN 5-7437-0202-0. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

143. **Аджиев, А. А.** Авузгъа бош акъ бабиш = Болтливая утка : стихи и сказки / А. Аджиев, Б. Гаджимурадов, М. Темиров, Н. Магомедов ; [Худож. И. А. Хумаев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1992. – 52с. ; 20 см. – Текст : непосредственный.

144. **Аджиев, А. А.** Гюнню къызлары = Дочери солнца : [для млад. школьного возр.] / А. А. Аджиев ; [Худож. Ш. Бурниев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1968. – 40 с. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

145. **Аджиев, А. А.** Дарай кёпюр = Мост-радуга : стихи, поэмы, сказки [для мл. и сред. школьного возраста] / А. А. Аджиев. Махачкала : Дагучпедгиз, 1974. 126, [2] с. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

146. **Аджиев, А. А.** Къужурлу къурдашлар = Боевые ребята : стихи, поэмы, сказки / А. А. Аджиев ; [Худож. Экев] . – Махачкала : Даггиз, 1948. – 90 с. – 3100 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

147. **Аджиев, А. А.** Менэтер = Я сам : стихи и поэмы [для дошк. возраста] / А. Аджиев ; [Худож. М. Аджимурзаева]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1983. – 24 с. : ил.; 22 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

148. **Аджиев, А. А.** Мююзлю тав = Рогатая гора : [для мл. школьного возр.] / А. А. Аджиев ; [Худож. Г. Д. Конопацкая]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1966. – 43 с. ; 21 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

149. **Аджиев, А. А.** Поэт: Проза, поэзия, публицистика / сост. Б. Аджиев. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2014. – 600 с. ; 25 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-297-01757-3. – На русск. и кум. яз. – Текст : непосредственный.

150. **Аджиев, А. А.** Рыжий садовник : стихи [для ст. и сред. школьного возраста] : [Пер. с кумык.] / [Ил.: И. Хумаев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1973. – 67 с. : ил.; 17 см. – Текст : непосредственный.

151. **Аджиев, А. А.** Сайламлы асарлары = Избранные произведения / сост. С. Акбиев, М. Магомедова ; [Худож. З. Н. Казанбеева]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1996. – 72 с. ; 20 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.

152. **Аджиев, А. А.** Юлдузат : [стихи для сред. школьного возр.] / А. А. Аджиев. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1971. – 48 с. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

153. **Аджиев, А. А.** Юлдузлу ёллар = Звездные пути : стихи, поэмы и сказки [для ст. школьного возраста] / А. А. Аджиев. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1961. – 103 с. ; 21 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

154. **Аджиев, А. М.** Къумукъ адабият = Кумыкская литература : учебник-хрестоматия для учащихся 6 кл. / А. М. Аджиев, М.-Г. Д. Акаев, С. А. Магомедова. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2008. – 176 с. ; 26 см. – 13 020 экз. – ISBN 978-5-94328-247-8. – Текст : непосредственный.

155. **Аджиев, Б. А.** Гиччи космонавт = Маленький космонавт : стихи / Б. А. Аджиев ; [Худож. П. Р. Башиев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1990. – 56с. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

156. **Аджиев, Б. А.** Ибрашканы чабагъы = Ибрашкина рыбка / Б. А. Аджиев ; [Худож. Н. Чоракаева]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1980. – 38с. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

157. **Айгумов, Г.** Парнакъси = Парнакси : стихи и поэмы / Г. Айгумов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2012. – 151 с. : цв. ил. ; 17 см. – 300 экз. – ISBN 978-5-297-01627-9. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

158. **Акаев, А. З.** Гиччипав = Малышок : [для млад. школьного возр.] / А. З. Акаев ; [Худож. И. Хумаев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1991. – 52 с. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

159. **Акаев, А. З.** Дарс = Урок : стихи и поэма [для мл. шк. возраста] / А. З. Акаев ; [Худож. И. Тимофеев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1982. – 31, [1] с. ; 22 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

160. **Акаев, А. З.** Уллу болма сюемен = Хочу стать большим / А. З. Акаев ; [Худож. А. Павлюк]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1977. – 24 с. ; 2 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

161. **Алимханов, Ю. А.** Герти ёлдашлар = Верные друзья : [для шк. возр] / Ю. А. Алимханов ; [Худож. С. Салаватов]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1958. – 34 с. ; 20 см. – 3000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

162. **Алимханов, Ю. А.** Пионерлени йырлары = Песни пионерии : [для млад. школьного возраста] / Ю. А. Алимханов ; [Худож. И. Садыков]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1969. – 47 с. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

163. **Алишева, Ш.-Х.** Гьарсинчек = Качели / Ш.-Х. Алишева. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1984. – 38с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

164. **Ана тилиме савгъат** = Подарок моему родному языку : сборник стихотворений и поэм, посвященных родному языку / сост. Гасан Оразаев. – Махачкала : АЛЕФ, 2018. – 368 с. ; 21 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-00128-032-3. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

165. **Арсланова, Н.** Аямдагъы гёбелек = Бабочка на ладони : стихи. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2014. – 128 с. – ISBN 978-5-297-018035-7. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

166. **Арсланова, Н.** Далилим ёкъ юрекден башгъа = Доказательства нет, кроме сердца : [стихи] / Н. Арсланова. – Махачкала: Дагпресс Медиа, 2019. – 204 с. ; 21 см. – 1000 экз. – ISBN 978-5-6043638-9-8. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

167. **Асеков, И. Х.** Жанлы толкъун = Живая волна : стихи и поэма [для мл. шк. возраста] / И. Х. Асеков ; [Худож. М. Гасангусейнов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1983. – 44 с. : ил. ; 21 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

168. **Асеков, И. Х.** Уллу умутлар = Светлой дорогой : [для сред. и ст. школьного возр.] / И. Х. Асеков ; [Худож. Г. Р. Валиев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1989. – 87 с. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

169. **Асеков, И. Х.** Шат тавушлар = Радостные голоса : [для дошк. и млад. школьного возр.] / И. Х. Асеков ; [Худож. И. Садыков] . – Махачкала : Дагучпедгиз, 1965. – 40 с. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

170. **Асеков, И. Х.** Юртда эртен = Утро в ауле : [для млад. школьного возр.] / И. Х. Асеков ; [Худож. В. Бевз]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1976. – 93, [1] с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

171. **Аскеров, Н.** Эслилер эсге сала = Старшие напоминают : стихи [для мл. шк. возраста] / Н. Аскеров. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1988. – 31,[1] с. ; 17 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

172. **Аскерханов, А.** Къарчыгъа = Соколенок : стихи [для мл. шк. возраста] / А. Аскерханов ; [Худож. М. А. Шарыпова]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1988. – 45, [1] с. : ил.; 22 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

173. **Астемиров, Б. А.** Ким биле? = Кто знает? Сборник загадок. – Махачкала : [б. и.], 1957. – 16 с. ; 21 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

174. **Астемиров, Б. А.** Къуванчлы яшлыкъ = Счастливое детство : [для мл. шк. возраста] / Б. А. Астемиров ; [Худож. А. Семенов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1965. – 28 с. ; 21 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

175. **Атабаев, М. С.** Бавдагъы балыкълар = Рыбы в саду : [для сред. и ст. школьного возр.] / М. С. Атабаев ; [Худож. С. Магомедов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1974. – 64 с. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

176. **Атабаев, М. С.** Ёлтабар : стихи и поэма [для мл. школьного возр.] / М. С. Атабаев ; [Худож. Л. Демидов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1978. – 55, [1] с. ; 20 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

177. **Атабаев, М. С.** Мени къурдашларым = Мои друзья : стихи / М. С. Атабаев ; [Худож. М. Ш. Муталибов]. – Махачкала : НИИ педагогики, 2005. – 50 с. ; 26 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

178. **Атаев, В. А.** Бакъ-бакъ = Утенок : стихи [для мл. школьного возр.] / В. А. Атаев ; [Худож. С. Магомедова]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1983. – 31 с. : ил.; 22 см. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

179. **Атаев, В. А.** Бёлелей = Баю-баю : [для мл. школьного возраста] / В. А. Атаев. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1979. – 71, [1] с. ; 17 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

180. **Атаев, В. А.** Вёре, айтма папама = Папе не говори ... / В. А. Атаев. – Буйнакск : [б. и.], 1995. – 89, [2] с. ; 20 см. – 7000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

181. **Атаев, В. А.** Гюлайлан = Подсолнух : стихи [для детей дошк. возр.] / В. А. Атаев ; [Худож. Н. И. Малачева]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1987. – 54,[1] с. : ил.; 22 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

182. **Атаев, В. А.** Гюн, чыкъ! = Выйди, солнышко! [Стихи для детей] / Вагит Атаев ; [Худож. Т. Р. Сулейманов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1991. – 41, [2] с. : ил.; 22 см. – ISBN 5-7437-0185-7. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

183. **Атаев, В. А.** Кошка и лепешка : [для дошк. и мл. школьного возр.] ; [Пер. с кум.] – Махачкала : [б. и.], 1995. – 76, [2] с. ; 22 см. – 10 000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

184. **Атаев, В. А.** Сайламлы асарлары = Избранное : сборник прозы и поэзии / В. А. Атаев. – Махачкала, Даг. кн. изд-во, 2019. – 304 с. ; 19 см. – ISBN 978-5-297-02054-2. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

185. **Атаев, В. А.** Яшлар – яшавну чечеклери = Дети – цветы жизни : стихи, загадки, рассказы / В. А. Атаев ; [Худож. Р. Джамамедов]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2008. – 304 с. ; 17 см. – ISBN 978-5-297-01415-2. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

186. **Атаев, В. А.** Яшлыкь = Юность : стихи, двустишия, четверостишия, загадки, юморески, короткие рассказы, сказки, песни для детей / В. А. Атаев. – Махачкала : Лотос, 2017. – 456 с. ; 22 см. – 1000 экз. – ISBN 578-9-91471-098-6. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

187. **Ачаканов, А. С.** Яшав ёллар = Дороги жизни : стихи и поэмы / А. С. Ачаканов. – Махачкала : Дельта-Пресс, 2010. – 256 с. ; 18 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

188. **Байболатов, Н. З.** Алгъасайман оьсмеге = Я тороплюсь расти / Н. З. Байболатов. – Махачкала : Лотос, 2017. – 132 с. ; 18 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

189. **Балкюмес** = Кувшин с медом : [для мл. шк. возр.] / сост. Р. Исаева ; [Худож. А. Ш. Ризаев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1986. – 47 с. ; 21 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

190. **Верблюжонок** : [для ст. школьного возр.] / И. Асеков, М. Басиев, А. Кукулиев ; [Переводы Ю. Хазанова]. – Москва : Малыш, 1968. – 19 с. ; 12 см. – Текст : непосредственный.

191. **Гаджакаев, Л.** Айтар сёзюм / Л. Гаджакаев. – Махачкала : Новый день, 2002. – 112 с. ; 18 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

192. **Гаджихмедов, Н. Э.** Къумукъ адабият. 3 класс : умуми билим береген школалар учун охув китап = Литературное чтение. 3 класс : учеб. пособие на кумыкском языке для общеобразоват. организаций / Н. Э. Гаджихмедов, М. А. Висаидова. – Москва ; Санкт-Петербург : Просвещение, 2019. – 259 с. ; 26 см. – 7295 экз. – ISBN 978-5-09-074937-7. – Текст : непосредственный.

193. **Гаджихмедов, Н. Э.** Къумукъ адабият. 4 класс : умуми билим береген школалар учун охув китап = Литературное чтение. 4 класс : учеб. пособие на кумыкском языке для общеобразоват. организаций / Н. Э. Гаджихмедов, М. А. Висаидова, А. З. Акаев. – Москва ; Санкт-Петербург : Просвещение, 2019. – 233 с. : ил. ; 26 см. – 1884 экз. – ISBN 978-5-09-074937-4. – Текст : непосредственный.

194. **Гаджихмедов, Н. Э.** Къумукъланы айтывлары ва аталар сёзлери = Кумыкские пословицы и поговорки : [около 25 тыс. посл. и погов.]. – Махачкала : Изд-во ИП Хайбуллина Ф. Ф. «Типография Вега», 2017. – 544 с. ; 21 см. – 200 экз. – ISBN 978-5-9500906-2-2. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

195. **Гамидов, А. М.** Бизин юртну яшлары = Дети нашего села : [для млад. школьного возраста] / А. Гамидов, П. Абукова ; [Худож. М. Муталибов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1984. – 36, [1] с. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

196. **Гамидов, А. М.** Ай кьайда кьалгьан экен = Луна пропала / А. М. Гаджиев ; [Худож. М. Аджимурзаева]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1981. – 27, [1] с. ; 21 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

197. **Джачаев, А. М.** Акъ тайым = Мой белый жеребенок : стихи [для мл. шк. возраста] / А. М. Джачаев ; [Худож. Ш. Ю. Мататов, С. Н. Амиров]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1988. – 59, [2] с. : ил. ; 21 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

198. **Джачаев, А. М.** Акъ туюкьлы тулпарым = Белокопытый мой конь. – Махачкала : Дагестан, 2017. – 252 с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

199. **Джачаев, А. М.** Ана тил – алтын хазна = Родной язык – золотое сокровище : поэма / А. М. Джачаев ; [Худож. Ш. Джачаев]. – Махачкала : Республиканская газетно-журнальная типография, 2009. – 128 с. ; 17 см. – 500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

200. **Джачаев, А. М.** Ана-бала = Напев колоса : стихи [для сред. и ст. шк. возраста] / А. М. Джачаев ; [Худож. В. Комаров]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1977. – 80 с. ; 16 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

201. **Джачаев, А. М.** Арагьызда яшайман = Живу среди вас : стихи, сонеты, поэмы / А. М. Джачаев ; [Худож. Э. Лубьянов]. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1991. – 606, [2] с. ; 17 см. – ISBN 5-297-01086-1. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

202. **Джачаев, А. М.** Гьайт, Дагьыстан = Наш Дагестан: поэмы / А. М. Джачаев. – Махачкала: Дагестан, 2020. – 440 с. ; 27 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-6042868-4-5. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

203. **Джачаев, А. М.** Два крыла: стихи, сонеты, баллады / А. М. Джачаев ; [Пер. с кум. яз.] – [2-е изд.]. – Махачкала : Дагестан, 2015. – 528 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-9906186-5-7. – Текст : непосредственный.

204. **Джачаев, А. М.** Диалог с орлом : стихи и поэма / А. М. Джачаев ; [Пер. с кум. яз.]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2009. – 500 с. : илл. ; 22 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-297-01465-7. – Текст : непосредственный.

205. **Джачаев, А. М.** Добрый Нугбек : стихи [для детей дошко. возр.] / А. М. Джачаев ; [Пер. с кум. Н. Меновщиковой]. – Москва : Малыш, 1985. – 44 с. – 150 000 экз. – Текст : непосредственный.

206. **Джачаев, А. М.** Небесный скакун : стихи для детей / А. М. Джачаев ; [Пер. с кум. Н. Меновщиковой] ; [Худож. М. Муталибов]. – [Махачкала] : [б. и.] , [2020?]. – 17, [1] с. ; 29 см. – 500 экз. – Текст : непосредственный.

207. **Джачаев, А. М.** Поэт: стихи, сонеты, баллады, поэмы / А. М. Джачаев ; [Пер. с кумык. яз.]. – Махачкала: Дагестан, 2019. – 488 с. : илл. ; 21 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-6040880-8-1. – На кум. и русск. яз. – Текст : непосредственный.

208. **Джачаев, А. М.** Сайламлы асарларыны уьч китаплыкъ жыйымы = Избранное : в 3 т. Т. 1 : Ответ орла / А. М. Джачаев ; [Худож. А. Шарыпов]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2000. – 556, [4] с. ; 17 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

209. **Джачаев, А. М.** Сайламлы асарларыны уьч китаплыкъ жыйымы = Избранное : в 3 т. Т. 2 : Сердце матери / А. М. Джачаев ; [Худож. А. Шарыпов]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2001. – 574 с. ; 17 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

210. **Джачаев, А. М.** Сайламлы асарларыны уьч китаплыкъ жыйымы = Избранное : в 3 т. Т. 3 : Любовь жива / А. М. Джачаев ; [Худож. А. Шарыпов]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2003. – 574 с. ; 17 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

211. **Джачаев, А. М.** Сайламлы асарларыны эки китабы = Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэма / А. М. Джачаев. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1994. – 592 с. 417 см. – ISBN 5–297–00800–X. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

212. **Джачаев, А. М.** Сайламлы асарларыны эки китабы = Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. Стихотворения, сонеты и поэмы / А. М. Джачаев ; [Худож. А. Шарыпов, Э. Лубьянов, И. Хумаев, Ш. Джачаев]. – Махачкала : Даг. кн.

изд-во, 1994. – 604, [4] с. ; 17 см. – ISBN 5–297–00800–X. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

213. **Дингир-дангарчу** : [для млад. школьного возр.] / сост. А. Р. Раджабов ; [Худож. С. Муртузалиев] ; Сборник издан к VI съезду писателей Дагестана. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1975. – 78, [2] с. ; 17 см. – 10 000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

214. **Закавов, Ж. Ж.** Къаракъуш = Орел / Ж. Ж. Закавов ; [Худож. М. Аджимурзаева]. – [Махачкала] : [б. и.], [2018?]. – 16 с. ; 27 см. – 1500 экз. – Текст : непосредственный.

215. **Закавов, Ж. Ж.** Тангъа ачылгъан эшик = Дверь в рассвет : стихи, поэмы / Ж. Ж. Закавов ; [Худож. Р. Алиев]. – Махачкала : Республиканская газетно-журнальная типография, 2007. – 272 с. ; 21 см. – Текст : непосредственный.

216. **Закавова, А.** Тюшню ичинде тюш = Сон во сне : стихи / А. Закавова ; [Худож. Р. Джамамедов]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2008. – 208 с. ; 17 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-297-01420-6. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

217. **Залимханов, А. У.** Яхшылыкъ = Вдохновение : стихи [для ст. и средн. шк. возр.]. / А. У. Залимханов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1973. – 51 с. ; 14 см. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

218. **Заурова, Я.** Яшлар-къатарбашлар = Дети-сорванцы / Я. Заурова ; [Худож. З. Товбериева]. – Махачкала : Абусупиян, 2013. – 102, [2]с. ; 20 см. – 500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

219. **Исаев, И. И.** Майчыракъ = Свеча : стихи / И. И. Исаев [Худож. Б. Умаров]. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1982. – 63 с. ; 16 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

220. **Исаев, И. И.** Яшасын яшав! = Да здравствует жизнь! / И. И. Исаев ; [Худож. И. Акаев]. – Махачкала : [б. и.], 2000. – 319 с. ; 20 см. – 500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

221. **Казияв Али.** Мен аювну тутгъан кюй = Как я поймал медведя / Казияв Али. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1956. – 14 с. ; 21 см. – 3000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

222. **Кельбеханов, Р. М.** Литература народов Дагестана : учебник-хрестоматия для учащихся 7 кл. / Р. М. Кельбеханов, М. Х. Гаджихмедова. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2009. – 296 с. ; 26 см. – 7000 экз. – ISBN 978-5-94328-282-9. – Текст : непосредственный.

223. **Керимов, И.** Къумукъ адабият = учебник-хрестоматия. 5 кл. / И. Керимов. – [2-е изд.] – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2008. – 152 с. ; 22 см. – 7200 экз. – ISBN 978-5-94328-261-4. – Текст : непосредственный.

224. **Керимова, Д. А.** Гюнсагъат = Солнечные часы : стихи и поэма [для мл. шк. возраста] / Д. А. Керимова ; [Худож. А. Хаджаев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1985. – 28 с. : ил., 21 см. – На кум. яз.

225. **Керимова, Д. А.** Ярыш алгъан къыз = Победительница : стихи [для мл. шк. возраста] / Д. А. Керимова. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1989. – 48 с. : ил.; 22 см. – 2000 экз. – На кум. яз.

226. **Къарчыгъа** = Соколенок / сост. З. Г. Атаева. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1990. – 188 с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

227. **Къарчыгъа** = Соколенок : антология / сост. А. Акаев, Ш.-Х. Алишева ; гл. ред. А. Г. Даганов ; [Худож. К. И. Супьянов]. – Махачкала : Редакция литературного журнала Союза писателей РД, 2002. – 183 с. ; 22 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

228. **Къарчыгъа** = Соколенок : иллюстрированный детский журнал / учредитель Правительство Республики Дагестан ; главный редактор А. Даганов. – Махачкала, 2008. – № 4. – 24, [1] с. – Выходит 1 раз в два мес. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

2009, № 5. – 1315 экз. ; 2010, № 2. – 1142 экз. ; 2012, № 1. – 1340 экз.

229. **Къарчыгъа** = Соколенок : иллюстрированный детский журнал / учредитель Правительство Республики Дагестан ; главный редактор М. Ахмедов. –

Махачкала, 2013. – № 6. – 24, [1] с. – Выходит 1 раз в два мес. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

2016, № 1. – 1000 экз. ; 2016, № 3–4. – 1053 экз. ; 2017, № 3. – 1095 экз. ; 2017, № 4, 6. – 1175 экз. ; 2019, № 2. – 1175 экз. ; 2020, № 2. – 1180 экз. ; 2020, № 4/5. – 993 экз.

230. **Къумукъ халкъ авуз яратывчулугъу = Кумыкское устное народное творчество. Сокровищница песен** : в 3 т. Том 1. / сост., авт. вступ. слова и коммент. А. М. Аджиев. – Махачкала: Дагестан, 2018. – 508 с. – ISBN 978-5-6040880-6-7. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

231. **Къумукъ халкъны айтывлары ва аталар сёзлери = Пословицы и поговорки кумыкского народа** / сост. А. Аджиев, И. Аджиев. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2018. – 420 с. ; 27 см. – 300 экз. – ISBN 978-5-297-01923-2. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

232. **Къумукъча-орусча сёзлюк = Кумыкско-русский словарь** [более 30 тыс. слов] / под. ред. Б. Г. Бамматова. – Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 527 с. ; 30 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-91431-086-5. – Текст : непосредственный.

233. **Литературадан хрестоматия, 7-нчи класс = Литературная хрестоматия для учащихся 7 класса** / сост. К. Д. Султанов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1989. – 200 с. – 4 500 экз. – Текст : непосредственный.

234. Личный архив Н. Байболатова

235. **Магомедова, С. А. Къумукъ адабият = Кумыкская литература** : учебное пособие-хрестоматия для учащихся 7 кл. / С. А. Магомедова, З. С. Адильгереева. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2013. – 216 с. ; 26 см. – 5000 экз. – ISBN 978-5-94328-332-1. – Текст : непосредственный.

236. **Мамаева, С. М. Ай-яй-яй... / С. М. Мамаева ; [Худож. М. И. Аджимурзаева].** – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2005. – 16 с. ; 26 см. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

237. **Мамаева, С. М.** Живой родник : [для дошк., школьного возраста] / С. М. Мамаева, Л. Х. Абдуллина. – Уфа : [б. и.], 2021. – 16 с. ; 26 см. – 1500 экз. – На башк., кум., англ. и русск. яз. – Текст : непосредственный.

238. **Мамаева, С. М.** Сайламлы асарлары = Избранное : сб. поэзии / С. М. Мамаева. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2018. – 304 с. ; 21 см. – 300 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

239. **Мамаева, С. М.** Тюекъуш = Страус / С. М. Мамаева ; [Худож. М. Аджимурзаева]. – Махачкала : Дагпресс–Медиа, 2008. – 8 с. ; 20 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

240. **Меджидов, А. А.** Акъ ташмы, къара ташмы = Белый камень или черный : стихи / А. А. Меджидов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1981. – 32, [2] с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

241. **Меджидов, А. А.** Анам гюнню гелтирген = Мама солнце принесла : стихи [для мл. шк. возраста] / А. А. Меджидов ; [Худож. А. Акавов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1983. – 28 с. : ил.; 22 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

242. **Меджидов, А. А.** Байлыгъым = Мое богатство : стихи / А. А. Меджидов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1988. – 96 с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

243. **Меджидов, А. А.** Бойнагъым = Белошейка : стихи [для дошк. и мл. шк. возр.] / А. А. Меджидов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1963. – 35 с. – 27 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

244. **Меджидов, А. А.** Кизилые сережки: стихи / А. А. Меджидов ; [Пер. с кум. В. Лунина]. – Москва : Дет. лит., 1988. – [16] с. : цв. ил.; 28 см. – ISBN 5-08-001343-5 – Текст : непосредственный.

245. **Меджидов, А. А.** Къонгуравлу чечеклер = Колокольчики : стихи / А. А. Меджидов ; [Худож. И. А. Хумаев]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1996. – 102 с. ; 21 см. – 1000 экз. – ISBN 5-7437-0985-8. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

246. **Меджидов, А. А.** Сариялым = Желтогривый мой : стихи и сказки [для дошк. возр.] / А. А. Меджидов ; [Худож. М. Аджимурзаева]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1987. – 98, [5] с. : ил.; 16 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

247. **Меджидов, А. А.** Чум сыргъалар = Кизилые сережки : стихи и загадки / А. А. Меджидов ; [Худож. М. Ш. Аджимурзаева]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1992. – 101, [2] с. ; 21 см. – ISBN 5-7437-0385-х. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

248. **Ольмесов, Н. Х.** Къумукъ тил : 10–11 класлар учун = Кумыкский язык : 10–11 кл. / Н. Х. Ольмесов, Н. Э. Гаджихмедов. – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2001. – 168 с. ; 26 см. – 9000 экз. – ISBN 5-94328-002-2. – Текст : непосредственный.

249. **Солтанбеков, С. С.** Сыралы санавлар, сёзлер ва оюнлар = Волшебные цифры, слова и игры / С. С. Солтанбеков. – Махачкала : [б. и.], 2002. – 48, [1] с. ; 22 с. – 1000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

250. **Сулейманов, А.-В. Б.** Насибин излевчю = Искатель счастья / А.-В. Б. Сулейманов ; [Худож. Ю. Маллаев]. – Махачкала : Даггиз, 1948. – 69 с. – 3100 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

251. **Сулейманов, А.-В. Б.** Насибин излевчю = Искатель счастья / А.-В. Б. Сулейманов ; [Худож. С. Салаватов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1964. – 56 с. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

252. **Султанов, К. Д.** Будай бюртюк = Пшеничное зерно / К. Д. Султанов, [Худож. Л. Брузгин]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1964. – 117, [1] с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

253. **Султанов, К. Д.** Гёгюрчюнлер = Голуби : стихи и сказки [для сред. школьного возр.] / К. Д. Султанов ; [Худож. С. Салаватов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1961. – 142 с. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

254. **Султанов, К. Д.** Гюнню шавласы = Лучи солнца / К. Д. Султанов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1962. – 176, [1] с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

255. **Султанов, К. Д.** Ёмакълар = Сказки / К. Д. Султанов. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1955. – 57 с. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

256. **Султанов, К. Д.** Къушлар къайтагъанда = Когда возвращаются птицы [для ст. и сред. школьного возр.] / К. Д. Султанов ; [Худож. С. Салаватов]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1966. – 80, [1] с. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

257. **Султанов, К. Д.** Тамурлар = Корни : [для сред. школьного возр.] / К. Д. Султанов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1963. – 131, [1] с. – 1500 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

258. **Султанов, К. Д.** Тамурлар = Корни : стихи / К. Д. Султанов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1992. – 248 с. – 1000 экз. – ISBN 5-297-00995-2. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

259. **Султанов, К. Д.** Юлдузлар = Звезды / К. Д. Султанов. – Махачкала : Даггосиздат, 1949. – 91, [1] с. – 2000 экз. – на кум. яз. – Текст : непосредственный.

260. **Султанов, К. Д.** Яшланы дюнъясы = Мир детей : стихи и поэмы [для мл. школьного возр.] / К. Д. Султанов ; [Худож. С. Магомедова]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1982. – 149 с. : ил.; 20 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

261. **Султанов, К. Д.** Яшланы яшаву = Жизнь детей / К. Д. Султанов. – Махачкала : Даггиз, 1948. – 99 с. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

262. **Султанов, К. Д.** Яшлар ва къушлар = Дети и птицы : [для мл. школьного возр.] / К. Д. Султанов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1956. – 47 с. ; 21 см. – 2000 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

263. **Тангчолпан** = Утренняя звезда : антология / сост., авт. вступ. ст. М. Атабаев ; под ред. А. Даганова. – Махачкала : Редакция литературных журналов СП Республики Дагестан, 1994. – 402, [2] с. – 2100 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

264. **Тангчолпан** = Утренняя звезда : литературно-художественный и общественно-политический журнал / учредитель Министерство информатизации, связи и массовых коммуникаций Республики Дагестан ; главный редактор М. М.

Ахмедов. – Махачкала, 2012. – № 3. – 96 с. – Ежемес. – ISSN 0235-0157. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

265. **Усахов, М.-Р. У.** Дагестанская литература : учебник-хрестоматия для учащихся 6 кл. / М.-Р. У. Усахов.– [2-ое изд. , перераб.]. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1994. – 214, [1] с. ; 20 см. – 35 300 экз. – ISBN 5-7437-0325-6. – Текст : непосредственный.

266. **Устарханова, Р. А.** Энемжая = Радуга / Р. А. Устарханова ; [Худож. Т. Латифова]. – Махачкала : [б. и.], 2021. – 553, [3] с. ; 29 см. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

267. **Устарханова, Р. Я.** Лесной пир / Р. Я. Устарханова ; [Худож. Т. Латифова]. – Махачкала : [б. и.], [2021?]. – 38, [2] с. ; 29 см. – На русс. яз. – Текст : непосредственный.

268. **Халилов, М.-Н. М.** Инамлыкъ = Доверие : стихи, поэмы / М.-Н. М. Халилов. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 2011. – 384 с. ; 21 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-297-01780-1. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

269. **Хангишиев, Ж. М.** Къумукъ тил : 6–7 класлар учун = Кумыкский язык : учебник для учащихся 6–7 кл. / Ж. М. Хангишиев, А. М. Саидов. – [3-е изд.] – Махачкала : Изд-во НИИ педагогики, 2005. – 272 с. ; 26 см. – 15 500 экз. – ISBN 5-94328-149-5. – Текст : непосредственный.

270. **Яшлар, сизин учун = Дети, для вас** [Приложение к альманаху «Дружба» № 6]. – Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1960. – 27 с. – 1400 экз. – На кум. яз. – Текст : непосредственный.

Диссертации и авторефераты диссертаций

271. **Абакарова, Ф. З.** Детский поэтический фольклор народов Дагестана : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абакарова Фатимат Зайнутдиновна. – Махачкала, 1979. – 215 с. – Текст : непосредственный.

272. **Абдурахманова, Р. Д.** Кумыкская литературная сказка : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абдурахманова Разия Дагировна. – Махачкала, 2006. – 147 с. – Текст : непосредственный.

273. **Аджаматова, Н. К.** Возникновение и развитие кумыкской детской поэзии (конец XIX – первая половина XX века) : специальность 10.01.03 «Литература народов СНГ» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аджаматова Нина Каримовна. – Махачкала, 1994. – 178 с. – Текст : непосредственный.

274. **Адилъгиреева, З. С.** Художественное своеобразие поэзии Джаминат Керимовой : к проблеме гендерной поэтики : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Адилъгиреева Заида Сельдерхановна. – Махачкала, 2018. – 155 с. – Текст : непосредственный.

275. **Азизова, Д. М.** Художественное своеобразие лирики Багаутдина Аджиева : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Азизова Дина Магомедовна. – Махачкала, 2005. – 22 с. – Место защиты : Даг. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

276. **Акавов, З. Н.** Просветительство и развитие дооктябрьской литературы тюркоязычных народов Северного Кавказа : специальность 10.01.03 «Литература народов СНГ» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Акавов Забит Насирович. – Махачкала, 1988. – 464 с. – Текст : непосредственный.

277. **Алиева, А. Т.** Отражение в кумыкском фольклоре морали, этики и права: Древний и Средневековый периоды : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Алиева Аида Тажутдиновна. – Махачкала, 2006. – 178 с. – Текст : непосредственный.

278. **Алиева, М. М.** Идеино-тематическое многообразие и художественные особенности поэзии Б. Астемирова : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Алиева Маржанат Магаматбековна. – Махачкала, 2007. – 165 с. – Текст : непосредственный.

279. **Асеков, З. И.** Творчество А.-В. Сулейманова в контексте развития кумыкской поэзии : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Асеков Заур Изамитович. – Махачкала, 1996. – 164 с. – Текст : непосредственный.

280. **Асеков, И. Х.** Проблема взаимодействия народно-поэтического творчества и литературы Дагестана : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Асеков Изамит Хункерович. – Москва, 1972. – 388 с. – Текст : непосредственный.

281. **Атаева, Д. З.** Детская поэзия Вагита Атаева: вопросы традиции и новаторства : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Атаева Диана Запировна. – Махачкала, 2012. – 162 с. – Текст : непосредственный.

282. **Ахметов, Ш.** Становление и развитие казахской детской литературы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ахметов Шеген. – Алма-Ата, 1971. – 98 с. – Место защиты: Ин-т литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. – Текст : непосредственный.

283. **Валеев, М. Х.** Татарская детская литература и детская книга конца XX века (1980 – 2000 гг.) : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Валеев Мударис Харисович. – Казань, 2002. – 47 с. – Место

защиты: Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан. – Текст : непосредственный.

284. **Гаджиева, А. М.** Идеино-художественное своеобразие поэзии Абдуллы Магомедова : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гаджиева Альфия Мусаевна. – Махачкала, 2006. – 166 с. – Текст : непосредственный.

285. **Говоркова, О. Н.** Русская народная загадка: история собирания и изучения : специальность 10.01.09 «Фольклористика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Говоркова Ольга Николаевна. – Москва, 2004. – 32 с. – Место защиты: Московский гос. открытый педагогич. ун-т им. М. А. Шолохова. – Текст : непосредственный.

286. **Гуревич, Э. С.** Белорусская детская литература: Проблемы становления и развития. 1917–1967 : специальность 10.00.00 «Филология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Гуревич Эся Соломоновна. – Минск, 1972. – 451 с. – Место защиты: Ин-т литературы им. Янки Купалы. – Текст : непосредственный.

287. **Зырянова, А. И.** Литературные сказки пермских писателей (1940–1990) : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зырянова Алла Ивановна. – Пермь, 2019. – 21 с. – Место защиты : Пермский гос. национальный исследовательский ун-т. – Текст : непосредственный.

288. **Изиева, З. К.** Идеино-художественные особенности лирики Алим-Паши Салаватова : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Изиева Зарема Казбековна. – Махачкала, 2006. – 159 с. – Текст : непосредственный.

289. **Исмаилов, Г. Б.** Проблемы детской литературы в азербайджанской советской поэзии (на основе творчества Мехти Сеидзаде) : специальность : 10.01.02

«Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Исмаилов Гаджи Бахадур оглы. – Баку, 1983. – 182 с. – Текст : непосредственный.

290. **Каракотова, М. М.** Формирование жанров детской литературы карачаевцев и балкарцев : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Каракотова Мадина Магомедовна. – Нальчик, 2007. – 151 с. – Текст : непосредственный.

291. **Лейбсон, В. И.** Проблемы стиля и жанра советской детской поэзии : специальность 10.00.00 «Филология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лейбсон Владимир Ильич. – Москва, 1962. – 482 с. – Текст : непосредственный.

292. **Лейдерман, М. Н.** Советская литературная сказка. (Основные тенденции развития) : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лейдерман Марк Наумович. – Свердловск, 1989. – 269 с. – Текст : непосредственный.

293. **Лойтер, С. М.** Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Лойтер Софья Михайловна. – Петрозаводск, 2002. – 41 с. – Место защиты : Петрозавод. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

294. **Лямова, Б. Х.** Становление и развитие адыгейской детской литературы : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лямова Бэла Хамзетовна. – Майкоп, 2013. – 158 с. – Текст : непосредственный.

295. **Магомедова, А. М.** Художественные особенности и жанровое своеобразие поэзии Казиява Али : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук / Магомедова Айханум Магомедгаджиевна. – Махачкала, 2005. – 21 с. – Место защиты: Даг. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

296. **Магомедова, А. З.** Проблемно-тематические и жанрово-стилевые особенности творчества кумыкских поэтов 1940–70 гг.: к проблеме традиции и новаторства : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Магомедова Абидат Зулумхановна. – Махачкала, 2008. – 22 с. – Место защиты: Дагестан. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

297. **Магомедова, А. Ш.** Творчество народного поэта Дагестана Аткая Аджаматова: художественная концепция личности и общества : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Магомедова Альбина Шихсолтановна. – Махачкала, 2011. – 163 с. – Текст : непосредственный.

298. **Меджидова, И. А.-М.** Идейно-художественные особенности лирики А. А. Меджидова : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Меджидова Инжили Абдулмеджидовна. – Махачкала, 2004. – 192 с. – Текст : непосредственный.

299. **Минатуллаева, М. М.-Ш.** Поэзия Магомеда Атабаева в контексте дагестанской литературы: аспекты новаторства и национального своеобразия : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Минатуллаева Мадинат Магомед-Шапиевна. – Махачкала, 2007. – 182 с. – Текст : непосредственный.

300. **Мингазова, Л. И.** Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени доктора

филологических наук / Мингазова Ляйля Ихсановна. – Казань, 2011. – 363 с. – Текст : электронный.

301. **Мухамедова, Ф. Х.** Зарождение и развитие дагестанской советской детской поэзии : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мухамедова Фатыма Хамзаевна. – [Б. м.], 1986. – 198 с. – Текст : непосредственный.

302. **Мухамедова, Ф. Х.** Формирование и развитие дагестанской детской литературы : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Мухамедова Фатыма Хамзаевна. – Махачкала, 2004. – 384 с. – Текст : непосредственный.

303. **Мухина, В. М.** Воздействие русской художественной традиции на литературу народов Дагестана 60–80-х гг. (осмысление опыта) : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Мухина Вера Михайловна. – Махачкала, 2002. – 145 с. – Текст : непосредственный.

304. **Октябрьская, О. С.** Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Октябрьская Ольга Святославовна. – Москва, 2017. – 481 с. – Текст : непосредственный.

305. **Пахрутдинова, Р. У.** Кумыкская литература и творчество Аткая Аджаматова : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пахрутдинова Рагимат Умакаевна. – Махачкала, 2002. – 159 с. – Текст : непосредственный.

306. **Пономаренко, Л. Г.** Особенности языка и стиля советской поэзии для детей дошкольного и младшего школьного возраста : специальность 10.00.00

«Филология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пономаренко Л. Г. – Харьков, 1952. – 187 с. – Текст : непосредственный.

307. **Привалова, Э. В.** Советская детская литературная сказка 20–30-х годов : специальность 10.00.00 «Филология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Привалова Зоя Владимировна. – Москва, 1959. – 472 с. – Текст : непосредственный.

308. **Рашидова, З. М.** Литературно-критическая деятельность Камиля Султанова : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рашидова Зоя Магомедовна. – Махачкала, 2004. – 196 с. – Текст : непосредственный.

309. **Ураксина, Р. М.** Роль фольклора в формировании башкирской детской литературы : специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ураксина Расима Минибулатовна. – Уфа, 1995. – 163 с. – Текст : непосредственный.

310. **Халилов, З. А-О.** Азербайджанская советская детская поэзия и фольклор : специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Халилов Захид Абдулла оглы. – Баку, 1973. – 180 с. – Текст : непосредственный.

311. Электронная библиотека : библиотека диссертаций : сайт / Российская государственная библиотека. – Москва : РГБ, 2003. – URL : <https://diss.rsl.ru/?lang=ru> (дата обращения: январь, 2019 ; июль, 2023). – Режим доступа: для зарегистрир. читателей РГБ. – Текст : электронный.